

Михаил Дудин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

«СОВРЕМЕННОК»

Михаил Дудин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

ВРЕМЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

1963-1986 -

МОСКВА 1987

Р2
Д81

Составитель *Н. В. Банк*

Д $\frac{4702010200-217}{M106(03)-87}$ подписное

ВРЕМЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1963-1986

Мужайтесь, о други...

Ф. И. Тютчев

ПЕСНЯ ИВОЛГЕ, КОТОРАЯ МЕНЯ БУДИЛА В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

С. Гейченко

Душа моя цвела,
И ликовала,
И плакала, не знаю почему.
Дожди тянулись чашей краснотала
И подступали к горлу моему.

И горе горлом выходило песней.
Слетало с губ
И улетало с ней.
Ей было тесно
В клетке сердца тесной,
А на просторе —
В десять раз тесней.

Великая свершалась перемена
За переплетом моего окна.

Серебряною флейтой
В три колена
Меня будила иволга.
Она,
Осколком солнца выпорхнув из тучи,
Садилась на зеленой бузине.
Она слепила опереньем жгучим
И в песне душу изливала мне.
И сразу цапли умолкали в роще,
Зарянок утихали голоса.
День становился праздничней и проще,
И в нем происходили чудеса.

Сосна стонать струной переставала,
Течение останавливал ручей.
На три колена
Флейта ликовала
В скрещенье излучаемых лучей.

И сразу в мире становилось шире
От этой песни очень непростой.
Она лилась,
Всему живому в мире
Давая свой
Серебряный настрой.

Поэзия!
Ты этой песни слепок,
Живые души радуй и диви
Своей душой,
Летящей к солнцу слепо,
В рассветный час дорогою любви.
Живую воду с облака пролей ты
В большую чашу голубого дня,
Пока поют серебряные флейты,
В моей душе
Ликуя и звеня.

1963

ПЕСНЯ МОЕМУ ДРУГУ БОРИСУ ЛИХАРЕВУ, КОТОРУЮ ОН НЕ УСЛЫШИТ

1

И жил поэт, на мир не сетуя,
И в суете обычных дел
Всего себя,
Как песню спетую,
Легко раздаривать умел.

Хоть редко
Редкая удача
К нему ступала на порог,
Он, горе собственное пряча,
Делился радостью, как бог.

И был в атаке
Командиром,
И тамадою на пиру,
И, разговаривая с миром,
Казался скромницей в миру.

2

Не знаю: надо бы, не надо бы
Сказать ему —
Повремени,
Что заминированы надолбы,
А радость — прячется в тени.

Что непомерным
Станет горе,
Иссякнет радости запас
И жизнь со смертью в вечном споре
Вдруг примирятся в некий час.

Что в некий час застынут стрелки,
И остановятся часы,
И прекратятся перестрелки
У пограничной полосы.

Пойди пойми судьбу поэтову:
Что он берет, что отдает.
Наверно, я жадней,
Поэтому
Мне так его недостает.

И у меня своя удача,
Своя загадка,
Свой просчет, —
Жить, душу грешную не пряча,
Провал помножив на почет.

На дно ли камнем,
Птицей ввысь ли, —
Закончив бой, бросаться в бой.
И оставаться в лучшем смысле
Самим собой,
Самим собой.

1963

ПЕСНЯ ВЕЧНОМУ ОПТИМИЗМУ

Мне рай не оставили в наследство.
И я другим не обещаю рай.
Что хочешь делай:
Милуй или карай, —
Душа моя здесь рсточала свет свой.

Здесь, на Земле,
Среди ее людей,
В любви, в войне,
Средь злобы и улыбок,
В сумятице открытий и ошибок,
В тревоге недоделанных затей.

Здесь, на Земле,
Где солнце грудью — в грудь,
Где на рассвете заморозки колки,
Где проходил запутанный,
Недолгий
Моей судьбы смертельно сладкий путь.

Мой рай,
Мой ад
Признаний и клевет.
Тоски и песни — вечность и минута,
Где должен неизвестно почему-то
Души моей померкнуть ясный свет.

Не я умру —
Вселенная умрет
В моих глазах у счастья на пороге,
Там, где моей проторенной дороге
Не суждено бежать наоборот.

Не я умру —
Умрет живая связь,
Материи и мысли поединок,

Как свет звезды в хрустальных гранях

ЛЪДИНОК

Мгновенно гаснет, вспышкой дробясь.

И мысль моя расстанется со мной.

Уйдет туда,

Где я бывал когда-то,

Где облака раздумьями Сократа

Проходят по округлости земной.

И мысль моя рассеется, как свет

Рассеивается по свету,

И упадет на новую планету,

Клейменная судьбой земных примет.

И вновь возникну я,

Уже другой, нетленный,

Огнем в иной, обетованной мгле.

И смертно затоскую по Земле,

Так, как сейчас тоскую по вселенной.

1963

ПЕСНЯ ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ

Поэма

В. М. Звонцову

1

Нет секретов у рек. Реки вместе стекаются в море.
Погибают герои, но жизнь остается жива.
Через сердце мое, призывавшее к радости в горе,
Человеческих судеб течет, не мелея, Нева.

Я к судьбе этих жизней причастен судьбою своею,
Вместе с ними я вышел и песню понес на простор,
И костры Революции, искры горячие сея,
Запалили и мой на солдатской дороге костер.

Нет секретов у рек. Переходят в легенды и мифы
Беззаветные судьбы, чьим подвигом мир осиян.
Через камни обид, сквозь предательства подводные
рифы
Неподкупная Правда течет в мировой океан.

Мечут искры костры. Из костров поднимаются
звезды,
Во вселенной гармонии соединиться спеша.
И озонами гроз освежаются песни и воздух,
И свободу свобод обретает людская душа.

Есть вершина у каждого в яростном этом потоке.
Средоточие сил и открытий заветных пор.
...Я листаю года. Я считаю события и сроки.
Для души моей стала вершиной Воронья гора.

2

Воронья гора,
Воронья гора!
Пора мне с тобой расквитаться,
Пора!

В седом Январе
На Вороньей горе
Сугробы

Огонь озарил
На заре.

Кладет на глаза мои
Память ладонь.
Из пещла и зауми
Хлещет огонь.

Из мрака и света —
Обвала волна.
Пылает планета.
Гуляет война.

И катятся грома
И дыма шары
В долину проема
С Вороньей горы.

Расколот,
Как молотом,
Кованый лед.
И, падая, молодость
В песне
Встает.

И ворон кричит
На Вороньей горе
В промозглой ночи
О моем Январе.

И звезды салюта победного дня
Слезами вселенной текут на меня.

3

На Невском надписи пестрели,
Кричала каждая стена:
«Внимание!
При артобстреле
Опасна эта сторона!»

Весь Ленинград как на ладони
С горы Вороньей виден был.

И немец бил
С горы Вороньей.
Из дальнoбойной «берты» бил.

Прислуга
В землю «берту» врыла,
Между корней,
Между камней.

И, поворачивая рыло,
Отсюда «берта» била.
Была
Все девятьсот блокадных дней

Без перерыва
В голод, в горе,
В ребячий выкрик,
В хлеб и соль,
В последний свет
В последнем взоре,
В его отчаянье и боль.

В его последнее решение,
В его «умрем, но не сдадим!».
И над открытою мишенью
Ревел огонь,
Клубился дым.

И в них глядел, на все готовый,
К земле всей тяжестью присев,
Четырехсотмиллиметровый
Незакрывающийся зев.

Огонь!
И смерть вставала кругом
Над местом, где упал снаряд.
...Потом я увидел под Лугой
На летней даче
Детский сад.
Сад пятилетних инвалидов,
Игру смеющихся калек...
Не дай вам бог такое видеть,
Такое вынести
Вовек.

И с осторожностью напрасной,
К тому привыкнув на войне,
Хожу
По менее опасной
При артобстреле стороне.

Привычка.
Жду, на все готовый,
Что вот минутой, наугад,
Четырехсотмиллиметровый
В жизнь
С визгом врежется снаряд.

4

Январской порой снегопада
Вороньей горы на юру
Деревьям лихая надсада
Морозом коробит кору.

Деревья, высоки и редки,
С боков обступают тропу.
И щелкает белка на ветке,
Роняя в сугроб скорлупу.

Нет с каменной памятью слада.
На жизни и смерти между
Январской порой снегопада
Один я сюда прихожу.

И кажется,
С думой бесцельной
Тропинкой бреду в снегопад
И вижу сквозь сумрак метельный,
Сквозь синий туман —
Ленинград.

Где в крупной заботе и в мелкой,
Со всеми на равных,
Как все,
Судьба моя крутится белкой
В извечном своем колесе.
В мельканье грехов и огрехов,
Надеясь на крупный успех,

Среди
Пустотелых орехов
С жемчужиной ищет орех.

Где труд, и веселье,
И вдовью
Тоску на вечерней заре
Мы кровью,
Солдатскую кровью,
Омыли на этой горе.

Где многим на гребне рассвета,
В последних раскатах «ура»,
Последней вершиной
Вот эта
Воронья осталась гора.

Их тихая слава в помине
Слезы материнской жива.
...На голой,
Обдутой вершине
Остистая жухнет трава.

5

Давно пересмотреть пора
Войны приговора.
Поговори со мной, гора!
Поговори,
Гора!

Немую память не спеша
В душе
Развороши.
Моя вечерняя душа —
Сестра твоей души.

Они седеют от добра
И ждут одной зари.
Поговори со мной, гора!
Гора,
Поговори.

У нас секретов нет с тобой
И разногласий нет.
Здесь отгремел
Последний бой
На миллионы лет.

Ты для меня не мавзолеей,
А с юностью союз.
Всего на свете тяжелей
Познания
Тяжкий груз.

И днем, и ночью без конца,
Темнея от свинца,
Стучат в твоей груди сердца,
Моих друзей сердца.

Хотя б на малый миг земной
Глубины раствори.
Поговори, гора, со мной...
Гора,
Поговори.

6

Клубилась вечерняя выюга,
И ветер гудел стороной.
И голосом старого друга
Гора говорила со мной.

Морзянкою пух снегопада
Тот голос не мог забивать.
Не надо,
Не надо,
Не надо,
Не надо меня забивать!

Что было?
Все было!
И проще
Придумать того не могу.
Я просто споткнулся у рощи
В горячем январском снегу.

Я помню,
Как вспышки мелькнули
И гром прогремел
Над бугром.
Я грудью наткнулся на пули,
А ноги
Споткнулись потом.

Я падал в сугроб,
Под крушину.
С размаху, как сноп,
Наповал.
И, падая, видел вершину,
Снарядами вспаханный вал.

Сутулую спину солдата,
Мелькнувшую через обраг.
Над осыпью желтого ската
Исхлестанный пулями
Флаг,

Нанизанный солнцу на спицы,
Как красной жар-птицы
Крыло.
А дальше не помню:
Глазницы
Поземкою мне замело.

Все стало туманным и белым.
Жар схлынул.
Мороз не знобил.
Но что-то я там недоделал,
А что недоделал?
Забыл!

За что я остался в ответе —
Все это со мною лежит,
Без этого
Вам, на планете
Живущим,
Никак не прожить.

Какое-то очень такое,
Над чем я один
Господин,

И нет моей думе покоя,
И выхода нет из глубин.

Одна неживая досада
На вечные веки,
Опять:
Не надо,
Не надо,
Не надо,
Не надо меня забывать!

7

Шарахнулась в сторону телом
От взрыва,
Как тень от костра,
Березка в переднике белом,
Сестры медицинской
Сестра.

Истлела под снегом береста,
И ствол под травкою исчез.
Нароста седая короста
Покрыла, как пластырем, срез.

Но корни ее
Под сурдинку
Погнали
К побегу побег,
Под цвет золотому суглинку,
Потом перекрасив
Под снег.

Все в жизни
Сложнее и проще,
Чем кажется нам до поры.
...И я по березовой роще
Ходил у Вороньей горы.

8

Не скрою тревоги.
Не скрою
Обиды в холодной золе,

Все больше друзей
Под землю.
Все меньше друзей
На земле.

Над нами —
Тяжелые тучи.
Под нами —
Земная кора.
Мы — редкая роща
На круче,
Шумевшая лесом вчера.

Хлестал нас огонь артобстрела,
И танки утюжили нас.
И роща моя
Поредела.
Но роща моя
Не сдалась.

Стволы этой рощи поджары.
Глубокие шрамы стары.
Им снятся ночные пожары
На гребне Вороньей горы.

Мы многое в жизни свершили.
Одной причастились крови.
И тянутся наши вершины
К высокому Солнцу Любви.

Вселенной разряды и шумы
И Млечной Дороги
Река
По миру несут
Наши думы,
Чистейшие,
Как облака.

9

Чтобы утешить долю вдовью,
Нужны особые слова.
А ты, с погибшею любовью,
Одна —
Не мать и не вдова.

Ты уставать в тоске устала
От ожидания и слез.
Он прямо с выпускного бала
Двойную молодость унес.

Из милой суতোлки школьной,
Не оглянувшись на пути.
И ни прямой, и ни окольной
К нему дороги не найти.

Он с батальоном
Из-под Стрельны
К Вороньей вырвался горе.
И первым рухнул в снег метельный
В седом, как вечность, январе.

И расплылись по снегу пятна.
И захлебнулся снег в крови.
Он не успел вернуть обратно
Судьбе твоей
Твоей любви.

Любовь твоей души открытой,
Как в бесконечности полет,
Живет
В его душе убитой
И ей покоя не дает.

Навеки почта полевая
Забыла ваши адреса.
Весь мир —
Как рана пулевая,
Где ваши судьбы —
Полюса.

10

Луна, от облака отчалив,
Плывет в холодном серебре.
И в счастья час,
И в час печали
Я говорю моей горе:

Я жил
И песней подвиг метил.

И не моя сейчас вина,
Что новой жизни
Новый ветер
Сдувает наши имена.

И в непонятную дорогу
С своей Победой и тоской
Они уходят понемногу
Из песни памяти людской.

Когда
И по каким приметам
Вы их отыщете
В свой час?
Они уходят светом,
Светом
В раздумье вечера лучась.

По облакам глубокой чернью
Их пишет солнце на заре.
Я говорю горе вечерней,
Моей единственной горе,

Что на дороге
Жизни долгой,
Где бой все тот же не затих,
Я жил одним с тобою долгом,
Одной присягой на двоих.

Я на свою Воронью гору
Иду, как на ориентир.
И мне отсюда только впору
Глядеть на мир
И видеть мир.

Дышу опять с друзьями вместе.
Их дружба —
Новой не чета.
Перед грядущим честь по чести
У них оплачены счета.

А мне, гора, в дороге долгой
Через тревогу и печаль
Растущий груз двойного долга

Нести
И всматриваться в даль.

11

Мне жизнь героя,
Как депешу,
Живой душе не передать.
И я невесту
Не утешу
И не спасу от горя мать.

Но я пред будущим не трушу.
Стою
Постом
Сторожевым,
Свою
Мостом
Раскинув душу
Меж мертвым горем и живым.

Мне эта связь во всем потребна.
Она для всех живых сродни.
Смотрю с горы Вороньей,
С гребня,
Сквозь синий сумрак
На огни.

Они бегут ко мне подковой,
Как ожерельем янтаря,
Всей силой страсти
Жизни новой
Простор вселенной одаря.

Они дробятся над Невою
И затевают кутерьму.
Их тьма!
Они схлестнулись с тьмою
И опрокидывают тьму.

Их тьма!
И нет от них отбою.
Уходят мертвые в рассвет,

Судьбу живых
Своей судьбою
Определив на сотни лет.

Кому,
Какому сердцу впору
Преодолеть такой подъем!
Подняться к солнцу
В эту гору
Солдатским праведным путем!

Чтобы взглянуть на мир долинный
Текущих в будущее рек,
Судьбой проникнуться былинной,
Чтобы приблизить новый век.

Найти в себе такую силу,
Такую страсть, чтоб в том году
Над ней увидеть не могилу,
А вдаль зовущую
Звезду.

12

Пора моей песни
И дружбы пора,
Любви и тоски изначальной,
Гора моей жизни,
Воронья гора,
Гора моей юности дальней.

Сюда я к товарищам верным спешил
В жестокой беде на подмогу.
И не было выше и чище вершин
За всю мою жизнь и дорогу.

Мне жизнь открывалась
с твоей высоты,
Куда мне досталось добраться.
Последним приютом
Приветила ты
Героев солдатского братства.

ПЕСНИ ЛЕБЯЖЬЕЙ КАНАВКЕ

1

Лебединые юности трубы
В невозвратном поют далеке.

Не криви пересохшие губы,
О былом не гадай по руке.
И от глаз напряжением воли
Отгони невеселую тень.

Бесшабашно на Марсовом поле
Голубая бушует сирень.
Бушевала сирень. Бушевала.
Даже смерти самой вопреки.
И стучали по плитам канала,
Спотыкаясь, твои каблуки.
Перемешанный с дымкой рассвета,
Поднимался сиреневый чад.

Каблуки из блокадного лета
Не по плитам — по сердцу стучат.
Две орбиты схлестнулись, и круто
Развернулись ракеты в рассвет.
Стала вечностью эта минута,
Ей ни смерти, ни времени нет.
Отплыли далекие марши.
Белой ночи рассеялся дым.
Я не стал ни моложе, ни старше.
Я остался все тем — молодым.

Я живу этим чудом рассвета,
И с восторгом в моей тишине
Из того невозвратного лета
Откликаются лебеди мне.

2

Я не был обнесен у жизни на пиру
Ни чашей мести и ни чашей чести.

ПЕСНЯ НЕЗНАКОМОЙ ДЕВОЧКЕ

О. Ф. Берггольц

Я нес ее в госпиталь. Пела
Сирена в потемках отбой,
И зарево после обстрела
Горело над черной Невой.

Была она, словно пушинка,
Безвольна, легка и слаба.
Сползла на затылок косынка
С прозрачного детского лба.

И мука бесцветные губы
Смертельным огнем запекла.
Сквозь белые сжатые зубы
Багровая струйка текла.

И капала тонко и мелко
На кафель капелью огня.
В приемном покое сиделка
Взяла эту жизнь у меня.

И жизнь приоткрыла ресницы,
Сверкнула подобно лучу,
Сказала мне голосом птицы:
«А я умирать не хочу...»

И слабенький голос заполнил
Мое существо, как обвал.
Я памятью сердца запомнил
Лица воскового овал.

Жизнь хлещет метелью. И с краю
Летят верстовые столбы.
И я никогда не узнаю
Блокадной девчонки судьбы.

Осталась в живых она, нет ли? ...
Не видно в тумане лица. ...
Дороги запутаны. Петли
На петли легли без конца.

Но дело не в этом, не в этом.
Я с новой заботой лечу.
И слышу откуда-то, где-то:
«А я умирать не хочу...»

И мне не уйти, не забыться,
Не сбросить тревоги кольцо.
Мне видится четко на лицах
Ее восковое лицо.

Как будто бы в дымке рассвета,
В неведомых мне округах
Тревожная наша планета
Лежит у меня на руках.

И сердце пульсирует мелко,
Дрожит под моею рукой.
Я сам ее врач, и сиделка,
И тихий приемный покой.

И мне начинать перевязку,
Всю ночь в изголовье сидеть,
Рассказывать старую сказку,
С январской метелью сесть.

Глядеть на созвездья иные
Глазами земными в века
И слушать всю ночь позывные
Бессменного сердца. Пока,

Пока она глаз не покажет,
И не улыбнется в тени,
И мне благодарно не скажет:
«Довольно. Иди отдохни»,

ПЕСНЯ НЕНАЗВАННОМУ ДРУГУ, ИЗМЕНИВШЕМУ МНЕ

Стал уже круг,
Стал уже круг —
Мне изменил старинный друг.

Друг изменил,
Друг изменил —
И белый свет мне стал немил.

В два русла
Хлынула река,
Спустились ниже облака.

Коротче день.
Длиннее ночь.
И дружбе некому помочь.

С кем я сегодня поделюсь
Тем, чем горжусь,
Чего боюсь?

Кто нас рассудит,
Кто поймет,
Как ядом обернулся мед?

Мне изменил старинный друг.
Он стал мне недругом
Не вдруг.

Со мною вместе
Он спешил
К сиянью призрачных вершин.

Деля с ним песни,
Общий хлеб,
Наверно, был я слишком слеп.

Не знал,
Взойдя на перевал,
Что с обратном пиравал.

Что ж,
Оставайся там внизу.
Мне ветер высушит слезу.

Пусть на спине
Удвоен груз, —
Есть предо мною мой Эльбрус.

Снесу свой груз
Во весь свой дух
Один за двух,
Один за двух.

Мне изменил старинный друг.
Стал уже круг.
Стал крепче круг.

1964

Глаза убитого певца
И до сих пор живут не умирая
В туманах гор.

В. Хлебников

Гроза ущелье просквозила.
Туман ущелью лег на дно.
И через заросли кизила
Эльбрус глядит в мое окно.

В нас оживает что-то птичье,
Спадают с душ епитимьи,
Когда чистейшее величье
Нас снова делает детьми.

И чередою постепенной
Мир обновляет не спеша.
И на какой-то миг вселенной
Ядром становится душа.

Условности уходят сразу,
И видит то, что видит, глаз.
И скачет Лермонтов, Кавказу
Кавказ раскрывши напоказ.

Он убегает из-под власти
Пространств, столетий и царей.
И платит страстью вечной страсти,
И остается должен ей.

Поэзия! Вселенной совесть!
Идя на плаху и под нож,
Ты, о себе не беспокоясь,
Миром гармонией живешь.

В тебе предчувствуя предтечу
Дорог вселенских, наяву
Я сам себе противоречу,
Но той гармонией живу.

Твое гнездо с орлиным рядом...
По своему календарю
Тебе дается детским взглядом
Глядеть на новую зарю.

Роняет в пропасть лист крушина.
Поток — как бритва на ремне.
И лермонтовская вершина
С Эльбрусом белым наравне.

Свет солнца в белый купол вкраплен.
Вокруг — ни тени, ни следа.
Слова на солнце, словно капли,
Стекают с фирнового льда.

Поэзия! Ты беззащитна
В своей пророческой судьбе.
Но что грядущее сулит нам,
Живет и борется в тебе.

Не замуравываясь в кельях,
Напропалую, напоказ —
Ты вся в вершинах и ущельях,
Ты вся в изломах, как Кавказ.

И ты на нем горюшь, как пропись
Высоких истин. Из глубин,
С вершины — водопадом в пропасть,
Под лопасть вечности турбин.

Сама добро. Дробясь и добрясь,
Не целясь, попадаешь в цель.
И плавником сверкает образ,
Как в ледяной воде форель.

Ты вся в предчувствий смутном гуле,
Клубясь, бормочешь, как шуга.
И — грудь вперед — идешь под пули
На дикий камень Машука.

И, без защиты погибая,
Встаешь — живому верный щит.
И прежде грома голубая
В ущелье молния трещит.

Так по неписаному праву,
Раскальвая синеву,
Звезда ночную пьет отраву
И мертвой падает в траву.

Как демон, опаливший перья,
Добром и злобой заклеимен,
Ты навсегда обрел доверье
Судеб, галактик и времен.

Ты как прыжок без парашюта
В неизвестность — факелом до дна,
Где неприметная минута
Кипящей вечности равна.

Жизнь — нескончаемый экзамен,
С грядущим прошлого союз.
Упрямо вечности глазами
В мое окно глядит Эльбрус.

Он белый-белый. Рядом-рядом,
В холодной пене по усам,
Зеленой молнии разрядом
С него срывается Баксан.

Гремит, ворочая каменья,
И ставит русло кверху дном,
Мешая первый день творенья
С вновь нарождающимся днем.

Кизил алее красной крови
Горит, смещаясь на снегу.
Кто наше время остановит
И оседлает на бегу!

Горяч скакун. Крута дорога,
Скользит и вьется по горе.
И выше демона и бога
Твоя вершина в серебре.

Всегда гореть. Светить, сгорая,
Добром, любовью и тоской,
Во имя радости без края,
Земной возможности людской.

И есть за чем душе стремиться,
Куда лететь, чего хотеть.
Мир — снова белая страница.
И начинают птицы петь.

1964

ПЕСНЯ МОИМ КОМИССАРАМ

Поэма

Памяти Артема Веселого

Мировые бушуют пожары,
Над Россией лихая напасть.
Начинают войну комиссары
За рабоче-крестьянскую власть.

На груди кумачовые банты
И скрипучих тужурок шевро.
Революции судьи и франты,
Присягнувшие делать добро.

Недоучки. Философы. Воду
Не умевшие в ступе толочь.
Рифмовавшие точно: Свободу —
И — Народу — в октябрьскую ночь.

Облака нависают свинцово.
И когда уж молчать невтерпеж,
Вырастает железное слово,
Беспощадное слово — Даешь!

Следом конница стелется ходко,
Следом сабли свистят в лозняке.
И луженая тешится глотка
На пронзительном том сквозняке.

И — Вперед! — как удар по удару,
Через докота мелкий петит
По земному кровавому шару
Справедливость за ними летит.

И, с отчаянным грохотом споря,
Охмелев от удачи, горяч,
Две зари у Балтийского моря,
Задыхаясь, встречает грубач.

Нестерпимой продута метелью,
Голосиста, чиста и груба,
Над твоей и моей колыбелью
Тех времен надрывалась труба.

Мы росли не под охи и ахи.
Мы встречали походные дни,
Заломив по-отцовски папахи,
Затянув по-бойцовски ремни.

Мы высокие видели цели
Сквозь разрухи туман моровой.
И свирепое «Яблочко» пели
О коммуне своей мировой.

Эти песни стары, но не стары,
Вечны правдой своею, как хлеб.
Комиссары мои, комиссары!
Буревестники наших судеб.

Передышки не будет. Горенье!
Переход от беды до беды.
Пополнением мое поколение
Переполнило ваши ряды.

Кровь и песня моя на отдачу
Вашей правде горячей, как бой.
Я плачú своей жизнью, и плачу,
И ликую над вашей судьбой.

Ваша жизнь не вмещается в сроки
Неустроенной жизни земной.
Комиссары мои, как пророки,
Навсегда остаются со мной.

И душа, онемев от восторга,
Вслед за конницей вашей рвалась.
Даже смерть не могла, не расторгла
Наших душ нерушимую связь.

Наша конница — к поводу повод.
И озон революции свеж.
Я сейчас существую как провод
Для стремительных ваших депеш.

Ваша слава, тоска, и обида,
И надежда свободы людской
Во глубинах глубин не для вида
Породнились с моею тоской.

Как же так получается? Воем
Огласило полярную тьму.
Комиссаров моих под конвоем
По этапу ведут в Колыму.

Как же так получается? Жаром
До травы растопило снега.
Справедливость моих комиссаров —
От гибели на два шага.

Как же так получается? Рано
На рассвете прицельным огнем
В комиссаров стреляют, а рана
Остается на сердце моем.

Остается на сердце народа
Неизбывного горя печать.
Но хлебнувшая правды природа
Не умеет, не может молчать.

Лобовые встречая удары
В рукопашном открытом бою,
Комиссары мои, комиссары
Проглядели гибель свою.

Но у правды гибели нету.
Справедливости нету конца.
И ракета уходит к рассвету,
И боец заменяет бойца.

Верю в ветер упругий и свежий
И тревожную душу дарю
Неоглядности всех побережий,
Ожидающих чутко зарю.

На рассвете трава отдымилась.
Отгорела на солнце роса.
И открытой любви справедливость
Может в мире творить чудеса.

Означаются, несокрушимы,
Навсегда сохранившие след,
Озаренные солнцем вершины
Ваших жизней и ваших судеб.

Беспокойные смотрят радары
В разворот беспокойного дня,
Комиссары мои, комиссары,
Снизойдите сейчас до меня.

1964

Знать, глубина заоблачной вселенной
Под стать глубинам наших жадных душ.
Мы все в разведке вечной и бессменной
Летим в огонь
И в лед полярных стуж.
На вкус, на оцупь
Познавая вещи,
Мы скрытую отыскиваем суть.
Нам ветер века, свежий и зловещий,
Пургой тревоги замечает путь.
У каждого в пути своя вершина чести,
Эльбрус своей мечты —
Вершина из вершин.
Душа к душе
И локоть к локтю — вместе
Мы к общему содружеству спешим.
Чем выше — тем смелей.
Чем круче — тем упрямей.
Характер наш таков —
Не отступать в бою,
Пройти живым в колючей звездной рани
У вечности и бездны на краю.
Счастливым путь!
Под сердцем песня рядом.
Космических пространств зрачки пронзает лед.
Завистливым и беспокойным взглядом
Ловлю меж звезд земной души полет.
...Счастливым путь!

1965

НАДПИСЬ НА КНИГЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА «РАНЕНЬИЙ КАМЕНЬ»

Проводника, шагающего рядом,
Я памятью своей благодарю.
Старался я его увидеть взглядом
По ледникам скользящую зарю.

Стих зарождался. Холодны и немы,
Вставали горы, как наметки тем,
И клочкотал в гортани у поэмы
Разноударной рифмою Чегем.

Шли облака ущельями в разведку.
И горы, распадаясь на куски,
Давили стих, его грудную клетку,
Как боль земли, тиски ее тоски.

Здесь двух начал неистовство браталось
И с тьмой времен перемежался свет.
Жизнь или смерть. Гармония и хаос,
Его нагроможденье и Поэт.

Он этот мир призвал к первопорядку,
В его разлад характер свой привнес.
И, как стальной клинок по рукоятку,
В его судьбу и в дикий камень врос.

Тень от орла пласталась и скользила
По гребням, набирая высоту,
По осыпям, по зарослям кизила, —
Подчеркивая мира красоту.

И в этот мир вошла его натура,
Как откровение всему и всем,
Пером орла, горячей кровью тура
На ледниках написанных поэм.

В них мир поет, остановясь с разбега,
Пылают мальвы, колется осот.
Нельзя представить чистоты без снега
И радости победы — без высот.

Сквозь камень пробиваются наружу
Щедрот души подспудных родники.
Ты хочешь в горы, в высоту и стужу, —
Возьми его в свои проводники,

1965

ИЗЕТУ САРАЙЛИЧУ

Два человека создали Далмацию:
господь бог и Мештрович...

Из частного разговора

Мне снится Адриатика, Изет.
Лазурь и солнце воедино слиты.
И моря синь, и синий неба свет,
Ультрамарин на белых плитах Сплита.

И в медленных глазах голубизна
У девушек, не знающих покоя.
И средиземноморская весна,
И пряный дух лаванды и левкоя.

И голых гор сиреневый отлив.
Разлапистые кроны синих пиний.
Холодный дым серебряных олив.
Торжественная угловатость линий.

И море спит. Щека на парапет.
Спят лайнеры — скитальцы океана.
Мне снится сон. И в сон спадает свет
Через века от Диоклетиана.

На плитах эпитафии молчат.
Элады затухает позолота.
Но всё стучат, настойчивей стучат
По мрамору проворные долота.

В опоках бронза обрела покой.
Шлепками на каркас ложится глина.
Рождается под мудрою рукой
Душа, и мысль, и песня славянина.

Душе его нести через века
Грядущим поколениям гостинец.
Открыто учит два материка
Искусству благородства далматинец.

Я в мастерской пробуду до утра.
Здесь мысль его для мира песню спела.
За мастерской вздымается гора
Горою неоконченного дела.

А сколько нам с тобой тесать, спеша,
Мой брат по песне, по костру Победы.
Поэта беззащитная душа
Кричит в туман, предупреждая беды.

У нас с тобой на жизнь одна звезда.
В твой город входит без оглядки лето.
Он к звездам приколочен навсегда
Мечетями — гвоздями Магомета.

1965

Душа — навыворот! Рубаху
Рванув от ворота с плеча, —
С такой душой идут на плаху
Иль убивают палача.

И он из тех, из настоящих,
Перекричал и смех, и плач:
«Я сам души своей приказчик,
Судья, и жертва, и палач».

Есть в мире высшая свобода
Души возвышенно-большой:
Отдать себя душе народа
И стать потом его душой.

Идет рассвет из-под Рязани,
И тает месяц запятой.
«Ах, мальчик с синими глазами!
Ах, золотистый-золотой!»

Мне все мерещится, сдается,
Что я печаль твою сотру.
А голос льется из колодца,
Поет и плачет на ветру.

И стонет выпь, и утка кричат,
И по осенней стороне
На смерть и подвиг всадник скачет
Один на розовом коне.

1965

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕМУ ЖАВОРОНКУ

Г. Козловой

А мне Москва была мала.
Мне неуютно было.
Метель январская мела,
И всю Москву знобило.

Я шел куда глаза глядят.
Я брел один без цели.
Переметал Охотный ряд
Холодный хвост метели.

О чем я думал? Ни о чем.
О всем, что мне известно.
Плечо зимы с моим плечом
Соприкасалось тесно.

Наверно, все бывает вдруг.
И — вдруг, быстрее пули,
Твои глаза, как сам испуг,
В мои глаза взглянули.

И все. Какой-то малый миг,
Секунда-две, не боле.
Но я в глазах увидел крик
Сочувствующей боли.

И сразу там, на глубине
Моих раздумий где-то,
Опять, как показалось мне,
Зазеленело лето.

И жаворонок зазвенел,
Взлетев над клеверищем.
...Мы все в кругу обычных дел
Несбыточное ищем.

На нашей юности лежат
Напластованьем годы.
И нам от них не убежать,
Как от самой природы.

К нам нелегко ему лететь —
Все ощутимей козни.
Но продолжает где-то петь
Мой жаворонок поздний.

1965

СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Когда в упор стреляют песню
И мнут подковами копыт,
Она, свободы светлый вестник,
Сквозь пыль в грядущее летит.

Она не может кануть в Лету.
Ей нет начала и конца.
И Пушкин принял эстафету
От безымянного певца.

Я прошлому не потакаю.
Меня от памяти знобит.
Сибирь тоскует по Тукаю,
И по Джалилю — Моабит.

Палач подходит к изголовью
И целится наверняка.
Снега дымятся свежей кровью,
И стонет камень Машука.

И под топор подходит Фучик,
И под прицел встает Джалиль.
Но мир свободе песня учит
И с крыльев стряхивает пыль.

И ей не надо перевода.
Она останется живой
В твоей судьбе, в судьбе народа,
В судьбе свободы мировой.

1965

НАШИ ПЕСНИ СПЕТЫ НА ВОЙНЕ

Седина отсчитывает даты,
И сквозит тревогою уют.
В одиночку старые солдаты
Песни позабытые поют.

Может, так, а может, к непогоде
Ноют раны у седых солдат.
Песни тоже вроде бы не в моде,
Вроде устарели, говорят.

Может быть, и мы, и песни стары.
Высохла кровавая роса.
Новое под перебор гитары
Новые выводят голоса.

Легкие и свежие. Обиде
Не кониться, не кипеть во мне.
Наши песни спеты в лучшем виде,
Наши песни спеты на войне.

Там, где переходы и завалы,
Рваная колючка на столбах,
Умирили наши запевалы
С недопетой песней на губах.

С недопетой песней умирали,
Улыбаясь солнцу и весне.
И ко мне из неоглядной дали
Песня выплывает в полусне.

Песне что — звенеть на вольной воле,
До звезды вытягивая нить.
Только мне какой-то смутной боли,
Что ни делай, не угомонить.

И не надо! Ты меня не трогай:
У Победы тоже боль своя.
А тебе своей идти дорогой
И с девчонкой слушать соловья.

Он поет. Один поет в подлеске.
Ночь тиха. Вселенная глуха.
Над ручьем пушистые подвески
Осыпает старая ольха.

Звезды затихают в хороводе.
Соловьи выводят соловьят.
Может, так, а может, к непогоде
Нынче поют раны у солдат.

1965

ПЕСНЯ ДАЛЬНОЙ ДОРОГЕ

Поэма

Я умер бы, судьбы не изменя, —
Но что ты будешь делать без меня?
Шекспир

Негодую, беспокоясь,
Жить и петь — моя печаль.

Бесконечно длинный поезд.
Нескончаемая даль.
Что там?
Елок синий пояс,
Проводов тугой пунктир.
Вечный поезд. Скорый поезд.
Бесплацкартный пассажир.
Обступает поезд поросль.
Тоненькие деревца
Поднимаются,
А скорость
Увеличивается.
Станционные слободки.
Ветряные небеса.

И потеряны колодки
Тормозные с колеса.
Дым, качаясь, в рощах тает.
За звездой звезда следит.
Спутник по небу летает.
Рядом — спутница сидит.

Не успела породниться
С путь-дорогой?
Не скучай!
Коридором проводница
По купе разносит чай.

Ты вдова или невеста?
Что тебе в пути претит?
Вся Земля сорвалась с места.
Едет.

Плавает.

Летит.

Грусти спутница не прячет,
Телеграмм в тоске не рвет.

В коридоре мальчик плачет,
Тихо девочка ревет.
В карты режутся соседи.
И, не черен и не сед,
Весь запас домашней снеди
Разложил для всех сосед.
Задыхаясь страстью голой,
Весь задор включая в спор,
Две гитары с радиолой
Оглушают коридор.

Тамбур, как мотню, мотает
В перестуке кастаньет.
Парень девушке читает
Шестьдесят шестой сонет.
И она ему поверит
И уйдет в зеленый мир.
И для них откроет двери
Понимающий Шекспир.
И слова ей в душу канут,
Как в бездонный водоем.
Два раввина пиво тянут
С кибернетиком втроем.
В путь-дороге все не строги
В отношении речей.
И раввины знают: боги
Превратились в палачей.
Кибернетик ищет смысла
Мыслью бойкой, словно ртуть.
Кибернетик знает: числа
Есть возвышенного суть.

Поезд шпарит вдоль откоса,
Рельсы стелются вдогон:

Знаменателем — колеса,
И числителем — вагон.

Души есть у нас и лица.
Есть свои тоска и боль.

Мы с тобой не единицы
И не делимся на ноль.
Я не стар, и я не молод.
Для меня давно уже
Мир расколот.
Я расколот.
Два Вьетнама на душе.
Два Китая,
Две Кореи,
Две Америки в груди.
Бьют по целям батареи
День и ночь.
Не подходи!
Двух начал бушуют силы,
Новой скоростью грозя.

Мертвый пламень Хиросимы
Опалил мои глаза.

Прутья проволоки колки.
Сталь коробится в огне.
Бомбы рвутся,
А осколки
Разлетаются во мне.
Бомбы в матовом рассвете
Холодеют от росы,
И на всей Земле-планете
Нет нейтральной полосы.
Пораженья и победы.
Сорок бед — один ответ.

Были раньше в мире шведы.
Больше в мире шведов нет.
Шведы в ус себе не дуют,
Шведы сталь себе куют,
Шведы сами не воюют, —
Шведы пушки продают.
Я облизываю губы,
Жажды жить не утоля.

Нет ни Африки,
Ни Кубы, —
Есть — округлая Земля.

Есть тоска о смертном часе
И для всех один рассвет.
Есть Земля:
И нет в запасе
У Земли других планет.
На Венере нет ночлега.
Нет на Марсе торных троп.

Не построившим ковчега
Новый грезится потоп.

Продолжает время повесть.
Я начало рассказал.

Бесконечно длинный поезд.
Проскочил через вокзал.
Поезд окнами мелькает,
Дымом по небу следит.
Спутник по небу летает.
Рядом — спутница сидит.
Может быть, ответишь, кто ты —
Светлый ангел или черт?

Лейтенант морской пехоты
Данте выбросил за борт.
В океан глядеть не надо, —
Ты в меня гляди смелей.
Все круги земного ада
На душе сошлись моей.
Ты глядишь в меня по-детски,
Ты ни в чем не укоришь.

Достоевским бредит Невский,
Кафкой — Вена и Париж.
В Средиземном море тонет
Капитан Экзюпери.
В гребнях волн зеленом тоне
Лопаются пузыри.
Молния ломает тую.
Туя тает на огне.
И дельфин не запятую —
Ставит точку на волне.

Убегает кинолента
Мелкой дрожью автострад.

И стреляет в президента
Из винтовки Герострат.
О судьбе философ мямлит.
Заедает бабу быт.
Про себя решает Гамлет
Окончательное: быть!

Поезд мчится.
Ветки машут.
Ветры листья с веток рвут.
На полях крестьяне машут.
В корпусах ткачихи ткут.
Мимо — Рим.
И мимо — Мекка,
Выжжена и солона.

Мимо — клетка Гагенбека:
Два медведя,
Три слона.
Слон поднял упругий хобот,
Затрубил тревожно вдаль.
Человек я, а не робот,
Мне слона сегодня жаль.

Я знаком с его породой,
Мне сама природа — мать.
Я хочу дружить с природой,
А не с нею воевать.

Пусть слоны уходят в дебри,
В свой тропический уют,
И бамбуковые стебли
На свободе пожуют.
Пусть цветущие равнины
Их порадуют, бродяг...

С кибернетиком равнины
Переходят на коньяк.
В ситуации неверной
Спорят, выхода ища,
И «Шумел камыш», наверно,
Скоро грянут сообща.

А моя изба не с краю —
Смотрит окнами в зарю.

Я и сам еще не знаю,
Что я завтра сотворю.

Видел я Восток и Запад.
Смерть и Жизнь до волоска.
И поверил в милый запах —
В чудо черствого куска.

Нет во мне сегодня злобы.
Есть любовь, и есть печаль.
Поезд мчится через Гоби,
Катит по Китаю вдаль.

От души светло и чисто
И внимательно до слез
Два китайских активиста
На себя строчат донос.

Я смотрю на это косо,
Я рассказ приторможу.
В отношении доноса
Тоже кое-что скажу:

В синих отблесках пожаров,
В запыльной темноте
Засыщает комиссаров
Кости вьюга в Воркуте.

Комиссаров по доносу,
Запирая дверь на крюк,
Били так, что кровь из носу,
Зубы — в стенку, и каюк.

Просто так, а не за деньги
Звезды плачут о Звезде.
Одинаково застенки
Пахнут Гитлером везде...

Поезд скоростью качает,
Перестук колес дробит.
Маркса девочка читает.
Мальчик физику зубрит.

Ветер запахи доносит.
Пахнет гарью и золой.

Мальчик с девочкою спросят:
Что мыг сделали с Землей?

Я ее копал и рушил.
Плугом резал.
Песни пел.
Я свою земную душу
Всем раздаривать умел.
Потому что сила силе
Поднялась навстречу вся.
Потому что я в России
Русским парнем родился.

По орбите злоба бродит,
Ходит мелкая тщета.

И встает Россия вроде
Двухстороннего щита.

Светом солнца залитая,
Всем — защита и приют.
Хлещут волны из Китая,
Из Европы волны бьют.

Все умрет и не воскреснет,
Ось земная затрещит,
Вся Земля на части треснет,
Если треснет этот щит.

Что тут скажешь?
Что ответишь?
Время требует ответ.

Мне противно слово «фѣтиш»,
Мне любезно слово «Фет».

Фет прочтен.
Вдали ликует
Над пустыней зарево.
Парень девушку целует,
А потом она его.

Спят коттеджи и овины.
Волк ступает по троне.

Спят божественно равнины
С кибернетиком в купе.
Проводница тихо гасит
В коридоре верхний свет,
Спит Земля.

И нет в запасе
У Земли других планет.

Спит посередине мира,
Не качаясь,
Не юля,
Коммунальная квартира —
Беспокойная Земля.

Спит, закутанная в свитер
Разношерстных облаков.
На нее глядит Юпитер
Через тридцать девять веков.

Облака луна латает.
Спят Сараево и Сплит.

Спутник по небу летает.
Рядом — спутница не спит.

С ветки яблоко упало,
Зарумянилось с бочка.
Океан вздохнул устало.
Что нам делать, девочка?

Власть земного притяженья
Через сердца перебой
Мне диктует, вне сомненья,
Разговаривать с тобой.

Жизни мера.
Смерти мера.
Беспокойства Вечный Жид.
«Кто ты, спутница?»
«Я — Вера».
«Мне без Веры не прожить».

Фарисейская одежда
Падает с плеча, скользя.

«Кто ты, спутница?»
«Надежда»...
«Без Надежды жить нельзя».

Я спрошу, оберегая
Тайну тайн, не прекословь:
«Как вселенная нагая,
Кто ты, спутница?»
«Любовь».

Я рожден любовью тоже,
И любовь — в твоей крови.
Ты не смеешь и не сможешь
Без моей прожить любви.
В океане парус поднят.
Океану ветер — брат.

Ты — Бессмертие.
Сегодня
Я — Тревога и Солдат.

Не видать из-за тумана
Ни ромашек, ни гвоздик.
В середине океана
Выплывает Моби Дик.
Разворачивает тушу,
Раскрывает рот большой
И на каменную сушу
За моей плывет душой.

Был я рыцарем,
По росту
Меч носил и в рог трубил,
Защищал друзей и просто
Деревенским парнем был.

Прорывал тропу к окопу
И с гранаты рвал запал.
И не бык, а я Европу
На хребте своем спасал.
То, чему учили деды,
Я в душе своей пронес.
Если дрался — до победы.
А работал — на износ.

И не раз стоял под стенкой:
Жесткий кляп кровавил рот.
Вместе с Фучиком и Стенькой
Я всходил на эшафот.
И сейчас ни на йоту
Я не сдамся, запиши.
Никакому кашалоту
Не видать моей души!

Все дороги в гору скользки.
Страх над каждой тропой.
В старом городе Подольске
Инвалид поет слепой:
«Не с тобою мне дружиться,
Век короткий вековать.
Не с тобою мне ложиться
На двухспальную кровать».
И ему тоской и снами
Подпекает тишина:

Неужели между нами
Есть Китайская стена?

Где найти мне это слово,
Чтоб в стене открыло дверь?
Я спросил бы у Светлова,
Да Светлова нет теперь.
Как разбить ее в осколки,
Разбросать во все концы?
Расспросил бы я у Лорки —
Расстреляли, подлецы!

В лунной лени
Скрылись тени,
Колос голоса сгубя.

За себя ответил Ленин.
Мы в ответе за себя.

Молния сжигает светом
Коренастые дубы.
Пепел — по ветру!
И в этом
Есть гармония борьбы.

Связывает поколения
Мировая нить родства.
Бесконечны превращенья
Мыслей, судеб, естества.
Нет конца и краю звеньям.
Вечен подвиг. Жди и верь!

Может, мужество терпеньем
Называется теперь?

Ты поймешь меня без слова?
Понимаешь? Понимай.
Ты берешь меня такого?
Принимаешь? Принимай!
Губы — в губы!
Руки — в руки!
Впереди — сто тысяч лет.

Я беру тебя, как муки
Всех Офелий и Джульетт.
За Свободу, за Победу
Отдавать ответы нам.
Может, завтра я уеду
В Африку или во Вьетнам,
В той стране, родной и дальней,
Не во сне, а наяву
Под кокосовую пальмой
Рухну замертво в траву.
Птица с ветки свистнет тонко.
Капельку стяхнет росток.

Положи меня, девчонка,
Головою на Восток.
Я в последний раз увижу
Сквозь тоску последних слез
Берег Волги,
Месяц рыжий
В сонной сутеме берез,
Колокольни-великанши
Над коньками старых крыш...

Дальний поезд свищет дальше,
Мимо Вены на Париж.
Поезд шпарит паром травы,

Океана пену рвет.
Мимо города Оттавы,
Через бруклинский пролет.

В Нью-Йорке чад угарней,
Чем в казарме на заре.
Кто на свете популярней,
Девки спорят в кабаре.
Молодому жеребенку
Подковали копыта.
Привыкай, тяни постромку,
Набирайся опыта.

Вспоминая Хиросиму,
Жизни выжженной пустырь,
Принимает летчик схиму
И уходит в монастырь...

Словно кедр с омелой в роще,
С бытием срослось былье.
В речке девочка полощет
Подвенечное белье.

У русалки шею жутко
Перерезал идиот.

За клиентом проститутка
По Неаполю идет.

Ты хотела быть счастливой,
Слушая прибой гул.
Под серебряной оливой
Парень девку обманул.

Кенгуру тоняет динго.
Пристает к прохожим дрянь.

Розоватый пух фламинго
Засыпает Ленкорань.
Входят лайнеры в затоны.
Залезает мышь в строку.

И платаны как Платоны
В вечеряющем Баку.

Лесоруб, как сам Поддубный,
На поляне дуб валит.
Доктор физики под Дубной
В колбе атомы варит.

Может, спросим осторожно
Птолемея наших дней:
«Как дела на свете?»

«Сложно!
Впереди — еще сложнее!»

У небес в алмазном своде
Светит новая звезда.

Все приходит.
Все уходит,
Оставаясь навсегда.
Пусть мне снится сон без фальши.
Я прильну к твоей груди.
Только ты меня пораньше.
На рассвете разбуди.
Потому что Солнце — автор
Стихотворца и стиха.

Я хочу услышать завтра
Первым пенье петуха.
Надо утром хоть немного
Призадуматься всерьез.

Убегает вдаль дорога,
В дрожь коломенских берез.
Веет свежестью в вагоне,
Как ромашкой на лугу.
Может, я на перегоне
Машинисту помогу.

Пар клубится. В белом паре
Промелькнул дорожный знак.
Встала девушка,
А парень
Собирает свой рюкзак.

Как внимательно-неловки
И она сейчас, и он!

На случайной остановке
Парень спрыгнет на перрон.

Поднимаются соседи,
Отмывают сон с лица.

Мир любви и мир трагедий,
Мир тревоги без конца!

Мир без черта и без бога,
До травинки милый мир!

Бесконечная дорога.
Бесплацкартный пассажир.

Я хочу держать рукою
Ручку плуга иль перо.

Тянет старое к покою,
Завтра — новое старо.

Ставит миллион загадок
Беспокойства Вечный Жид.

Возникает свой порядок.
Хаос в сторону бежит.

Поезд прет базаром века.
Я кричу через окно:

«Будь похож на человека,
Посадившего зерно!»

Паровоз огнями пышет,
Подставляя ветру грудь.

Парню девушка напишет
До востребованья: «Будь!»

1965

НА КРАЮ СВЕТА

*Добрым спутникам моим по дорогам Чили:
Нине Алексеевне Булгаковой,
Сергею Сергеевичу Смирнову*

* * *

Граница снежных Анд и океана,
Страница авантюрного романа,
Богатая и нищая страна,
Горбатая колдунья и струна
Певучая в искусном переборе,
Колючая, стоящая в дозоре
В воде у скал и побережных линий,
В беде своей прямее синих пиний,
Я ел твой хлеб и пил вино и воду,
И не был слеп, предчувствуя свободу
Твоих дорог без проволоки колкой.
Я все сберег, что увидал, надолго.
Пусть наши песни на дороге пестрой
Сойдутся вместе, как родные сестры.

* * *

Что такое Чили? Шпага
На прибрежной полосе земли,
Чтоб ни страсть,
Ни сила,
Ни отвага
Взять ту землю с боем не могли.

Все здесь перемешано:
И дикий
Берег,
И пустынный океан.
Впереди маячит путь великий,
И кровавый позади туман.

Видел я немало в мире крови.
И, за все судьбу благодаря,
Удивляться солнцу мне не внове
На иной настрой календаря.

Дай мне бог в пустыне Атакаме
Не сказать последнее «прости»
Всем цветам,
А благородной ламе
На ладони воду поднести.

* * *

Крутые обрывы,
Глубокие ямы,
Плакучие ивы —
Зеленые ламы.

И зиму, и лето
От века доньше
Стоите на этой
Нагорной долине.

Земля огорожена:
Стой и ни с места,—
А сколько положено
Лет для ареста?

Когда ж бытие
Человек перепашет
И сменит *мое*
На разумное *наше!*

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ДОМЕ ПАБЛО НЕРУДЫ В ИСЛА-НЕГРА

Ни разлуки, ни обманов, ни туманов.
Нерастраченною силой обуян,
В сорок тысяч миллионов барабанов
Рассыпается Великий океан.

Тень тревоги в мире осени завялом.
С океаном горизонт сошел на нет.
Наступая постепенно, вал за валом
Белой пеной завиваются в сонет.

Дикий берег. Ни уюта, ни приюта.
Волны слизывают строчки, как следы.

* * *

Ах, Лота! Каторжная Лота!
Над Тихим океаном штиль.
Дня затухает позолота,
И пышет каменная пыль.

Бакланы кружатся над мелью.
С высоких Анд ползет туман.
Уходит шахта в подземелье,
Над подземельем — океан.

Грохочет клеть. Поют сирены.
Уступов каменные лбы.
Куда ни ткнешься носом — стены.
Нет больше выхода! Долби!

Долби! Надежд на помощь нету.
Контрактом закреплен обман.
Долби! Одна дорога к свету —
Сквозь пласт угля и океан.

Сквозь тусклый сумрак, вверх из мрака!
А что вверху? Туман, гроза,
Жена, густая вонь барака,
Детей голодные глаза.

Им света надо, хлеба надо.
Вода пустая не вкусна.
И нет эскудо на пескадо¹,
И от заботы — не до сна.

А там опять поют сирены.
Свет лампы как кровоподтек.
Надежда есть: любые стены
Отбойный рушит молоток.

* * *

У входа в угольную яму
Кричат плакаты день и ночь:

---

¹ Пескадо — рыба.

«Неделя помощи Вьетнаму»
И «Янки, из Вьетнама прочь!»

Одна судьба, одни заботы.
Одна борьба. Держись, Вьетнам!
Свой нищий хлеб шахтеры Лоты
С тобою делят пополам.

ТАЛЬКАУАН

Эриану Сан Мартину

Семь тысяч человек,
Семь миллионов чаек.
И волн набег
На камни нескончаем.

Причал пропах
Моллюсками и тиной
И впопыхах
Оставленной корвиной¹.

Гниют медузы
В колеях дороги.
И кверху пузом
Тонут осьминоги.

И дразнят вкус
Любителя глубоко
Живой лангуст
И красный пика-рока.

И в вихре брызг
Семь миллионов чаек.
Их поросячий визг
Необычаен.

Но парус верный
Подгоняет ветер:
«Родригос-первый»
И «Родригос-третий».

---

¹ Корвина — океанская рыба.

По самый бак
Набиты рыбой трюмы.
И перекущик, и рыбак
Угрюмы.

Любуется
Уловами, паскуда.
Торгуется
За каждое эскудо.

Он мелким бесом
У весов с навесом
И десять песо
Выручит за песо.

Рыбак — в кабак
Походкою вразвалку.
Стакан — в кулак
И под руку русалку.

ПЕСНЯ ВОСХИЩЕНИЯ ДАВИДУ СИКЕЙРОСУ

Самое ценное сокровище — это человек.

*Надпись на фреске Сикейроса
в начальной школе города Чильяно*

Я видел росписи в Чильяно —
Вселенской мысли непокой,
Расхлестанный по стенам рьяно
Его неистойвой рукой.

Ту правду самой высшей школы,
Идущей в душу напролом,
И бой, и слав испанской шпоры
С арауканским топором.

Где расу побеждает раса,
Где победитель изнемог.
И ученик второго класса
Глядел на пестрый потолок.

В глазах — упрямство Монтесумы
И ярость Кортеса в крови.

Его нелегкий путь и думы,
Его мечты благослови.

Не буколическою тенью,
А кровью и для всех времен
В единоборстве миг рожденья
Его души запечатлен.

Где победитель у победы
И побежденного в плену.
Перед тобой, идущий следом,
Художник сбросил пелену.

Его мазки, как сабли, резки, —
Удар по глазу, а не в бровь.
И я назвал бы эти фрески
Дорогой к братству через кровь.

ВАЛЬПАРАИСО НОЧЬЮ...

Не скрывается бессонница с порога.
Я заснуть сейчас с дороги не могу.
Почему-то мне припомнилась Клоога —
Лагерь смерти на балтийском берегу.

Размывает дождь песчаные уступы.
На сто верст ползет удушливая вонь.
И в поленницы уложенные трупы
Лижет нехотя бензиновый огонь.

Мы пришли. Но мы на помощь опоздали.
Мы как ангелы устали. А в ночи
Удирали, нажимая на педали,
И удрали из Клооги палачи.

В воду спрятали концы — и сразу крышка.
Ни ответа, ни привета... Но уют
За пропахнувшее кровью золотишко
На краю земли охотно продают.

Вот и продали... И здесь мои дороги
Двусторонне, от кола и до кола,
Неоплаченным отчаяньем Клооги
Эта ржавая колючка оплела,

Через кактусы ползет и через пальмы,
Через камни и пожухлую траву,
Через снова расцветающие мальвы,
Через кровь воспоминаний наяву.

Сбоку церкви, мимо свалки, а на свалке
Беспризорных сука пестует щенят,
Мимо мертвого монаха в катафалке,
Мимо лозунга: «Файвовича в сенат!»

Я не сплю сейчас — колючка под подушкой.
А цивильный белобрысый господин
В одиночестве стучит пивною кружкой
За стеною в ресторации «Берлин».

АСТРОНОМ ЗВЕРЕВ ИГРАЕТ В ОБСЕРВАТОРИИ САНТЬЯГО СКРЯБИНА...

Далековато
До пулковских звезд.
Срезает экватор
Медведицы хвост.

Над кроною лавра —
Квохтанье дрозда
И альфа Центавра,
Двойная звезда.

Луч света, как шпага,
Сквозь линзу и — в глаз.
А снизу Сантьяго
В огнях напоказ.

И сумрак — золою.
И в сумраке — гром.
Меж звезд и землю
Живет астроном.

Еще не открыты
Моря и миры,
Пути и орбиты
Вселенской игры.

Разумная мера,
Безмерная даль.
Небесная сфера
И черный рояль.

Чем душу одаришь,
Восторгом дыша?
И — Скрябина с клавиш
Слетает душа

В гармонию бездны
И хаоса спор.
Планет и созвездий
Идет разговор.

Где лед и горенье
Грозят тупиком,
Где в каждом мгновении
Свой рубикон,

Где мысли означен
Свой путь и разбег,
Ликует и плачет
Меж звезд человек.

Усталые руки —
И прорванный круг,
И в радугу звуки
Сливаются вдруг.

ПЕСЕНКА, КОТОРУЮ ПЕЛ ЧЕЛОВЕК С ОСТРОВА ПАСХИ

Невелика у нас с тобой земля.
Она твоя.
Она моя.
А ты все ждешь с востока корабля.
Чужой корабль.
Далекое моря.

Сегодня в ночь, а может, завтра днем
Придет корабль — не уплывай на нем.

Мне все равно не удержать тебя,
Любовь моя,
Любовь моя.
Я прокляну, одну тебя любя,
Чужой корабль,
Далекое моря.

Сегодня в ночь, а может, завтра днем
Придет корабль — не уплывай на нем.

ЧИСТИЛЬЩИК САПОГ У ОТЕЛЯ «САНТА-ЛЮСИЯ»

Твой стул — как трон. Король — на нем
сидящий.

Тщеславье начинается с сапог.
Острей лаванды скипидаром ящик
Пропах насквозь. Ты действуешь как бог.

Ты молчалив, как в первый день творенья.
Движеньем отработанным рука
Стирает пыль неуловимой тенью,
Поспешно начиная с каблука,

Пока под щеткой в нестерпимой дрожи
Не вспыхнет солнце радугой, пока
Не отразится на зеркальной коже
Твое лицо и улицы река.

Весь этот мир снаружи и с изнанки,
Его пристрастий Дантовы круги.
...Твой капитал лежит в консервной банке,
Поблескивая у босой ноги.

* * *

Человек кривляется с эстрады.
Публика в восторге. Лишены
Смысла человеческие взгляды
В мире оглушенной тишины.

Страшно мне в оцепененье диком
Жизнью обездоленных калек.

Человек живет истощным криком,
Потерявший песню человек.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО ИЗ ЧИЛИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

За экватором под южным небосводом
На другом конце такая ж маета.
Если спросишь, как я жил там, — антиподом
Самому себе, и ты была не та.

Суета сует сегодня правит миром.
Беспокойство на земле и на звезде.
В этом мире, неустроенном и миллом,
Горе пахнет одинаково везде.

Горе с нами. Не утопишь горе в море.
Не забросишь горе камушком в вулкан.
Сплетня с правдой не помирятся в раздоре,
И молчать умеет Тихий океан.

Я молчу сейчас. Глоток последний выпит.
Горечь встречи тоже выпита до дна.
И Луне уже подмигивал Юпитер.
И летит сейчас к Юпитеру Луна.

Улетает. Улетела. До рассвета
Без нее в ночи созвездия горят.
Астрономы в телескопы видят это,
Но об этом никому не говорят.

ЛЕТИМ НАД АНДАМИ НА СЕВЕР

Мы взлетную минуем полосу,
И вылетают выхлопы, как пробки.
И горы обнаженные внизу
Как мозг Земли без черепной коробки.

И тайны неразгаданной печать
В нагроможденье первозданной плоти.
Пойми ее. Попробуй прочитать
Геральдику потонов и утопий.

Какая мысль пронзает этот строй
Закрученных вулканами извилин?
Их скрытый шифр загадки непростой
Над мыслью человеческой всемогущ.

Я — деспот твой и твой мятежный раб,
Впотьмах пути определивший слабо.
И мысли человеческой масштаб —
Всего частица твоего масштаба.

Не кто кого, а кто кому — вопрос
Определит грядущего размеры.
И хватит ли решить его всерьез
У человека мужества и веры.

Не зря, преображая и губя,
В непостоянстве от начала века,
Чтобы осмыслить самое себя,
Природа создавала человека.

И создала. И нам дано понять
Ее судьбу на миллион столетий,
Как понимают, оставляя мать,
Через порог ступающие дети.

* * *

Рамоу

Нет, ты не вымысел фантаста.
Катились мертвые года.
В твоей земле, Антафагаста,
Нашли селитру.

И тогда

Запахло порохом.
За лихом
Пошли со всех концов Земли
Через Великий, или Тихий,
В Антафагасту корабли.
И был большой запас балласта —
Земли на каждом корабле,
Как некий дар, Антафагаста,
Твоей беспочвенной земле.

Тот дар, по ведрам и на вынос,
Ссыпали вместе.

...До небес
На разнородной почве вырос
Интернациональный лес.
И голос птиц сегодня звонок
Цветущей зелени внутри.
...А мир играет, как ребенок,
На бочке с порохом.

Смотри...
Фитиль дымится...

АЛЬГАРРОБО В АТАКАМЕ

Нуньесу

Здесь жизни не было в помине.
Ни кактуса, ни паука.
На мертвой супеси и глине —
Веков засохшая река.

Немой пейзаж иной планеты,
Загадка, скрытая вовне
Земли, и сам не знаешь, где ты, —
На Марсе или на Луне.

Как зашифрованная титлом,
Пустыни горькая беда.
Здесь добывается селитра
И меди красная руда.

Но мне запомнится до гроба,
Как на часах сторожевой,
В плаще зеленом Альгарробо
Среди пустыни неживой.

Как перед царственной короной,
Смежив усталые глаза,
Под зеленеющей кроной
Шоферы жмут на тормоза.

И скрытой радости в угоду,
Влюбленные в земной уют,

Душеспасительную воду
На корни каменные льют.

И дерево растет, как чудо,
Живой души живой побег,
И зеленеет здесь, покуда
Пустыней правит человек.

УТКИ В ЛАГУНЕ

*Студентам Антафагасты,
исполнявшим этот танец*

Платок в руке — и павою.
Аккорд гитарой взят.
В лагуне утки плавают
И селезни скользят.

Степенно друг за дружкою,
Покачиваясь лишь,
Подружка за подружкою
Плывут через камыш.

Каемочку от юбочки
В двух пальчиках держа,
И каблучки как рюмочки
По острию ножа.

И крылья рук за голову
В истоме завело.
Любовь, как песня, голая
Подходит под крыло.

Стихают волны в лепете,
И зайчики рябят.
А над Россией лебеди
Залетные трубят.

На родине, как водится,
Сегодня по весне
Березки хороводятся
На голубой Шексне.

За левой — руку правую,
Как лебедя в полет, —

Ничья девчонка павою
Выходит в хоровод.

* * *

Тревога — ощутимей бога —
Всегда на случай под рукой.
Ее упрямый непокой
Нас возвеличивает строго.

Тревога — вечная дорога —
Летит асфальтовой рекой.
И пусть останется такой
Манящей помощью с порога.

И круг разъят, расширен круг.
И в круг вступает новый друг —
Усилю общему подмога.

И с другом можно сделать много, —
В его душе твоя тревога,
И жизнь не выскользнет из рук.

* * *

Пророк рифмуется с пороком.
Пороку свой отмечен срок.
Смотри за тем, кто за пророком
Переступает твой порог.

Тщета шумит, и, как по нотам,
К Добру взывает нищета.
Поэзия, ты Дон-Кихотом
На пики лезешь без щита.

Опять, как при царе Горохе,
С налета прешь в переполох.
Ты целиком в своей эпохе
Творцов, открытий и пройдох.

В листках военного блокнота
Ищу забытые слова:
«Стоит одна у поворота
Россия,
Женщина, Вдова»,

Что впереди?
Вершина чести,
Маяк, мигающий во мгле.
Иль подниматься к звездам вместе,
Иль вместе погибнуть всей Земле?!

* * *

Перекрестка прокрустово ложе,
Двух начал вековая беда.
И Сегодня на Завтра похоже,
Переход Ничего в Никуда.

Только свет атлантических линий,
Только скорость клубит облака.
И над ними торжественно синий
Небосвод, позабывший века.

Ничего он не помнит. А может,
Сам я все позабыл и внизу
Ничего в этот мир, не похожий
На себя, для других не внесу.

Только света и мрака скольженье.
Только радуги отблеск поблек.
Нарастает движенье. В движенье
От себя отстает человек.

Ах, куда он торопится, крылья
Заменяя на стрелу и иглу!
Он несется космической пылью,
Словно свет через мутную мглу.

* * *

Пророкам гибели легко,
Им ошибиться трудно.
Но корни жизни глубоко
И действуют подспудно.

И нет у времени времен.
Страсть жизнь из праха лепит.
Ты навсегда приговорен
К той бесконечной цепи.

* * *

Самолет драконом, а не зябликом
Над просветом в облаке повис.
И Земля внизу качнулась яблоком,
Розовея боком, сверху вниз.

Жгут пространство сопла, режут лопасти.
Как для жизни яблоко спасти?
Сколько кислорода — синей пропасти —
Для такой напасти припасти?

Где его возьмешь? Туберкулезная
Песня задыхается в бреду.
Лезет в душу снова чужь серьезная
У пустой вселенной на виду.

А внизу в замедленном скольжении,
Мысль мою поднявшее в полет,
Жизнь моя, и смерть, и продолжение,
Розовея, яблоко плывет.

Землю рвал я. Скалы рушил в пропасти.
И считал, что лихо не беда.
Выплывают снизу из-под лопасти
Сонные в тумане города.

Параллелограммы и квадратики.
Тощий воздух нищей тесноты.
...Женщины! Учитесь математике.
Говорю вам с этой высоты.

* * *

Не живешь ты, сердце, взáперти.
Лишь рассвет коснется крыш,
Ты на скутере по скатерти
Сонной заводи летишь.

Там, где грому не грохочется,
Набираешь высоту.
Почему тебе все хочется
Разорваться на лету?

* * *

Сантьяго, Генуя и Вена —
Один клубок,
Один комок.
Но только море по колена
Я до сих пор найти не мог.

В судьбе торгашества и фальши,
В тревоге — общая вина.
И с каждым веком
Звезды дальше
И все бездонней глубина.

Пространства нить
Мотает лопасть.
Почти не виден круг винта.
И что сулит на завтра Пропась,
Не знает нынче Высота.

Час отчужденья,
Миг прощанья.
Таможня. Путаница виз.
И позабыты обещанья,
И все пути переплелись.

Истома тропиков,
И вьюжный
Лед сонной Арктики окрест,
И ковш Медведицы,
И Южный
Над низким горизонтом Крест.

* * *

Скошена горошина,
Брошена и взвешена,
Ситом распорошена,
В колобок замешена.

Через моря и через сушу
Бежит по миру колобок:
Разматывает время душу,
Как кошка бабушкин клубок.

Что ждет его у поворота?
Когда конец покажет нить?
И все томительней забота —
С чем тот конец соединить.

* * *

С недоумением иль приветом,
Ракетой иль на корабле,
Но ты вернешься снова к этой,
Тобой оставленной земле.

По зову совести и долга,
Не признающего обман.
В твоём сознание будет долго
Греметь Великий океан.

Где птицы побережьем бродят,
Где берег грозен, как редут.
Границы сводят
И разводят.
И две души
Опять сведут.

1966

ДОРОГА ЖИЗНИ

Героям Ладоги

У отдельно взятого человека есть копилка опыта — память. В кровавых муках нарождается память человечества, память земли, память — избавление от повторения ошибок. Забвение — катастрофично.

1. РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЯЩЕРИЦЕ

Я не знаю, кожей или нервами,
Может, через камни и растения
Ощущают ящерицы первыми
Приближение землетрясения.

И скользят, как молнии зеленые,
Меж камней и меж корней от гибели
В место безопасное.
Каленые
Глыбы камня это часто видели.

Мальчики,
Не убивайте ящериц,
Вглядывайтесь в камни и растения.
Может, есть дороги настоящие
В этом мире без землетрясения.

А моя дорога жизни
Лавою
Пробиралась через лед по Ладоге.
Там мои друзья лежат, не плавают
И не видят ни снегов, ни радуги.

Я ведь тоже из породы ящериц
И судьбу сквозь жизнь несу похожую,
Чувствуя тревогу подходящую
Обожженной и промерзшей кожейю.

Только я от гибели не бегаю,
Знаю я давно яснее ясного:
Не найдется среди света белого
Человеку места безопасного.

Сединой раздумий кудри выбели,
Перевороши воспоминания

И неси погибель
Смертной гибели
Жизнью
До последнего дыхания.

2. РАЗГОВОР С ВОДИТЕЛЕМ М. ТВЕРДОХЛЕБОМ

Мы с тобою, солдат, постарели,
Спотыкается сердце в груди,
Отбуянили наши метели —
Роковой ураган впереди.

Плохо спится седым ветеранам,
До утра артиллерия бьет.
Снова Ладога скрыта туманом,
Снова ночь опустилась на лед.

Никуда нам от ночи не деться,
Старой памяти выпал черед.
Надо только взглядеться,
Взглядеться
Через прошлое наше вперед.

Ни друзей, ни себя не обидеть,
Отвечая за все головой.
Надо только увидеть,
Увидеть
Свет зари за чертой огневой.

Тот причал ледяной переправы,
Где кровавый кончается чад.
Что поделать:
Живущие правы,
А спасители жизни
Молчат.

В одиночку,
По братским могилам,
На чужой и родной стороне,
Под песком золотым
И под илом
На глубоком на ладожском дне.

Не надеясь опять на подмогу,
Как и в том, сорок первом году,
Надо снова пускаться в дорогу
Вечной жизни
По шаткому льду.

Надо снова петлять под обстрелом,
По торосам, вслепую, без фар,
Между трещин отыскивать целый
Лед на ощупь,
Минуя удар.

От Ваганова автоколонну
Через лед провести наугад:
Ленинградцев голодных —
В Кобону,
А снаряды и хлеб —
В Ленинград.

Еще время тревог не минуло
Над твоей и моею судьбой.
Снова Ладогу льдом затянуло
И за жизнь продолжается бой.

3. ГЛАЗА Л. БЕЛОУСОВА

Живет Герой Советского Союза
На старой Петроградской стороне
На пенсии,
Отяжелев от груза
Годов и славы, правильной вполне.

Жизнь — не орел,
А смерть в бою — не решка.
Под Выборгом в сороковом году
Он, сбитый, обгорел, как головешка,
Потом промерз на лютном холоду.

Он на протезах выбрался, хромая.
Из госпиталя.
Яростью грозя,
Глаза его глядели не мигая —
Не закрывались веками глаза.

Сгорели веки,
Мужеству,
Усилю
Предела нет.
И был переполох,
Когда он возвратился в эскадрилью
Как бог отмщенья,
Беспощадный бог.

Доверить истребитель инвалиду?
Доверили.
Поверили.
Пиши.
И крылья, поднимавшие обиду,
Как бы срастались с яростью души.

Об этом помнят небеса Гангута
И Ладоги седые облака,
Где поединка
Каждая минута
Была равна векам
Наверняка.

В бою есть тоже мастерство.
Полета
Особый почерк и особый класс.
Мгновенная
Работа
Пулемета —
И падает, зажмуриваясь, ас.

А он глядит,
Как свастика кривая
Ломается от взрыва и чадит,
Не отводя лица
И не мигая, —
Так мужество в грядущее глядит.

Что видит он?
Огня и крови реки,
Семирамиду в розовом саду,
Мор или мир?
...Спали мне, время, веки,
Дай разглядеть Победу и Беду!

Век сказок кончен.
Прѣшлое не троньте.
Бунтует у волшебника Сезам.
Мне надо знать:
Что там, на горизонте?
И нет ни сна, ни отдыха
Глазам.

4. ПОДВОДНЫЙ СВЕТ

Не забыть мне зарниц Шлиссельбурга,
Батареи немецкой налет.
Зимней ночи косматая бурка
Опустилась на ладожский лед.

Но расстреляно рваное небо,
Полыньи от бомбежки дымят.
Пополненья,
Снарядов
И хлеба
Дождидается твой Ленинград.

И машины идут сквозь торосы
И, по дифер в воде,
Тормозят,
Оплетенные цепью
Колеса
По торосам на ощупь скользят.

Ты стоишь у развилки дороги,
Указуя им путь фонарем,
И не сдвинуть
Примерзшие ноги,
Не согреться домашним огнем.

Где-то рядом снаряды ложатся
И на лед выступает вода.
Маша, Машенька!
Надо держаться
В этом крошечке мертвого льда.

Полоснуло,
Ударило.

Льдина
Под тобою встает на дыбы.
Маша, Машенька!
Темная тина.
Валунов обнаженные лбы.

Ночь гремит соловьями в Кобоне
И плывет по молочной волне.
Где-то вышь одинокая стонет,
И мерещится
Разное мне.

Не звезда полуночная пляшет,
Отражаясь в накате волны,
Это машет фонариком
Маша
Из своей голубой глубины.

Б. ВДОГОНКУ УПЛЫВАЮЩЕЙ ПО НЕВЕ ЛЬДИНЕ

Был год сорок второй.
Меня шатало
От голода,
От горя,
От тоски.
Но шла весна, —
Ей было горя мало
До этих бед.

Разбитый на куски,
Как рафинад сырой и ноздреватый,
Под голубой Литейного пролет,
Размеренно раскачивая латы,
Шел по Неве с Дороги жизни лед.

И где-то там,
Невы посередине,
Я увидал с Литейного моста
На медленно качающейся льдине
Отчетливо
Подобие креста.

А льдина подплывала,
За быками
Перед мостом замедлила разбег.
Крестообразно,
В стороны руками,
Был в эту льдину впаян человек. . .

Нет, не солдат, убитый под Дубровкой
На окаянном «Невском пяточке»,
А мальчик,
По-мальчишески неловкий,
В ремесленном кургузом пиджачке.

Как он погиб на Ладого,
Не знаю.
Был пулей сбит или замерз в метель.

...По всем морям,
Подтаявшая с краю,
Плывет его хрустальная постель.

Плывет под блеском всех ночных созвездий,
Как в колыбели,
На седой волне.

...Я видел мир.
Я полземли изъездил,
И время душу открывало мне.

Смеялись дети в Лондоне,
Плясали
В Антофагасте школьники.
А он
Все плыл и плыл в неведомые дали,
Как тихий стон
Сквозь материнский сон.

Землетрясенья встряхивали суши.
Вулканы притормаживали пыл.
Ревели бомбы.
И немели души.
А он в хрустальной колыбели

ПЛЫЛ.

Моей душе покоя больше нету.
Всегда,
Везде,
Во сне и наяву,
Пока я жив,
Я с ним плыву по свету,
Сквозь память человечества плыву.

6. РАЗГОВОР С НЕМЕЦКИМ ПИСАТЕЛЕМ

Сквозь прицел оптических винтовок
Мы с тобой знакомились в упор,
Без дипломатических уловок
Начинаем новый разговор.

Ты сейчас сидишь в моей квартире.
Греешься у ровного огня.
Пьешь вино
И говоришь о мире, —
Больше не прицелишься в меня.

Восстановлен Ленинград.
У Кёльна
Колокольни на ветру гудят.
И тебе, и мне сегодня больно
За моих и за твоих ребят.

Ты солдат, и я солдат, —
Не так ли?
Нам стареть,
А молодым расти.
...Вся Земля из просмоленной пакли —
Стоит только спичку поднести.

Нет, мы не витаем в эмпириях,
С лика века отмывая грим.
Фарисеи спорят о евреях,
Мы о Достоевском говорим.

О Добре и Зле.
А мир угарен.
Над Европой мутно и серо.
Я тебе, пожалуй, благодарен.
За твое солдатское перо,

Что во имя жизни человека
Ты для человечества донес,
Пусть хоть небольшую,
Правду века,
Только не на ближнего донос...

В кабаке портовом не без цели
Ночью надрывается тапер.
В Пушкина
Стреляют на дуэли.
Фучика
Подводят под топор.

Врут попы,
И договоры лживы.
Прошлое — грядущему родня.
Мир сейчас на переломе.
Живы
Гитлеры сегодняшнего дня.

Кто? Они? Нет, мы сегодня в силе
Отстоять спокойную зарю.
Сын Земли
И сын моей России,
Я с тобою, немец, говорю.

Мы солдаты.
Мы с тобой в ответе
За навоз Земли
И за Парнас.
Пусть на свете вырастают дети
Мужественней
И достойней нас.

7. У КОСТРА НА БЕРЕГУ ЛАДОГИ

Наша молодость, товарищ,
Нам с тобою не в укор.
Все на прошлое не свалишь,
Без огня уши не сварить —
Разворачивай костер,

Пусть горит да людям светит,
На содружество намек.
Может, кто-нибудь
Приметит,
Завернет на огонек.

У окраин Ленинграда —
Смерти страшная черта.
Замыкается блокада.
Голод.
Холод.
Темнота.

Мрет народ
От этих тягот,
Чудом держится редут.
Сотни тысяч в землю лягут,
Ленинграда не сдадут.

Метроном — пророк тревоги —
Отсчитает артналет.
Перерезаны дороги.
Есть дорога через лед.

Пробиралась та дорога,
Нашей верности слуга,
От порога
До порога,
Мимо логова врага.

Подо льдом —
Вода немая.
Смерть свистит над головой.
Все на свете понимая,
Мы вели неравный бой.

День и ночь к нам шла подмога.
Хлеб и соль.
Тепло и свет.
На тебе лежит, дорога,
Нашей крови красный след.

Бой жестокий,
Ненапрасный.

Смелость — злое ремесло.
Жаль, что след от крови красной
Половодьем унесло.

А рыбак в удачу верит,
Мерит Ладогу веслом.
Низкий берег,
Плоский берег,
Золотой его излом.

Медью кованных окалин,
Одинок, как террорист,
Неприкаянный, как Каин,
На дубу трепещет лист,

Листопад,
Как шкура лисья, —
Под разбегом легких шин.
Мы с тобой, как эти листья,
Не бушуем,
А шуршим.

Только жизнь идет подспудно
По сплетениям корней.
Нам с тобою было трудно.
Новой поросли —
Трудней.

Что она в дороге встретит,
Я предвидеть не могу.
Пусть ей светит,
Светит,
Светит
Наш костер на берегу.

8. СЛУШАЯ ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Встают закаты и рассветы
У пограничной полосы.
Куда вы смотрите, поэты,
Предупредители грозы?

Спешат фельдъегери из штаба.
Ракеты в пульманы грузят.

Бедой вселенского масштаба
Седой беспечности грозят.

Беда крадется вдоль обочин,
Она минирует шоссе:
Ее расчет и прост, и точен,
И планы выверены все.

Я шкурой собственной чую
Ее приход издалека.
Я говорю, я не врачую.
И нет покоя мне, пока

Кому-то надо за кого-то
Костями в сырую землю лечь.
...И у меня одна забота —
От смерти Землю уберечь.

9. В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

В последний раз во сне тревожном,
Перекосив от боли рот,
Я прокричу неосторожно
Свое последнее «вперед!»

И ты запомни: я не умер,
Я в бой ушел в последний раз.
В солдатском сердце замер зуммер,
И с миром связь оборвалась.

ОКНО В ГОРЫ

БЛАГОПОЛУЧНОЕ ПИСЬМО

Все, что напластовалось грубо
В душе за долгие года,
Благословенного Цхалтубо
Смывает добрая вода.

Она, не спрашивая визу
Геологических пород,
Через земное сердце снизу
Струей горячею идет.

Она шаманит оголтело
И, что-то делая со мной,
Умело приобщает тело
К непостижимости земной.

Она поет легко и тонко
И навевает ясный сон.
Так мать баюкает ребенка —
И выздоравливает он.

И между ними нет от века
Враждой отмеченных преград.
Сердца Земли и Человека
Одновременно бьются в лад.

ЭВКАЛИПТ

Эвкалипт стоит и стынет
В рваной шкуре, гол и сер,
Как песчаную пустыню
Перешедший дромадер.

Он глядит на снежный Север,
По Австралии грустит.

Прошлогодных листьев веер
На макушке шелестит.

Что он слышит? Ветра ропот,
Дальней бури произвол.
Но закручен, словно штопор,
Уходящий в землю ствол.

Он завяжет без тревоги
Временных явлений связь.
...У меня душа в дороге
Понемногу извелась.

Что-то ноет, как старуха,
По ночам полужива.
И с нее слетают сухо
Прошлогодные слова.

ВОСЕМЬ СТРОФ НА МОГИЛУ ГЕОРГИЯ ЛЕОНИДЗЕ

Ушла из глаз живая жизнь
В заоблачные выси,
Как твой высокий оптимизм.
Печален был Тбилиси!

И заскользила тень крыла
По трепету крушины.
Нет в мире неба без орла.
Нет без орла вершины.

Ты все, что мог и смел, свершил,
Спел песню в полный голос.
И песня, падая с вершин,
О камни расколосась.

Кто вправе оценить всерьез
Ту песню без улыбки!
Нет в мире музыки без слез,
Нет правды без ошибки.

И этой грустною порой
За этой песней следом

Я над полночною Курой
Шел, никому не ведом.

Густая ночь. Пустая ночь.
И гор нагроможденье
Кричало в ночь, прося помочь
Тоске перерождения.

И очень тонкий диск луны
Сиял над снежной Ушбой,
И дух Стиха под плеск волны
Грозился новой дружбой.

И только тень от бытия
Вдаль по волне бежала,
Как два тончайших острия
Хевсурского кинжала.

ГОРЫ ИЗ ОКНА НОЧЬЮ

На горизонте горы голы
Стоят, как древние глаголы,
И их читают небеса.
Там на утес утес нанизан,
И по сбегаящим карнизам
На их отливе темно-сизом
Чернеют голые леса.

Молчат всю ночь ночные горы,
Ущелий каменные створы,
Паров окаменевший чад,
Седых вершин зубцы и льдины,
Завалов плотные плотины,
Где лампы прячут Аладдины, —
О чем они в ночи молчат?

Какие ледяные мысли
Над лбами каменными свисли
В наплывах фирнового льда?
Вы не вместились в теоремы,
Вы угрожающи и немы,
Как непрочтенные поэмы
Вселенной мудрого труда.

Какие беды и загадки
Лежат в изгибе каждой складки
Глубоких каменных морщин?
Ты стар, наш мир. Ты очень молод,
Ты на частицы не размолот,
В тебе огонь и вечный холод,
И ты — один. И ты — один.

Лишь только ветер межпланетный
Качнет былинку незаметно —
Антенны травы наострят.
И ты пойми в тот миг мгновенный
Всей собранностью вдохновенной,
Как через пропасти вселенной
С Землею звезды говорят.

ПОСЛЕ ПРОГУЛКИ ПО ЦХАЛТУБО

*Народ издревле ценит мастеров.
К. Кулиев*

1

О мастера чеканки и майолик!
Я в вас влюблен, как в чачу алкоголик.

А год назад не в Грузии, а в Чили
Меня не чачу — чичу пить учили.

Готов сказать: на двух концах планеты
У чачи с чичей сходятся приметы.

Их сила виноделу постижима —
Она из виноградного отжима.

Но суть названья пасмурна и мглиста
Для к чаче непричастного лингвиста.

2

О мастера чеканки и майолик!
Я к вам пристрастен, как пристрастный стоик.

Вы мастера особенного дела,
Где простота не ведает предела.

Бы молотком по меди и по стали
Не душу ли искусства воссоздали?

В изгибах тонко выкованных линий
Глаза грузинок непорочней лилий.

А грациозность веретенных талий
Подчеркнута отсутствием деталей.

И я глядел во все глаза, расхрабрясь,
На легких ланей паутиный абрис

И на прыжок рассерженного барса
В глазури обожженного фаянса.

Сквозь абрис лани, простирая руки,
Тянулись к свету каменные буки,

И барс летел из каменного входа,
Под ним была кремневая порода.

Весь этот строй любви, тоски и боли
Стал сам Природой на свободной воле,

Мир обнажив снаружи и с изнанки.

3

О мастера майолик и чеканки!

Искусство ваше из глубин народа.
Оно в природе есть сама Природа,

Поставленная мастером на место.
И мне смотреть на это чудо лестно.

Остановись, мгновение! Покуда
Томительное ощущение чуда

Как дань блаженству я воспринимаю.
А совершенству нет конца и краю.

...При чем здесь чича и при чем здесь чача?
Да пьют их там, где у людей удача.

СОН

Снилось мне безумное движенье,
Странная предметов чехарда.
Потеряв земное притяженье,
Уходили в небо поезда.

Улетали в небо пароходы,
Отделялись от Земли дома.
Вечные явления природы
Были вне законов и ума.

Все, что было зримо, — мимо, мимо,
Поднималось, исчезая, вверх.
Уносил с Земли необратимо
И меня последний фейерверк.

С высоты, где плавали светила,
Слаженности четкой не губя,
На Земле, что книзу уходила,
Я увидел самого себя.

Только каждое мое движенье,
Каждой мысли каждый поворот
Повторял в обратном направленьи
Мой земной далекий антипод.

Только я одно понять старался:
Почему Земле для добрых дел
Нужен был не тот, что с ней остался,
А другой — который улетел?

ПАМЯТИ СИМОНА ЧИКОВАНИ

Есть удивительные грани
Поэзий братского родства.
Чеканил слово Чиковани
Всем превосходством мастерства.

Вершины Грузии высоки,
Красой особой хороши.
Он мне открыл ее истоки
С вершины собственной души.

Она была чиста, как горный
Родник, бегущий из-под скал.
Он, совершая труд упорный,
Себе пощады не искал.

Плечо Святой горы — отныне
Его возвышенный приют.
Другие юноши в долине
Смеются, плачут и поют.

Его живой души улыбка
Моей сопутствует везде.
И серп луны над ним, как зыбка,
Плывет, подвешенный к звезде.

ХОЛОДНОЕ УТРО ЦХАЛТУБО

На пиниях иней, как маска на скулах врача.
И очерк горы. И за нею в бездонности синей
Плывут облака, на холодном ветру клокоча.
И пар над провалом. И иней не падает с пиний.

Согрей мое сердце и скорбные руки скорей.
Здесь колются звезды, и ночи безжалостно долги.
Согрей их приветом, далеким дыханьем согрей
И сдунь, словно иней, со старого сердца иголки.

Не сердце, а кактус растет, распускаясь, в груди,
И давит на ребра, и гасит ночные светила.
Ты памятью в память скорее ко мне приходи,
Как в жизни и смерти спасеньем ко мне
приходила.

Я жду тебя, слышишь! За горной гряды перевал
Летит мое слово, а ветер холодный, нахрапист,
Его оборвал — и обвалом под камни в провал.
Ни слова. Ни эха. Кончается ночи анапест.

Я жду тебя, слышишь! Гремит водопад, клокоча,
И тень от горы закрывает в тумане долину.
На пиниях иней, как маска на скулах врача.
Я выйду в ущелье. Я каменных гор не раздвину.

Я вслушаюсь в утро, как мальчик в плохие стихи,
Как в грубый подстрочник, который не ждет
перевода.

На пиниях — иней. В Цхалтубо поют петухи.
И запахом хлеба спокойная дышит природа.

ПОЧТИ ЗАКЛИНАНИЕ

О боже, как ты хороша!
Всем звездам настужь
Твои глаза, твоя душа,
Истома страсти.
И в светлой страсти, и в тоске,
В печали черной,
От гибели на волоске
Не будь покорной.

Твое достоинство и стать
Во мне поныне.
И красоте твоей блистать
В моем помине.
Как хочешь это назови,
Хоть блажью вздорной:
В самозабвенье и любви
Не будь покорной.

Пусть ничего в своей судьбе
Не наверстаю,
Но чистых песен вслед тебе
Пускаю стаю.
Через сердца, через года
Кидаю зерна:
Не будь покорной. Никогда
Не будь покорна.

В тебе моя земная честь
И все, что снилось.
И правосудие, и месть,

И гнев, и милость.
Тебе поет моя строка
Тоской упорной:
Через века и на века
Будь непокорной!

ВОСПОМИНАНИЕ О ДОБРОМ ПИРЕ

Давиду Квициридзе

Виною тому моя вина
И добрый твой порог.
Я выпил полный рог вина,
Как солнца полный рог.

Вино, как шелковый огонь,
Ласкало пищевод.
Оно и дружества ладонь
Сулили тыщи льгот.

И я душой помолодел
В кругу друзей твоих.
Я пил за дружбу наших дел,
За откровенный стих,

За первый и последний бой,
За Грузию твою,
За песню мужества, тобой
Рожденную в бою.

За сумрак партизанских троп,
За братские холмы,
За то, что время прямо в лоб
Встречать умеем мы.

Пил за судьбы солдатской честь
Твое вино до дна.
И пил за то, что в мире есть,
Есть женщина одна.

Что так далек ее порог,
Так краток счастья срок.
Но пел в руке старинный рог,
Налитый солнцем рог.

НОЧНОЙ ПЛАТАН

Горит звезда в тумане рваном
И рвет туман.
В окно, забитое туманом,
Стучит платан.

Весна в истоме. Ночь вальяжна.
Сыра, сера...
Качают влагу клетке каждой
Компрессора.

Стучит платан. Набрякшей веткой
За переплет
Зацепится и капли редко
По капле льет.

И каждой каплей душу ранит
Ночной платан.
Платан в тумане. Я в тумане
За ним плутал.

Светились капли чистой влаги,
И, как кентавр,
К платану, выпадом на шпаге,
Метнулся лавр.

Но между ними встала туя
Щитом — вражде.
Платан качнулся, салютуя
Своей звезде.

Он был в испарине. И запах
Сырой густел.
А мир сопел, шумел, и капал,
И шелестел.

Весна держала мир во власти.
Пускалась в рост
По лабиринтам дикой страсти
Корней и звезд.

ОЧЕНЬ ХОРОШЕЕ УТРО

Блестит на солнце кремнезем.
На скатах гор подсохла глина.
Прозрачным жидким янтарем
Сквозит Цхалтубская долина.

Звенит ручей, как старый стих,
Как откровение и почесть.
И мир разнежился, притих,
Сам на себе сосредоточась.

Душа становится добрей,
Ей все смятения излишни.
Чирикнул первый воробей
На тонкой ветке лавровишни

И смолк. И снова тишина
Светла, свежа и благодарна.
И над долиной вышина
До бесконечности янтарна.

1967.

ЗЕРНА

I

На Площади Жертв Революции —
Марсовом поле —
В гранитном квадрате
Огонь негасимый горит.
Здесь время, как крейсер,
Застыло на вечном приколе,
Впечатав себя
В угловатый карельский гранит.

Все добыто кровью.
Багровое пламя, как знамя,
Святыня святыни,
Высокому солнцу родня,
Бушует, и плещет,
И мечется в кованой раме,
Своей справедливостью
Яростный мир осеня.

Над Марсовым полем
Клубятся осенние тучи,
Как кручи твердых
Революции сторожевых.
И знает земля,
Что погибшие в битвах живучи
И нет без них жизни
Для новой победы живых.

Я твой, Революция,
Старый солдат и ровесник.
Крещенный в твоём
Беспощадном и светлом огне.
И песня моя
Продолжение начатой песни,
По праву наследства
Тобою оставленной мне.

Законы родства
Для моих сотоварищей строги,
Мы выпили чашу
Восторга и гнева до дна.
Проверь, Революция,
Наши пути и дороги,
Проверь наши судьбы —
В них верность Присяге одна.

Нам волосы треплет
Восстания крепнувший ветер,
Когда мы стоим
Над печальным и вечным огнем.
Мы кровью платили
И жизнью своею ответим
За подвиг героев,
Начавших к вершине подъем.

Волна набегает
На теплый гранит парапета.
И ластится тихо
К зеленой траве-мураве.
И новая юность
В легчайшую дымку рассвета
По Марсову полю
Выходит к широкой Неве.

В туманной росе, как наплывы
Лилового дыма,
Над Марсовым полем
Чадит по куртинам сирень.
Есть таинство клятвы.
И юности необходимо,
Встречая рассвет,
Заглянуть в наступающий день.

На белых рубашках,
На форменных платьицах белых,
Над пламенем верности
Галстуков красных концы,
Как вечный огонь.
Пополнением рядов поределых
Вас к новым победам
Напутствуют ваши отцы.

Ты знаешь об этом,
Моя Революция. Зерна
Твоей справедливости,
Воли железной твоей,
Бессмертием мужества
Корни пустили упорно
В неистовых душах
Вернейших твоих сыновей.

Мы все пережили:
Обиду и холод осады,
В блокадные ночи
Бессменные ставя посты.
Мы губы кусали
В голодном бессилье досады,
Своими костями
К победе мостили мосты.

И мы победили.
Мы вырвались к солнцу из ночи.
Мы сделали то,
Что не в силах живым превозмочь.
Вглядись в этот мир.
Соловьиного свиста короче
Над сонной Невою
Колдует молочная ночь.

О мать-Революция!
Вечна твоя эстафета.
И в пену времен
Зарывается нос корабля.
И молнии хлещут
Над хлябью ревущей. И в лето
Расцвета гармонии
Юная входит Земля.

Прекрасных плодов
По весне начинается завязь.
Приходит любовь,
Соловьиною песней звеня.
Предчувствие боя,
Тревога и светлая зависть
К идущим по следу
Сегодня терзают меня.

Вставай со мной рядом!
Над площадью Марсова поля
С моею ладонью
Сведи молодую ладонь.
Одна у нас песня.
Одна у нас кровная доля.
И в нашей крови
Революции вечен огонь.

II

Старый парус романтики
Вьется над рубкою судна.
Шторм идет океаном,
Гремит о форштевень волна.
В удивительной жизни героев
Бывает секунда
Неизбежности жертвы —
Векам по значенью равна.

Не над всеми могилами
Есть надмогильные плиты.
Не о каждом герое
Зарубка в истории есть.
Навсегда Революцией
Души людские открыты,
И в народной душе —
Революции правда и честь.

Не суглинком, а кровью
Краснеет за нами дорога.
Не ковыль на курганах —
Чубы ветерок шевелит.
И не надо из Ленина
Делать всевышнего бога.
Он земной, человеческой
Волей и правдой велик.

В Революции нашей
Лежит человечества опыт.
Опыт преданных людям
Бесстрашных в познание людей.
Скорость века растет
И тревожное время торопит.

И победе сопутствует
Гибкая точность идей.

Есть расчет и уверенность —
Новой победы основа
Перед светом звезды,
Никогда не гасимой вдали.
Революция светит
Прообразом братства земного
Племенам и народам
На всех континентах Земли.

Как судьбою положено
Светлого мужества сыну
Под прицелом врага, —
Миллионы твоих сыновей,
Мать-Россия,
Не гнули пред гибелью спину,
Утверждая надежду
Единственной жизнью своей.

Не у жертв —
У мучителей в страхе дрожали коленки
Перед мужеством верности,
Словно под градом трава.
С эшафотов и виселиц,
Через глухие застенки
В наши уши кричат
Завещаний последних слова:

«Погибая, я верую
Жизнью в грядущее племя.
В силу храброго духа,
В его всенародный подъем». —
И над ними не властно
Ракетой летящее время,
Потому что мы сами
Бессмертьем героев живем.

Есть у труса — жестокость.
У храброго есть благородство.
Храбрость с песней уходит.
А трус умирает стократ.

Песней подвига учит
Всегда Революция род свой
Присягающих ей,
Командиров ее и солдат.

И пером и штыком
Огневая написана повесть
Жизни братства людей,
Навсегда отвергающих ложь.
На разъезде Касторной
Путиловский бьет бронепоезд,
И летит с Перекопа
Охрипшее слово: «Даешь!»

И — «За мной!» —
Впереди эскадронов Чапая папаха,
И как молния — сабля
Над гривой его дончака.
Партизанские кедры
Морозными лапами страха
Подступают вплотную
К застывшим глазам Колчака.

Власть Советская входит в дома.
И, как дома,
По-хозяйски решает,
Ей в деле беда — не беда.
И не спят по ночам
Телефоны ее Совнаркома,
Правосудия рыцарей
И комиссаров труда.

Еще враг не добит.
Он последнею злобою бешет.
Но рабы разогнули
Позор векового горба.
И орлами надежды
Кремлевские мчатся депеши,
И братается с Молотом Серп
На сияющем солнце Герба.

Еще голод и холод гуляют
По градам и весям.
И «буржуйка» не греет,

И хлеб пополам с лебедою.
На весах справедливости
Чашу весов перевесил
Не «последний», как в песне,
А самый «решительный» бой.

Никому, никогда
Наша правда не сдастся на милость,
В неприкрашенной страсти
Со всех горизонтов видна.
Все меняется в мире,
Но нашей любви справедливость
Неизменна вовеки
И верность дороге — одна.

III

Перед боем в траншее
В затишье холодном и мгlistом,
Все на свете припомнив,
Предчувствуя миг роковой,
Мы писали штыками:
«Считайте меня коммунистом!» —
На прикладах винтовок
И шли на удар штыковой.

Между жизнью и смертью
Был выбор солдату свободен.
Начинала атаку
Горниста оглошшая медь.
Полагалось солдату
За милую Родину Родин,
За Свободу Свободы
Единственный раз умереть.

Вся земля клокотала.
Тряслись, осыпаясь, воронки.
Сталь горела и плавилась.
Кровью слипалась трава.
Материнское горе
На смятом листке похоронки
Размывало слезой
Государственной скорби слова.

Палачи из гестапо,
Заплечные горя и муки,
На глазах материнских,
В морозном мерцании звезд,
Партизанской девчонке
Крутили веревками руки
И по белому снегу
Вели босиком на помост.

— Смерть немецким захватчикам! —
Самой последнею болью
Эта девочка крикнет,
И крик оборвется в петле,
Всенародною местью
Незримо к ее изголовью
Встанет мужество храбрых,
Рожденных на этой земле.

Эта месть перемесит
Дорожную супесь и гину
Каблуками и траками
На боевых скоростях,
И кометы «катюш»
С разворота хлестнут по Берлину,
И победное знамя,
Как солнце, взойдет на рейхстаг.

Солнце нашей Победы!
Развесит салют канделябры
В дымном куполе неба
Сиянием радужных звезд.
И над братской могилой
Своих сотоварищей храбрых
В Трептов-парке храбрейший
Займет несменяемый пост.

Эти дни ликования
В легендах останутся живы.
И народ сохранит
Беззаветных сынов имена.
Встаньте в строй, ветераны!
Победных боев старожилы!
В блеске славы военной
Наденьте свои ордена!

Вместе с вами я временем,
Ходом его озадачен.
Приближением бурь
И виденьем пустых площадей.
Долг спасения Родины
Грозной ценою оплачен —
Двадцатью миллионами
Жизней советских людей.

Слишком длинны
Раздумий бессонные темные ночи.
Слишком медленно всходит
В тумане холодном заря.
Нашим подвигом жизни
Закон наступленья упрочен.
И по старому миру
«Аврора» стреляла не зря.

Слава спевшему песню!
И слава возрадившему сад свой!
Слава тем, кто побеги
Плодовых деревьев сберег.
Только труд укрепит
Всенародное доброе братство —
Хлеб и Соль увенчают
Его дружелюбный порог.

И с сегодняшним днем
В наступающем многое схоже.
В перевалах, в ущельях
Дорогу сыскать мудрено.
Чем труднее Победа,
Тем сердцу людскому дороже
Человеческой Истины,
Жизни живое зерно.

Чтобы с Жизнью Победа
Вовек договор не расторгла,
Чтобы души людей
Становились мудрей и родней, —
Горечь тяжких потерь
И сладчайшие слезы восторга
Промывают глаза —
И грядущее мира видней.

Есть просчет в нашей жизни.
 И памяти неблагородно
 Перед совестью времени
 Тупо об этом молчать,
 Потому что в глубинах
 Истории жизни народной
 Никогда и ничем
 Не смываема эта печать.

Коммунизм не приманка —
 Закон неизбежный эпохи.
 Едким потом и кровью
 В боях утвержденный закон.
 И ростки его истины
 Вытеснят чертополохи,
 И его не удержишь
 Решеткой стальной и замком.

Только Правда прямая
 Грядущее мужеству учит.
 Нет пробелов в Истории.
 Ждет откровения лист.
 Недосказанность путает
 Мысли людские и мучит.
 Это знает народ,
 Это помнит любой коммунист.

Революции Совесть,
 Исполнишь людского доверья,
 Пусть тебя не придавит
 Признанья просчета плита.
 Не забудь, как скрипели
 Доносчиков тонкие перья,
 Как на дерево Веры
 Ползла саранчой клевета.

Дорогой мой товарищ,
 Нам вместе задуматься впору,
 Разобраться во всем,
 Не точка на других топоры.
 Ты притопал в лаптях
 На пустую Магнитную гору,

Землекоп и Поэт
Знаменитой Магнитной горы.

И тебя величало
Своим комсомольское братство,
Запевалой задора,
Задирой, сорвиголовой.
Это юность твоя.
Это наше с тобою богатство.
Это прочный фундамент
И камень его угловой.

В честных песнях своих
Ты доверья раскидывал зерна.
Ликовал, переполненный
Всходами новых побед.
Почему ж я поверил
Врагам нашим общим покорно
В осужденье твое
На пятнадцать томительных лет?

И пока я не вынесу
Зло подноготное к свету,
Не очищу от тины
Рули на своем корабле,
Нет прощения мне,
Оправданья беспечности нету,
И не будет покоя
На милой земле и в земле.

Этих горьких раздумий
Ночами в вине не утопишь.
Я попробовал это,
Да кончился плохо запой.
Ты прошел через все
И опять свою строчку торопишь
О судьбе поколенья,
Не бредишь в ночи Колымой,

Там, где песня твоя,
Задыхаясь, стонала под кляпом,
Пробиваясь на свет
Через мерзлого слоя дерно,

Там, где вместе с тобою
Понуро брели по этапам
Командармы и жулики,
Чистая Честь и дерьмо.

Я читаю твои
Благородные светлые песни.
Вижу подвиг народа,
Раскрытый на все времена.
Для судьбы Революции
Нет сыновей неизвестных,
Есть у каждого имя,
И есть у врагов имена.

Животворный огонь
Откровения Ленинской искры
Возвеличил сердца,
Из раба создавая борца.
Полной правдою Жизни
Живут на земле коммунисты.
С полуправдой мирится
Трусливая суть подлеца.

Взвейся соколом, песня!
Судьба наша, соколом взвейся!
Я не меньше, чем ты,
И лишений и слез перенес.
Пусть мелькают столбы,
И к коммуне по ленинским рельсам,
Набирая пары,
Не буксуя летит паровоз.

Никому никогда
Наша Правда не сдастся на милость,
Неприкрашенной страстью
Со всех горизонтов видна.
Все меняется в мире,
Но нашей любви справедливость
Неизменна вовеки
И верность дороге одна.

V

Табунятся скворцы,
И к отлету готовятся цапли.

От обильной росы
Холодней и прозрачней заря.
Глухо падают с веток
Тяжелые красные капли,
Начинается медленный
Яблочный дождь сентября.

Сочно зябкие ночи
Созревшей антоновкой пахнут.
Старый филин тревожно
Кричит в одиноком дупле.
Мир вселенской души
На глазах человека распахнут,
И высокие звезды
Спускаются к спелой земле.

Начинается таинство
Вечной гармонии, связи
Меж плодов и планет,
Торжествующий праздник родства.
И томит бесконечность
Живой человеческий разум
Жаждой новых разгадок
Путей своего естества.

О законах вселенной
Написаны мудрые книги.
Человеческий разум,
Как яблоко, зреет в тиши.
Боги в сказки уходят.
Вериги старинных религий,
Словно старая кожа,
Сползают с пытливей души.

Проверяется время
Законами точности голой.
Нет предела движенью,
И нету границ для ума.
Беспощадностью правды,
Познания высоким глаголом
Человека и Мир
Революция сводит сама.

Еще Ленин о Мире декрет
Не подписывал в Смольном,

Еще в Зимний дворец
Не врывался матрос Железняк, —
Циолковский в Калуге,
В лачуге своей, недовольный
Бесконечным расчетом,
Просчета заметил пустяк.

Но пустяк для мыслителя —
Новых открытий стихии.
И не прост от лаптей
До Луны перекинутый мост.
Революция шла через кровь
По голодной России,
Шлемом с красной звездой
Касаясь заоблачных звезд.

Слушай, мальчик. Запомни:
Чураются подвиги славы.
И мечта есть мечта.
И ты мужеством смелости прав.
Нашей кровью окрашены
Наших путей переправы.
Что стоит на дорогах
Грядущих твоих переправ?

Слушай, мальчик,
Ты знаешь, как воздух эпохи угарен.
Пограничные реки
Шуршат перемолом шуги.
Первый шаг от Земли
Во вселенную сделал Гагарин.
Это только начало,
А дальше опасней шаги.

Но я верю в тебя
Искушенным судьбою понятем.
Я душою с тобой
На борту твоего корабля.
Я прошу тебя,
Крикни с Луны озабоченным братьям:
«Осторожней ступайте!
Под вами живая Земля!»

Не костями, а песней
Мостите свои переправы,

Откровенье друзей
Откровеньем своим одаря.
...С веток падают яблоки
В сонные жухлые травы.
Начинается медленный
Яблочный дождь сентября.

Сказка — связка мечты
С предназначенным в будущем делом.
Разум, жадный к познанию, —
Луч маяка ножевой.
Вызрей яблоком жизни,
Высокое мужество в смелом
Человеке Грядущего,
Стань его сутью живой.

Что там будет?
Огонь или холод пустыни песносный, —
Будь готов ко всему
И неправде иди вперерез.
С грозной бурей встречаются
Первыми рослые сосны,
Гибнут в сполохе молний,
Спасая от гибели лес.

1967

СВЯТОГОРСКОЕ ЛЕТО

*Я понять тебя хочу.
А. С. Пушкин*

СТИХИ К ВЕЧЕРУ

Июль румянит щеки яблок,
Прохладной облачная тень.
Перед закатом тихий зяблик
Сулит на завтра ясный день.

Он безошибочен в прогнозе
Причуд природы. Посему
Всегда в поэзии и в прозе
Будь подражателем ему.

Его грядущий день тревожит
Больших и маленьких забот.
И он не петь о том не может, —
Он от молчания умрет.

Ты безошибочным не числи
Себя, вступая словом в бой,
Но знай: невысказанность мысли
Опасней гласности любой.

ПЕСНЯ КОРНЯМ

Не знаю почему, но что-то чаще
Меня зовут деревья и трава.
И необычно просто и щемяще
Подходят к горлу горькие слова.

Забвенья нет. И смерти — тоже. Копит
Седая память свой особый счет.
Побед и бед неповторимый опыт
В каком-то новом свете предстает.

Земля — все меньше. Океан — покорней.
Все выше залетают корабли.

А мы все глубже запускаем корни
Своей души в живую плоть Земли.

С двадцатым веком времена Батя
Качаются на острое ножа.
Баланс времен бесстрастен. Истерия
Искусство разъедает, словно ржа.

А может, я старею. Больше пятен
На сердце появляется моем.
Поэтому во многом непонятен
Мне новых дней горячий водоем.

Но все-таки, наверно, не напрасно
Я присягал присягою бойца.
Прекрасное по-прежнему прекрасно.
И надо долг исполнить до конца.

В открытую перед врагом и другом,
В любви неразделенной и в бою,
Не замыкая размышленья кругом
Единственно живую жизнь свою.

А смерти нет. Другое что-то бьется
У времени под грубою корой
И в смене категорий не сдается,
Как в Ленинграде год сорок второй.

Нет, не досужим бредом бакалавра
И не пустыней дантовских долин —
Тогда кладбищем старой Невской лавры
Я ночью белой проходил один,

Как часовой по времени траншее,
Где жизнь и смерть различий лишены.
Была такая тишина — страшнее
На свете не бывает тишины.

Здесь накануне дьявольские силы
Живых и мертвых били наповал.
На десять метров склепы и могилы
Отвесным срезом обнажил обвал.

И я увидел, как в суглинке слепо
Коренья подбираются к гробам

И раздвигают дикий камень склепов,
В глазницы забираясь черепам.

И я остановился поневоле,
Дивясь круговороту бытия.
И в первый раз за год войны и боли
Светло и грустно улыбнулся я.

Живая жизнь предстала мне нетленной,
Оглохшая от грома батарей.
...И вот опять мне «дуб уединенный»
Звенит листвою, как пушкинский хорей.

И жаворонок тепшится над стогом,
Храпит рысак от шпор и мундштука,
И о бессмертье лермонтовским слогом
Мне говорят чинары Машука.

На парусах ветшает парусина,
Трещит по швам оснастка корабля.
Что из того! Прими меня как сына
В урочный час, родимая земля.

За слишком расточительное слово
И за молчанье тяжкое прости.
Возьми меня в себя и дай мне снова
Былинкой малой к солнцу прорасти.

**ПИСЬМО ЯРОСЛАВУ СМЕЛЯКОВУ
ИЗ МИХАЙЛОВСКОГО ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ
ЕГО КНИГИ «ДЕНЬ РОССИИ»**

А лжи недолго править миром.
Пусть правда ложь бросает в дрожь.
Пусть только временным кумирам
На их погибель служит ложь.

И Пушкин знал, как при Пилате, —
Ему за все держать ответ.
Знал, что за слово правды платит
Своим изгнанием поэт.

Словесный мусор гонит в Лету
Волна упрямого стиха.
...Сейчас в Михайловском лето,
И зноен день, и ночь тиха.

И я не вижу святотатства
В том, что на пушкинском лугу
По старому закону братства
Тебя не вспомнить не могу.

Давно со мной живет твой голос,
Еще с мальчишества. Не раз,
Ликуя, веруя, кололась
Моя душа о твой рассказ.

И строй твоей высокой речи
Как бы на новую ступень
Над чередой противоречий
Благословлял идущий день.

И он был строгим до предела,
Ложился лугом под косу.
И мгла ненастная редела,
И пела иволга в лесу.

А что касается изгнания,
То лучше многих знаешь ты:
Изгнание Пушкина — признание
Его чистой правоты.

СЕБЕ НА ПАМЯТЬ

И с побежденными садилась
За дружелюбные пиры.
А. С. Пушкин

Мне острым запахом погоста
Пахнула синяя сирень.
И опыт жизни шепчет просто:
Готовься к буре в ясный день.

Она уже идет на пальмы
И рушит стройные стволы.

Ждут вспышки новые напалмы.
Штабные прибраны столы.

И закодированы знаки
Сигналов будущих атак.
Два мира в мире ждут атаки,
Две силы собраны в кулак.

Безумье праздников и буден
Повисло на одной струне.
Порвись она — побед не будет
Ни той, ни этой стороне.

Но даже в ненависти лютой
Мы вместе — в замкнутом кругу.
Я жить летящею минутой
Без веры в завтра не могу.

И все пути — одна дорога.
Мир даже в гибели един.
В нем кроме Дьявола и Бога
Есть Разум — жизни господин.

ПРОЩАНИЕ С ЛИНКОРОМ

Скрипит и стонет цепь по блокам.
Волна медлительна, как вдох.
Линкор, раскачиваясь, боком
В последний раз заходит в док.

Идет, как в морг, прощаясь с миром,
На переплавку и разлом.
Идет послушно за буксиром,
Как старый мамонт за козлом.

В седое море смотрят слепо
Иллюминаторов глаза.
Из клюза ржавого нелепо
Свисает якоря слеза.

От демонтированных палуб
Железным холодом несет.

Не надо обоюдных жалоб, —
Мы смотрим в мир с одних высот.

Мы одинаковы по тратам.
В судьбе — навеки кунаки.
Не по твоим ли гулким трапам
Мои стучали каблуки?

Свистела боцманская дудка,
Врываясь в отроческий сон.
Мы счет в огне теряли суткам,
Где смерть имела свой резон.

И шла волна с бортами вровень.
Ходила молодость с туза.
И цвета самой красной крови
Рассвет наотмашь бил в глаза.

Прощай! Смирять сердца трепет,
Твое бессмертно бытие.
В какое чудо перелепит
Конструктор мужество твое?

В последний раз последним взглядом
Простимся, память не деля.
Душа моя уходит рядом
В разлом с душою корабля.

Меня того — сегодня нету,
Хоть память милует судьба.
Другим налаживать ракету.
Другим спускаться в погреба.

И в окулярах дальномера
Держать под наблюденьем цель.
Все тот же Долг и та же Вера
В расчете действуют досель.

И гибель гибели готова
У всех кровавых переprav.
Перегорает сталь, а слово
Не изменяет переплав.

ПЕСНЯ РАЗБИТОМУ КОЛОКОЛУ

Черногорцы цепей не целуют.

Петр Негош

Кричат архивы пыльных полок
Своею правдой непростой.
В моем столе лежит осколок
Литого колокола. Стой!

Хоть ход истории негладок,
Обязан четким быть рассказ.
В рассказе должен быть порядок,
Тем более на этот раз.

Идут века. Мелькают лики.
С молитвой «Господи, спаси!»
Бредут калеки и калики,
Сбирая лепту по Руси.

Бредут по градам и по весям,
Как добродетели закон,
На шеи тощие повесив
Ларцы и кружки под замком.

И грош, и перстень высшей пробы,
Серьга, пригоршня серебра
Стекались данью в щель утробы
От сердобольного добра.

Котел наполнен до отвала.
Гудит огонь вокруг котла.
Так Русь на славу отливала
Своих святынь колокола.

Сверкало солнце через тучи.
Вставала церковь на пустырь.
Был поднят колокол певучий
На Святогорский монастырь,

Его возвышенная сила,
Переходя с альтов на бас,
С зарею Пушкипа будила
И провожала в скорбный час.

Дьячок, не поднимая лица,
Читал над Пушкиным псалтырь.
И Черногории владыка
Вошел с метели в монастырь.

И встал, как дуб, в тени проема,
Глазами черными горя.
...Полгода Негош ждал приема
Во Пскове русского царя.

Царю тогда не только Пушкин,
И Негош тоже был не гож.
...А острый профиль на подушке
Врезался в память, словно нож.

Темнели каменные своды.
Слетала инея пыльца
На белый лоб певца Свободы,
Как будто с «Горного Венца».

И Черногории владыка
Простился с ним, как с братом брат.
Метель на воле выла дико
И звон гудел во весь раскат.

А время шло, сдвигая тесно
С прошедшим будущего даль,
И закаляло правды песню,
Как златоустовскую сталь.

Она мне бередила душу,
В бессилье прибавляла сил.
...А немец звонницу разрушил
И, сбросив колокол, разбил.

Я помню этот день. Недолог
Был бой, но грозен и кровав.
Я захватил с собой осколок
От колокола, подобрал

Его в земле сухой и серой,
В горячем пепле и золе.
И он гудит упрямой верой
В столе, как ненависть в стволе.

Растет бурьян противоречий.
Он вездесущ, упрям и груб.
В судьбе судеб — шумит, как вече,
Славянской речи древний дуб.

Он тянет ветви по Карпатам
И над моравской муравой.
Он подпирает мир покатым
Плечом, как форум мировой.

Идут меча и слова споры,
Побед и бедствий череда.
И видит Пушкинские горы
Гор Черногории гряда.

Поэт в бессмертии пророчит:
Добром добру повелевать.
И мир воистину не хочет
Святые цепи целовать.

КРАСИВОЕ УТРО

Мне приснилось, что ты погибала,
Но на помощь меня не звала.
За хребтом океанского вала
Грохотала беззвездная мгла.

Ураган, разгоняя воронку,
Захлестнул полуостров на треть.
«Подожди! — закричал я вдогонку. —
Мы ведь вместе клялись умереть».

И проснулся. И как бы украдкой
Оглянулся в тревожной тоске.
Ты дышала спокойно и сладко
На моей занемевшей руке.

И доверчивость легкого тела,
Как волна, омывала коса.
А за окнами пеночка пела,
И со стекол сходила роса.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ СОБИРАНИЯ ГРИБОВ

Я размышлял, в ночи балдея
От препирательства вдали,
Что род людской спасет идея
Спасенья матери Земли.

Весь мир в раздоре и разделе
Границ, в перемещенье вех.
Я думал: кто ты в самом деле,
Глядящий в звезды человек!

Творец ли мыслящий и мнящий,
Что дел твоих не очернят,
Или на яблоке сидящий
И жрущий яблоко червяк?

Живым и мертвым нет покою.
Нам всем в строю стоять, пока
Меж двух судеб, готовых к бою,
Есть пограничная река.

Когда же мир прикончит войны
И прах развеет на ветру, —
По-человечески достойно,
Спокойно лягу и умру.

А если смерть подрубит силу
Гораздо раньше, — на пути
Моих врагов мою могилу
В железный бруствер преврати.

* * *

Икары гибнут на лету.
Но через гибели удары
Все дальше дерзкую мечту
Несут крылатые Икары.

Встречая гибель грудью в грудь
И презирая поражение,
Они прокладывают путь
Через земное притяженье.

Их души подвигом живут
До предпоследнего усилья,
И к звездам мужество зовут
Пространством сломанные крылья.

Как звезды, светят имена
Героев, чьи пути прекрасны.
Глухой вселенной времена
Над дерзким мужеством не властны.

НОЧЬЮ, ВСПОМИНАЯ НОЧЬ

Сквозь кактусы от подоконниц
Молочной ночи льется свет.
Идет бессонница бессонниц,
И ей конца, как звездам, нет.

Опять своих расставит пугал
И будет бестолочь толочь,
Заглядывая в каждый угол,
Еще одна седая ночь.

Опять воспоминаний рухлядь
Черт на чердак понаволок.
Они растут. И скоро рухнет
И грохнет о пол потолок.

Транзистор обнажает шкалы
И на столе скулит скулой.
И волны воют, как шакалы,
Отдельно каждой шкалой.

Опять кровавые припарки
Безумцы делают Земле.
Тигр вспоминает в зоопарке
Сквозь сон об уссурийской мгле.

У тигра тоже есть усталость, —
Он будет бредить до зари.
Их, тигров, только шесть осталось
На дикой воле Уссури.

А дерево растет напротив,
Само себе лелеет тишь
И ветки с листьями торопйт,
Заглядывая выше крыш.

О ЧЕМ МНЕ ДУМАЛОСЬ ВО РЖИ

Как жарко пахнет рожь в июле,
Как дружно колосится рожь!
В тоске стрекоз, в шмелином гуле
Ты в наливную рожь идешь,

Идешь в зеленую траншею,
Где зноем дышит благодать,
Где колос к колосу — по шею
И горизонта не видать.

Качнулось облако гусыней.
Тропа замкнулась, как сенок.
Тебе в глаза синее синий,
Как откровенье, василек.

Зеленым усом колос колко
Прошелся по твоей щеке.
Перебежала перепелка
Через тропу невдалеке.

И над тобой стрижи, как пули,
Мелькнули через зыбкий зной.
Как жарко пахнет рожь в июле
Истомой зрелости земной!

Как светел мир! Как воздух сладок!
И ты его захлебом пьешь.
И нет обид. И нет загадок.
Есть только зреющая рожь.

7 ИЮЛЯ

Вчера желтеющий листок
Слетел с березы —

Предупреждающий исток
Осенней прозы.

Он медленно спускался вниз
В ветвей рутине
И мертвой бабочкой повис
На паутине.

Он, зеленея, мало жил
Своей загадкой,
Я взял его и положил
В тетрадь закладкой.

И сердце, жизнью дорожа,
У ребер в клетке
Стучало ровно, не дрожа
На тонкой ветке.

ТУМАН

Закат туманом смят и сорван,
Прорваться звездам не велит
Туман. Он прет из пор, как прорва,
И валом в лицо валит.

И одуряющею влагой
Деревья дышат про запас.
А он бродит в баклаге брагой
И обволакивает нас,

Тягуч, как спор в судах о ссудах,
Как наваждения обман.
И размывается рассудок,
И растворяется в туман.

Что две души в тумане сметят,
Неведомо тебе и мне.
И только искры страсти светят
В твоих зрачках на глубине.

* * *

Держала жизнь сама
В горсти единой власти

Холодный строй ума
И безрассудность страсти.

Когда-то страсть в былом
На пьедестал почета
Взлетала прыгуном
Над планкою расчета.

И вслед за ней в карьер,
Срываясь с места разом,
Шел на любой барьер
В сознание силы разум.

Но времени напасть —
Рассудку не подарок.
Тусклее светит страсть,
Как от свечи огарок.

А жизни оборот
Вне времени и меры.
И молодость берет
Безумные барьеры.

ПРИЗНАНИЕ ЧУДАКА

Чудак — от слова «чудо».
Но, смерти вопреки,
Земля живет, покуда
Есть в мире чудаки.

Я плачу и чудачу.
Ни дома, ни кола.
Но всем сулят удачу
Мои колокола.

ВСТРЕЧАЯ РАССВЕТ

Зачем мы люди, почему?

В. Хлебников

Я долго думал на рассвете,
Смотря на дальние холмы,

Кто мы? Земли слепые дети
Или самоубийцы мы?

Протоки светлое колено
Дрожало рябью мелких жил.
И белый аист копны сена,
Расхаживая, сторожил.

Тянулось облако на север,
Пересекала тень тропу.
Гудел пчелиным роем клевер,
И рожь готовилась к серпу.

Мир пробуждался без расчета
На свой, особенный манер.
И треснул выхлоп самолета,
Скрывая звуковой барьер.

За ним тянулся шлейф невесты,
Сбегающей от жениха.
Качался трактор, словно в тесте,
В суглинок врезав лемеха.

Над взгорьем жаворонок звонко
Сорил казенною казной.
Мир открывал глаза ребенка,
Захлебываясь новизной.

ПОХВАЛА ДОННИКУ

Я твой поклонник, милый донник.
Желтоголовый брат огня.
Перерастая подоконник,
Ты смотришь с улицы в меня.

В июле донником и мятой
Благоухает молоко.
Душе, раздумьями разъятой,
Опять становится легко.

Как будто в позабытом чуде,
Всему беспомощно дивлюсь.
Вслепую к материнской груди
Губами детскими тянусь.

И вспыхивает желтый донник
Огнем в душевной глубине.
И я уже не посторонний
Для страсти жизни. Мир — во мне.

* * *

Михаилу Львову

Что делать! Я — традиционен,
Своей традиции в кругу
Живу на старом рациионе
И измениться не могу.

Закон традиции не вечен.
Пророк — пророчит. Хам — хамит.
А на поверку — сущность речи
Устойчивее пирамид.

Волна размерами Гомера
О камни бьется головой.
Свое достоинство и мера
Есть в строе речи волевой.

Не будучи залетной птицей,
Я видел, как один шутник
Менял трапеции традиций
На акробатики турник.

И выходило лихо!
Снова
Я плачу перед наготой
Святой естественности слова,
Дивясь высокой простотой.

ОЧЕНЬ ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Любови Джелаловне

Мне вспоминать об этом горько,
Но я не вспомнить не могу:

Гнедая кобылица Зорька
Паслась на пушкинском лугу.

Вокруг нее, такой же масти,
Играл и путался у ног
Смешной, глазастый, голенастый,
С волнистой шерстью сосунок.

Она густой травы наелась,
Стряхнула гриву с головы.
Ей поваляться захотелось
В прохладной свежести травы.

Весь день она возила сено,
Звеня колечком под дугой.
Согнув точеное колено
Одной ноги, потом другой,

В истоме легкости и лени
Передзакатного тепла
Она склонилась на колени
И на бок медленно легла.

Заржала радостно и сыто,
Собой довольная вполне.
Над брюхом вскинула копыта
И закрутилась на спине.

Откуда было знать кобыле,
Что на некошеном лугу
Вчера здесь гости были. Пили.
И пели в дружеском кругу.

А кто-то с «мудрою» ухмылкой,
В хмельной беспечности удал,
Бутылки бил пустой бутылкой
И в воздух горлышки кидал.

...Дрожит кобыла стертой холкой,
Всей кожей с головы до ног.
И конюх ржавою карболкой
Ей заливает красный бок

Стекает кровь из рваной раны
В мою горючую строку.
И ребра, как меридианы,
Сквозь кровь белеют на боку.

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ НА МАЛЕНЦЕ

Над затихающей равниной,
В полгоризонта языкат,
Краснеет спелой малиной
И разливается закат.

Сулит отменную погоду
Наутро солнечный венец.
Три утки выводки выводят
Из камыша на Маленец.

За ними по раздолью плоской,
Густой, темнеющей воды,
Как три серебряных полоски,
Горят волнистые следы.

Темнеет мир. И мне сдается,
Что кто-то свистнул неспроста,
Мелькнул и скрылся у колодца
В тени ольхового куста.

Все зарывается в тумане.
А от господского крыльца
Русалка в светлом сарафане
Бежит на берег Маленца.

ВОПРОС САМОМУ СЕБЕ

Ты сам себе придумал бога,
Об этом миру растрюбя.
И бог у твоего порога
Встал и уверовал в тебя.

А чем ты мыслишь в эти годы
Свой труд высокий увенчать,
Когда и с мысли, и с природы
Седьмая сорвана печать?

В БОЛЬНИЦУ КОНСТАНТИНУ ИВАНОВИЧУ КОНИЧЕВУ

Не жди никогда завершения намеченной цели
И в споре рессор, и в покое больничных палат.
Мой старший товарищ лежит на казенной постели
И слушает молча, как сердце стучит невпопад.

Стучит его сердце впервые с таким перебоем.
И мысли всплывают и снова сникают во тьму.
Мой старший товарищ не знает, как пахнет покоем
Мир яростной жизни. Покой непонятен ему.

Он красное знамя как правду высокой святыни
В двадцатом году целовал, от восторга дрожа;
И мы никогда не прошли б через пекло пустыни,
Не будь у пустыни зовущего вдаль миража.

От солнца лучей выцветают цвета акварели,
И пробует время на старой бумаге пастель.
И цель, как мираж, возникает из призрачной цели,
Уходит в туман и опять появляется цель.

Мой старший товарищ — разведчик особого вида,
Где он проходил — на песках поднимается лес.
Все шло через сердце: восторг высоты и обида,
Энергии сердца хватило б на Братскую ГЭС.

Лежит мой товарищ на белой казенной постели.
Парит его сердце и падает снова в провал.
И цель возникает, как песня, из призрачной цели.
Вставай, мой товарищ. Идем. Впереди перевал.

Нам надо еще миражу миражей улыбнуться.
И опытом жизни поспорить с неверья бедой.
И выйти к оазису. Рухнуть в траву. Не из блюда —
Из чистых глубин захлебнуться живою водой.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Вечерний бой багровых облаков
Напомнил мне весенний бой быков,
Который мне увидеть довелось,

Рога в рога схлестнулись с лосем лось.
Струной спина. С губы — вожжей слюна.
Кровавых глаз слепая пелена.
Как рыжие вздувались облака
И опадали выдохом бока.
Колонны ног. И шеи как дубы.
Рогов коряги. Каменные лбы.
Испарина — туманом на спине.
Лосиха наблюдала в стороне.
И бархатистый глаз ее косил
На поединок двух страстей и сил,
Пока сильнейший своего врага
Не сбросил с ног, и поднял вверх рога,
И, торжествуя, дал ему уйти.
Деревья расступались на пути,
Когда он вел лосиху за собой.

Два облака багровых входят в бой
В вечернем небе, словно два быка,
И громом дышат тяжкие бока.

Как две непримиримые судьбы,
Сближаются чудовищные лбы.
И молнии ветвисты, как рога,
И враг не ждет пощады от врага.

Но вот над ними, словно легкий дым,
Возникла тучка. Ликом молодым
Она была спокойна и бела
И две грозы на запад увела,
Две страсти примирив между собой.

...Мне слышится за горизонтом бой.

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ПАРТИЗАНКЕ КЛАВЕ НАЗАРОВОЙ В ОСТРОВЕ

Седая мать, как бы под током,
Не спит, ворочаясь всю ночь.
Встает. Идет. Глядит из окон
В тоске на собственную дочь.

А дочь стоит, как в миг расстрела,
Не принимая смертных мук.

Опа в бессмертье посмотрела
И стала каменной вдрут.

А мать не спит. Ей снова мнится
В бессонном холоде ночей
Метель. В метели серой лица —
Как пепел серых палачей.

И ни слезой, и ни приветом
Сочувствий горю не помочь,
Они опять перед рассветом
Уводят с пьедестала дочь.

И каждый день в нее стреляют,
И застилает туча свет.
И руки матери стирают
С гранита пуль кровавый след.

ЖЕНЩИНЕ, ШЬЮЩЕЙ РАСПАШОНКУ

Ты — первое светлое чудо
На милой зеленой земле.
Позвякивает посуда,
Машинка строчит на столе.

По мягкому ворсу фланели
Ложится стежок на стежок,
Как верность единственной цели.
Которая жизнь бережет.

В движениях чутких степенна,
Ты делом простым занята,
Да будет благословенна
Двойная твоя красота!

Загадку двойного единства
И сердце под сердцем неся,
В предчувствии материнства
Ты будущим светишься вся.

Мне надо и словом, и делом,
И собственной спорить судьбой,
Чтоб радуга в облаке белом
Стояла всегда над тобой.

О ЧЕМ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Лежала женщина. Лежала
В снегу на взятой высоте.
Торчала рукоять кинжала
В ее округлом животе.

Мела метель под Старой Руссой
Вдоль укрепленной полосы
И шевелила космы русой,
В морозном инее косы.

Лежала женщина. Лежала
У бездны бреда на краю.
И мертвой мукою рожала
Живую ненависть мою.

НЕБОЛЬШОЙ ДЕВОЧКЕ ЕЛЕНКЕ

Какая ты смешная, право:
Походкой легкою, как дождь,
Чтобы не сделать больно травам,
Почти на цыпочках идешь.

А я оглядываюсь ради
Твоей судьбы, тебя любя.
Мне кажется, что кто-то сзади
Стоит и целится в тебя.

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Ты даже в музыке лукавишь.
И мне тебя немного жаль,
Когда ты легким жестом с клавиш
Срываешь Шуберта печаль.

Но не совсем. И мне сдается,
Мне внятнее со стороны,
Что часть печали остается
Внутри затронутой струны.

Полупристрастиям причину
Я не ищу в глазах твоих.
Зачем же все наполовину,
Как сигарету на двоих?

Душа не делится на части, —
Я с этим издавна знаком.
Нет полуправды, полустрасти —
Есть правда страсти целиком.

МАЛЕНЬКОЕ РАЗДУМЬЕ ВСЛУХ

Вообразим: верблюда кто-то
Через ушко иглы продел.
И эта точная работа
Есть беспредельности предел.

Твоя душа всегда при деле.
Не переделать дельных дел.
И если думать о пределе,
То он появится — предел.

Предел отодвигает чудо,
И мост масштабности трещит.
...А есть ли надобность верблюда
Через ушко иглы тащить?

Пускай идет через ворота
Как через двери домовой.
...Всегда заманчивое что-то
Есть в невозможности самой.

Мы ошибаемся безбожно,
Кривим в недоуменье рот.
А невозможное — возможно
Есть в формуле наоборот.

ЗНАКОМОМУ КИТОБОЮ

Ты по китам из пушки шпаришь
В сознание личной правоты.

А что ты в будущем поджаришь,
Когда окончатся киты?

Представь себе, как будет лихо:
Последний загарпунен кит.
И будет в океане тихо,
Он опустеет, словно скит.

Ты не последний и не первый.
Чья обстоятельней вина:
Я ем китовые консервы —
А вилка легче гарпуна?!

В ЛЕСУ

Все в этом мире переносно.
И ты разгадки не ищи
В том, как хвощами стали сосны,
Как стали соснами хвощи.

Себя раздумьями не мучай,
Кем будут Конго и Тунис,
А можешь, так на всякий случай
Вершиной к солнышку тянись.

В ДОРОГЕ

Забытым чувством обладая,
Как сразу оживаем мы,
Увидев рябь воды Валдая
И привалдайские холмы.

И если наша память — соты,
Хранящие особый мед,
Мир, обнажив свои красоты,
До глубины тебя проймет.

Он только для тебя угоден.
В тебе — его судьба видна.
Есть много судеб, много родин,
А для тебя она одна.

Вот эта, в синем переблеске
Озер, в сверкании росы
На старых соснах, на подлеске
Всей среднерусской полосы.

В страде уборочной и в стаде,
Спустившемся на водопой.
И в неосмысленной отраде
Родства твоей земли с тобой.

В частушке девичьей, щемящей
Живое сердце неспроста,
И в старой женщине, сидящей
У надмогильного креста.

МОЙ ПОЛК УХОДИТ НА УЧЕНЫЕ

Мой полк уходит на ученье
К черте маневров огневой.
Мелькает в грохоте свеченье
Тяжелой стали броневой.

Старинной памяти резервам
Сегодня тесно под замком.
Мой полк особый — он был первым
Советской Армии полком.

Мела метель врагов по следу.
В том восемнадцатом году
Он вырвал первую победу
И выбил первую беду.

Закончив бой, готовясь в новый,
Усы Фабрициус крутил.
И конь под ним стучал подковой
И звякал кренделем удил.

Я целовал полка святыню —
В победных знаках красный шелк, —
И шел под ним через пустыню
Двух войн и к песне подошел.

В моих ушах — тех дней раскаты.
В моей судьбе — тех дней следы.

«Солдаты, в путь!» — поют солдаты,
На марше выравняв ряды.

Мой полк уходит на ученье,
Грохочет быстрая броня —
Моя надежда, и мученье,
И продолжение меня.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Секунды стучат равномерно,
В века превращаются дни.
И крепости строят, наверно,
Затем, чтоб сдавались они.

С нелепостью спорит нелепость.
Уходят друзья из друзей.
И время надежную крепость
Души превращает в музей.

По полочкам памяти рано
Раскладывать опыт Земли,
Где палочки от барабана
Спешат превратить в костыли.

Цыганка не кончила танца.
Метедью мелькает матлет.
И мать на груди новобранца
Слезу расставания льет.

В наушниках неразбериха
Военных и мирных вестей.
Скрывается тихое лихо
Под стенами всех крепостей.

Что ж! Юность росой отдымилась,
И встретила зрелость зарю.
И август сдается на милость
Идущему вслед сентябрю.

КАМЫШ

Слетают черви-козыри
Осенних листьев. Тишь.
Бедой на тихом озере
Воде грозит камыш.

Он скоро дальше двинется
От берега. Тогда
Зачахнет и затинится
Прозрачная вода.

Свои постели выстелют
У темных тин в тени,
Как прописные истины,
Ленивые линии.

Сюда б волну высокую,
Косу да невода, —
Поспорила б с осокою
И с камышом вода.

О берег пеной выбелась,
Промыла б родники,
Через протоку б выбилась
Волной к волне реки.

Всей страстью наполнения
Покой тоски круша,
Не прекращай волнения,
Живущая душа.

Не отдавай — я загодя
Тебя, спеша, прошу —
Своих глубин и заводей
На откуп камышу.

СЕЙ ЗЕРНО!

Ты на Земле рожден. Заветом
Далеких предков суждено
Тебе всегда зимой и летом
Душою слышать: сей зерно!

Ты на Земле рожден. Не тем ли
Твой долг определен давно:
Хранить ее леса и земли,
Моря и реки. Сей зерно!

Что из того, что мир расколот
Тоскою распрей! Все равно
Пройдут война, чума и голод,
Любовь и песня. Сей зерно!

Ты, на Земле рожденный, ввысь ли
Глядишь на звездное руно
Или вельем острой мысли
Спешишь в глубины, — сей зерно!

Пусть будет сердце в миг единый
Последней страстью сожжено
И ты уйдешь зерном в глубины
Земной утробы, — сей зерно!

Земля твоя! Она качала
Твоей судьбы веретено.
И нет конца и нет начала
У вечной Песни. Сей зерно!

СЛУЧАЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

* * *

М. Лисянскому

Поэзия, поэта выручай
В решении пожизненной задачи.
Мои долги растут, как иван-чай,
На голом пепелище неудачи.

Как саксаул, растут мои грехи
В солончаках людского отчужденья,
Где вежами расставлены стихи
На перепутьях смерти и рожденья.

Я жил, друзей надеждой веселя,
Добром добру потворствуя открыто.
Под десять жизней выдав векселя,
Остался у разбитого корыта.

Мне только б день беды перетужить,
Через тревоги увидеть удачу.
Дай бог еще мне двести лет прожить, —
Я за два дня подарок твой растрочу.

ФОРЕЛЬ ИДЕТ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Гор обнаженная поэма.
Ручьи ветвисты, как рога.
В ущелье Верхнего Чегема
Кипит и пенится Жилга.

Дымятся выступы косые
Вверху гранита и кремня.
И эта родина Кайсына
Давно священна для меня.

Она мне с юности знакома
Пожатьем дружеской руки.
В его дому я был как дома.
Мы с ним навеки кунаки.

Здесь камни влагою набрякли,
Здесь хлещет пена через мель.
И возле вросшей в камень сакли
Играет горная фореель.

Через замшелые бойницы
Клинком рассветный луч сквозит,
И тень широких крыл орлицы
По острым выступам скользит.

Есть благородство ясной цели,
Ее стихия — в быстрине.
Поэт идет путем фореели
Навстречу бешеной струе.

Туда, к рождению истока
На недоступной высоте,
Где все обнажено жестоко
В первоначальной чистоте.

Мой друг из камня, но душою
Нежней цветущей алычи.
В его судьбе судьбой большою
Поют нагорные ключи.

Поэзия неизъяснима.
И бесконечен непокой.
Тень Лермонтова и Кязима
Стоит над честною строкой.

Я вижу: на его чинаре
Затешил звезды Прометей.
И на свидание к Тамаре
Ущельем Демон пролетел.

ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ

С далеких пушкинских времен
Я навсегда в тебя влюблен
И в солнца желтый ореол,
Где выше облака орел
За плавным кругом чертит круг.

Что в мире выше слова «друг»?

Друг — это значит: отведу
Тебе грозящую беду,
А хлеб и воду, соль и стих
Делю по-братски на двоих —
Тебе глоток и мне глоток.

Вселенной звездный потолок,
Росы предугранный озноб
Венчают твой высокий лоб.
В седых метелках ковыля
Постелью стелется земля.
Но мы с тобой не будем спать —
Нам лишь бессонница под стать.

Мы будем слушать горный гул
Обвалов, где поет Расул.

Пускай к нам спустится Кайсын,
Высот Чегема верный сын.
И из Башкирии Мустай
Одарит нежностью.

Блистай

Всю ночь, созвездие друзей!
Кто хочет — с нами вместе пей
Веселый дружества кумыс.
Он скукой жизни не прокис
И не иссякнет никогда,
Как бед и счастья череда,

ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ И ДОБРУЮ СЛАВУ БЕРДЫ КЕРБАБАЕВА

Восток — жесток.
В тисках песков
Пересыхают реки.
Во тьме песков река веков
Потеряна навеки.

И ветром свеяны следы:
Смешались предков кости,

Ты звал меня сюда, Берды,
В свою пустыню в гости.

Ты все здесь знаешь,
Как орел, —
Богатство и отрешье.
Ты вырос здесь
И здесь обрел
Свое великолепье.

Я нахожу в твоих глазах
С твоей пустыней сходство —
Колодец жизни той,
Где страх
Затмило благородство.

Ты показал, как жизнь течет
Барханов и нагорий.
Шел разговор на крупный счет
Высоких категорий.

Сменили нового черты
Обиду и потерю.
И если в дружбу веришь ты,
Я в дружбу трижды верю.

Я знаю: путь не из ковров
И ночь — не без пожаров.
И пахнет нефть,
Как пахнет кровь
Бакинских комиссаров.

Лишь кровью пишет тот, кто смел,
Грядущих будней повесть.
Черны мозоли добрых дел,
Но хлопок бел,
Как совесть.

И этот хлопок увенчал
Твое чело степное.
Ты прав:
Начало всех начал
В движенье, не в покое.

Мы на пиру,
Как говорят,
Смешали соль и лавры.
И пусть на празднике летят
Туркмены,
Как кентавры.

Пусть в душу бубна буря бьет.
Долины — пляске узки.
Пускай туркмен вина не пьет,
А если пьет — по-русски.

Играй, огонь!
По жилам бей!
Чтоб полной грудью целось.
Ты прав, Берды:
Одних кровей
И мужество, и смелость.

Ты душу мне даришь свою;
Обега не нарушу —
За душу я тебе дарю
Своих просторов душу.

И ты сильней,
И я сильней,
И ближе чувство чуда.
Я унесу привет степей
Туда, пришел откуда.

Там, где метель сейчас поет
И щелкают деревья.
Там, где вся жизнь моя,
Мое
Последнее кочевье.

ТОСКУЮЩЕМУ ДРУГУ

Есть за плечами песни два крыла,
И новый день вчерашним светит светом.
Тоскуешь, друг, что молодость ушла
И женщина за ней уходит следом.

Ты за любовь любовью ей платил,
Но обернулась искренность притворством,
И трезвость поубавила светил
На небе правды, откровенно черством,

Тоскуй до сумасшествия. Дотла
Сгорай в тоске, коль некуда деваться,
Но есть в резерве верности, светла,
Святая память фронтового братства.

Она спасет. И ляжет шрам на шрам
На поле боя, пасмурном и диком.
Сквозь пепел лет смеется юность нам
Прекрасным беспощадным ликом.

Встречай ее в открытую, смелей,
Ответь на смех заботы мудрым смехом.
Твоя душа как музыка,
и ей
Не суждено довольствоваться эхом.

* * *

Сквозь туман горят неярко
Фонари, как янтари.
Запоздалого подарка
Не дари. Не говори.

Верить поздно. Плакать рано.
Гром прошел, и дождик стих.
Наваждение тумана,
Одиночество двоих.

* * *

Зачем ты на меня совой
Глядишь спросонок?
Я с сотворенья мира твой
Муж и ребенок.

Играй и мучайся. Добро
Мертво без боли.

А твой обратный путь в ребро
Вне нашей воли.

* * *

От аргонанта и до космонавта
Мир устремлен через сегодня в завтра
Всем бешенством растущих скоростей.
Но что-то не сработало в ракете,
И стало меньше мужества на свете
В запасе человеческих страстей.

Чем оплачу́, какой слезой оплачу
Я эту мировую неудачу,
В пространство мысли срезанный прыжок?
И у меня под левою лопаткой,
Как у Земли под стартовой площадкой,
Горит незаживающий ожог.

СОНЕТ НА ПАМЯТЬ НИКОЛАЮ РЫЛЕНКОВУ

Верблюды в песках не видят миража,
А видит то, что есть на самом деле.
И он идет через пустыню к цели
Оазиса, от страха не дрожа.

Душа ликует, сущность обнажа.
На горизонте, проступившем еле,
Через огонь космической метели
К несбыточному тянется душа.

Снега мертвы. Раскалены пески.
Но и в пустыне прорастает чудо.
Спешу туда, мираж цветет покуда

Над прахом человеческой тоски,
И верь в него до гробовой доски,
И доверяйся трезвости верблюда.

ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ ЕВГЕНИИ НИКОЛАЕВНЫ ТАРСАНОВОЙ

*Коммунистке с 1903 года в день
ее восьмидесятилетия*

Ах, Евгения Николавна,
Настоящему про запас
Я не прописью, а заглавно
Эту песню пишу про Вас.

Начинается с колыбели
Человеческая печаль.
Семь ветров над Симбирском пели,
Семь дорог убегали вдаль.

И не с этого ли порога,
От Венца через все сердца
Пролегла по миру дорога
Справедливости до конца.

Вашей верности, Вашей чести
Нетускнеющий идеал.
В ту дорогу с собою вместе
Ленин верную юность брал.

Это время светло и близко,
Неподвластно оно годам.
Русокобая гимназистка,
Я завидую нынче Вам.

Были слезки без проволочки
И предательства неспроста.
Одиночества одиночки,
Самодельные паспорта.

Я учусь у Вас бескорыстью,
Всем сомненьям ищущу ответ.
Время пишет искусной кистью
Ваш подвижнический портрет.

Беспристрастный оно биограф.
Честно трудится не спеша.

И отзывчива, как сейсмограф,
Нестареющая душа.

Верность верности. Верность долгу.
Как ладонь, вся судьба видна.
В вашу маленькую каморку
Солнце смотрится из окна.

Фикус тянется через раму.
Вы идете сейчас к окну.
Пусть летит эта песня прямо
На Матросскую тишину.

К Вам друзья подойдут к обеду
Вспомнить молодость, помечтать,
Говорливые непоседы,
Седина седине под стать...

И на скатерти тонкий, ясный
Луч начнет золотить пыльцу.
...Как подаренный галстук красный
Пионерами Вам к лицу!

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГИТОВИЧА

Я ел с тобой, деля солдатский хлеб
Блокадных дней, твой опыт принимая.
И восхищался им. И не был слеп,
Твое стиху служенье понимая.
А ты ушел с улыбкой в мир иной.
Она застыла на застывшем лице.
Хлестнул по лесу ливень проливной,
И заплясали солнечные блики
По мокрым листьям.

И была чужда
Душа моя минуте расставанья.
И над тобою дружба и вражда
Между собой забыли расстоянья.
Цветет на пепелище иван-чай.
И смотрятся ночные звезды в реки.
Ты улыбнулся смерти невзначай.
И мертвый — улыбаешься навеки.

НОЧНЫЕ СТИХИ МУСТАЮ КАРИМУ

Разыграны трагедии Эсхила,
Отыздевался над собою Плавт,
Опробована дьявольская сила,
И к звездам улетает космонавт.

Что из того! Нам по ночам не спится, —
Немая боль грядущих катастроф
Нетронутую трогает страницу
Двойною рифмой оперенных строф.

Есть отчужденья крепостные стены
Между враждою ослепленных душ.
Мир напряженья ищет перемены,
И страсть познания разбивает глушь.

Какая глушь! Пустыни пахнут потом,
Горят в огне арктические льды.
Не человек, а время копит опыт,
Отодвигая рубежи беды.

Разведка начинается со слова,
И с песни начинается рассвет.
Мой добрый друг, твоя душа готова
Всегда приветом привечать привет.

Когда мне тяжело от бесплодной муки
Предчувствия антонова огня,
Издалека гортанной песни звуки
Спасеньем долетают до меня.

И нет пространства! Отчужденья стены
Разбиты в прах. И сброшен с мысли гнет.
Солдат стоит. Ему не нужно смены, —
Пусть разводящий малость отдохнет.

1967.

ВЕСНА НЕ ЗА ГОРАМИ

* * *

У пограничной полосы я
Стою на белом берегу.
Передо мной моя Россия
В глубоком мартовском снегу.

Бинты снегов над берегами.
В снегу деревья и дома.
Какие раны под снегами
Анестезирует зима?

Кто жалобы земли услышит?
Ее от судорог светло.
Она, скрипя морозом, дышит
Под снежной маской тяжело.

* * *

Гляди и удивляйся в оба,
Как намечается весна.
На белом саване сугроба —
Берез живая белизна.

Березы разбрелись попарно,
Ушли под ельника навес.
Сосновый ствол горит янтарно,
И свет пронизывает лес.

Пенек опенком через пенку
Сугроба лезет напоказ.
И все, как правда, без оттенка,
И все как будто в первый раз.

И пахнет хвоей воздух чащи,
В нем чудится переполох.
И полдень —

словно вздох звучащий,
Намека страсти первый вздох.

* * *

Хвойный лес в оконной раме
Стряхивает хлопья сна.
Вот она, не за горами,
Начинается весна.

Третий день свирепый ветер.
Вперемежку — дождь и снег.
Человек за все в ответе, —
Помни это, человек!

Звезды — ласточками ночью
По конькам высоких крыш.
Учит душу средоточью
Настороженная тишь.

Бой идет на всей планете.
Убыстряет время бег.
Человек за все в ответе, —
Помни это, человек!

Может быть, конец обиде,
Все окончится добром.
Мне бы радугу увидеть,
Услыхать весенний гром.

Старики уходят. Дети
Начинают новый век.
Человек за все в ответе, —
Помни это, человек!

* * *

На прошлое не доверяй оглядке.
От собственного страха сам не свой,
Двадцатый век в нервическом припадке
О Землю бьется лысой головой.

Он изнемог. Он мнет себя и душит.
Он ищет выход в смене перемен.
Истощенный крик «спасите наши души!»
Срывается с отчаянных антенн.

Он на орбиты Марса и Венеры
Спасенья ради выслал корабли.
Разумный мир, исполнись мудрой веры
И у Земли прощения моли.

СИНИЙ СВЕТ

Все, что прошло, и все, что станется,
О чем я плакал и молчал,
Нежнее с каждым годом тянется
Туда, к началу всех начал.

Там детство с лампой керосиновой,
Там вместо дома моего
И всей деревни кол осиновый
Торчит — и больше ничего.

Там за церковною оградюю
(Ограды нет, и церкви нет),
Под коромыслом зимней радуги,
Мой синий, синий, синий свет.

Цвет глаз моих идет от матери,
Лишь только голову закинь —
И хлынет синь по белой скатерти
Снегов, сольется с синью синь.

Я не без роду, не без племени,
Причастный к горести земной.
За мной два океана времени
И три погибели за мной.

За мной войны дорога дальняя.
Тоска и песня, пот и кровь.
И в наваждении случайная
Скорей печаль, а не любовь.

И не от случая до случая,
А каждый день сто тысяч раз
Надежда, радуя и мучая,
Мне светит синью синих глаз.

И льется, льется чудо синее
Через сугробы гор и лет.
Душа и песня в синем инее,
Над белым светом — синий свет.

* * *

Ну что ж!

В беспутности поэта —
Своей судьбы особый путь.
«Он весь дитя добра и света» —
Ты это тоже не забудь.

Он за себя и мир в ответе,
Все горе тащит, как ишак.
Он самым первым на планете
Всех революций слышит шаг.

Его победа не случайна,
Как не случайны долг и честь.
В его душе не просто тайна,
А таинство живое есть.

ТОПОР

На утре первых поколений,
За жизнь свою вступая в спор,
Придумал безымянный гений
Для человечества топор.

Он с человеком сросся кровно,
Его рукам прибавив сил,
На божий храм готовил бревна
И напроочь головы сносил.

Он зло с добром творил без смысла.
Двойная тянется игра:
Сегодня над Землей нависла
Косая тень от топора.

И в эту ночь надежд и бдений
Какой Земля услышит плач:
От палача родится гений
Или от гения палач?

Не знаю, но душой тревожно
Жду откровенья и добра
И верю в разум, что, возможно,
Зло отделит от топора.

ТЕБЕ НА ПАМЯТЬ

Кто ты?
Сказка рассвета или вымысел,
Или счастья земного прогноз?
Я тебя и придумал, и выносил,
И по белому свету пронес.

Мне с тобой — океаны до пояса.
Мне как воздух твоя кабала.
Если я добирался до полюса,
Ты Снегурочкой рядом была.

Поднималась волна окаянная.
Субмарина врезалась в волну.
Ты русалкой на дно океанное
Опускалась за мной в глубину.

Если жизнь мою, смертью отпую,
Занесет в занебесную тишь —
За мою далекой ракетой
Ты жар-птицей ко мне прилетишь.

Нам хватает и хлеба, и пороху.
Поднимайся ко мне на корму.
Я не рву ни сирень, ни черемуху,
А дарю тебе их на корню.

* * *

О чем загадываю в марте —
Апрель с лихвой отпустит мне.
Душа подтянется в азарте,
Как старый рыцарь на коне.

И по таинственному знаку,
Достоиню к подвигу спеша,
Отгадет, ввязываясь в драку
С несправедливостью, душа.

Ей нужен ветер всех столетий
И блеск турниров и охот.
Охотно сказкам верят дети
И старый мальчик Дон-Кихот.

* * *

Прорвется пухом прозелень,
И первый навесной
Ударит дождь над озером,
Над просекой лесной.

Из вспугнутой окрестности
Весну не увести.
Она всей силой честности
У местности в чести.

Пусть размокроногодится
Безоблачная высь —
Ты все равно, как водится,
На песню отзовись.

За песней лебединою
Над шорохом песка
Уйдет с последней льдиною
Последняя тоска.

СТАРЫЙ ЖУРАВЛЬ

Во время перелета ласточки
отдыхают на спинах журавлей

Кто я? Старый журавль, отстаю постепенно от стаи.
Вон на север весенний все дальше уходит косяк.
Там по мягким болотам линяют снегов горностаи.
И холстины тумана на голых деревьях висят.
Там гнездо моей жизни, извечная родина родин,
Заливные луга и леса в предрассветном дыму.

Там высокие звезды как гроздь созревших смородин.
Мне, наверно, туда не добраться теперь одному.
Кто ты? Легкая ласточка, сбитая ночью с дороги.
Острым крыльям твоим встречный ветер осилить

невмочь.

Равнодушные звезды далеки и чужды тревоги,
Шторм под нами гремит, и кипит океанская ночь,
Хлещут волны внизу и соленой кидаются пылью.
Будь спасеньем моим, прижимайся плотнее к плечу.
Пусть доверье твое к моему прикоснется, усилию:
Я спасу тебя, слышишь, и сам до гнезда долечу.

1968

НА ПУТИ ПОД ДЕРЕВОМ

ДРУГУ

Ты воевал и знаешь, что в бою
Солдат не слышит своего снаряда.
А что ты ищешь? Молнию свою!
В свой миг ударит. Не ищи. Не надо.

От страха только трусу умирать.
А мы солдатской клятвы не нарушим.
Нам до конца уже не разменять
Крещенные огнем и кровью души.

Страшнее черта мнимые друзья.
Они заносят Каина дубины.
Спина к спине! Нам победить нельзя,
Не прикрывая собственные спины.

ДУБ

А. Г. Иванову

Старинный дуб раскинулся могуче
Во всей красе земного естества.
Подобна надвигающейся туче
Его ветвей тяжелая листва.

Над ним небес промытых мир просторный
И семицветной радуги раствор.
И в три обхвата не обхватишь черный,
В буграх наростов, узловатый ствол.

Его корней железное упорство
Ветвится кроной по земле сырой.
Вгрызаясь в грунт, в его суглинок черствый,
Дуб спорит с небом и земной корой.

Он в ясный день и в час грозы урочной,
В сверканье молний презирая смерть,
Самим собой соединяет прочно
Стихию неба и земную твердь.

Он на посту. Он дней и сил не числит.
Прижмись к нему. Прислушайся. Внемли,
Как по его стволу проходят мысли
Земли и неба, неба и земли.

* * *

Ты — человек, живешь среди людей,
Ты знаешь их пристрастья и проступки,
Как в непорочность верят проститутки,
Как схимниц просвещает Апулей,

Как клевета похожа на елей.
И отличить серьезное от шутки
Не так легко. Противоречья жутки:
Сегодня — смейся, завтра — слезы лей.

Ты — человек. Ты — раб и господин,
Самим собою будь на этом свете,
Все примечай и верь своей примете,

Снегам вершин и зелени долин,
Добру и злу, но знай, что мир един
И ты один за все и всех в ответе.

ПРИЗНАНИЕ

А. Межирову

Бомбы землю кромсали и рвали.
Свежей кровью краснела вода.
В одиночном окопе за рвами
Не до нежности было тогда.

Убежденной душой святотатца,
Очумев от обид и потерь,
Я стеснялся в любви объясняться.
Объясняться мне поздно теперь.

Не считай, что я ради забавы,
От твоих настроений далек,
Обхожу придорожные травы
И не рву на меже василек.

Просто я не могу по-иному
Жить заботами этого дня.
Нестерпимая жалость к живому
Все сильнее заполняет меня.

ВАЛЯЯСЬ В ТРАВЕ

Сегодня ясно. Все — неясно!
Опять с надеждой спорит страх,
И мир тревоги не напрасно
В моих меняется глазах.

Он ставит точки и вопросы
И раздвигает окоем,
Живое семя смертью косит
И вечным шествует путем.

Пока я думаю об этой
Неразрешимости своей,
Былинку в хвое разогретой
Куда-то тащит муравей.

Кто он: пророк или насмешка,
Судьба, ползущая в пыли?
...Опасно тлеет головешка
Над муравейником Земли...

Где все правы и все неправы
И где в сумятице травы,
Как малый рыцарь малой славы,
Пищит комар: «Иду на вы!»

Пойди пойми его отвагу.
Он, обнажая острие,
Вонзает маленькую шпагу
В высокомерие мое.

* * *

На всю вселенную в ночи одна звезда видна.
Одна звезда горит в ночи, и нет других огней.
Звезда, как правда через ложь, горит в ночи одна.
Ответный свет моей души соединился с ней.

ОДА ФУТБОЛУ

Избыток страсти хуже пыток.
Тяжел избытка произвол.
Когда почувствуешь избыток
Страстей, иди играть в футбол.

Глубокий смысл зарыт в рекорде,
Когда рекорды по плечу.
Весьма опасно бить по морде
И безопасно по мячу.

Позорен страсти недостаток,
Когда ты духом, как глагол
Без существительного, шаток
И хил — иди смотреть футбол.

Развеются твои напасти;
Когда ты, наболевшись власть,
Почуешь во всеобщей страсти
К тебе вернувшуюся страсть.

Во власти стадиона весь я.
Для всех полезен стадий он.
И, обретая равновесье,
Ревет и стонет стадион.

* * *

Разменяются тучи на ливни,
Хлынет светлая синь с высоты.
Будешь ты и добрей и наивней,
Станешь проще святой простоты.

Отгоришь незаметно грехами,
Ни себя, ни других не вина.

И грехи обернутся стихами,
Ясным светом вчерашнего дня.

И останется там, за плечами,
Та, которой уже не помочь,
Вперемежку с пустыми ночами
Соловьиная пьяная ночь.

И, наверно, оттуда, оттуда,
Сквозь цветущий содом по садам
Ощущение вечного чуда
За тобою пойдет по следам.

Через донник и рыжую гречу,
Через белую бурю берез,
Через зависть и смуту навстречу
Справедливому воздуху гроз.

НА ПРОЩАНИЕ

1

Прощай!
Но улетай, не помня
Своей обиды и тоски.
Душа моя —
Каменоломня,
Где все разбито на куски.
Карьеры взорваны,
Устой
Сгорели.
Нечем дорожить.
Осталось самое простое:
Желанье ждаты
И жажда жить.

2

И опять не уснуть, не забыться.
Делать нечего больше. Прощай!..
Улетает осенняя птица,
И горчит на губах молочай.

Улетай! Ты сама не заметишь,
Как зимы подойдет забытье.
Но под снегом забвенья,
Как фетиш,
Мне останется имя твое.
Может, сердце опять перетужит
В одиночестве пепел родства,
Так, как зиму спаленная стужей,
Бесполезная дубу листва.

3

Клянусь, ты — лучшее из воинств,
Где нет предательств и измен.
Я жил в плену твоих достоинств,
Благословляя этот плен.
Но плен есть плен. Бегу из плена
Без права возвращенья в плен.
Что это? Верности измена
Или привычка перемен?
Ни то, ни это! Просто фаза,
Когда противоречья злят
И ждет отказа иль приказа
Промытый страстью тихий взгляд.

* * *

Сама природа отпустила
Тебе таланта и добра.
Куда твоя уходит сила,
Зачем ты маешься с утра?

Венчает дело опыт смелый
И постоянство мудреца.
Берешься делать дело — делай,
Но непременно до конца.

Чтоб время замыслы и чувства
Напрасно в прах не разнесло.
Чтоб труд поднялся до искусства
И стало чудом ремесло.

ВДОВА

А. Мильникову

Изба стара. Стара старуха.
Опрятно прибрана изба.
Из глаз старухи смотрит сухо
И мудро времени судьба.

Мир одиночества жесток,
Застыл на маятнике тихо.
Сидит, забравшись на шесток,
Кот одноглазый, словно лихо.

По стенке, от икон в сторонке,
В печали выцветшей своей
Висят в трех рамках похоронки
На мужа и на сыновей.

На клен-малину в палисад
Глядит с окошка ванька-мокрый.
Дожди по лугу моросят
И обволакивают округ.

Теперь старухе мало надо.
А то, что надо, есть в избе.
И для души своя отрада —
Залетный аист на трубе.

Он с аистихой в дальний путь
Уже своих птенцов торопит.
Чтоб это счастье не спугнуть,
С весны старуха печь не топит.

ГРОЗА НОЧЬЮ

Раздвинулся ночной предел,
И, небо расколов,
По горизонту загремел
Хорал колоколов:

Ветвилась молния, как дуб,
И ветер гнул дубы,

Свистел, раскачивая сруб
Бревенчатой судьбы.

Я потушил полночный свет,
И вышел на крыльцо,
И увидел сквозь тридцать лет
В слезах твое лицо.

И тайна всех моих ночей
Понятна стала мне,
Как свет бесчисленных лучей,
Залптаных в кремне.

Давно б на жизненном кругу
Я сгинул, все сгубя,
Когда б не знал, что не могу
Погибнуть за тебя.

ВСПОМИНАЯ ОДНО ОКНО В ГАМБУРГЕ

Разводит кактусы палач,
Как тьму параграфов законник.
Они колючками задач
Заполнили подоконник.

Что хочешь делай! Прячь не прячь,
Концы наружу лезут. Снится
Кровь, плач. И хлещет спирт палач,
Чтобы заснуть. Ему не спится.

Спирт перечеркивает явь.
Но с новой силой наготове
Явь к изголовью рвется вплавь,
В крови, из крови, морем крови.

Война бросает род на род
Из века в век необратимо.
И в свой черед идет народ,
Любуясь кактусами, мимо.

Чем их дойму, чем их пройму,
Изгоев, вдов и белоручек?
Играют мальчики в войну.
И память спит в тени колючек.

У преисподней рвет живот
Кровавой судорогой рвоты.
Палач на пенсии живет.
Он жить не может без работы.

* * *

Во сне с ума сошел ребенок.
Что он во сне увидеть мог?

Вставало утро из потемок,
Кошмары спрятав под замок.
И день двадцатого столетья
Щеколдой щелкнул в проходной.
День волшебства,
Великолепя,
Безумья день очередной.
Его наклейки и настойки,
Его нейлон,
Его металл
И скрип зубов с больничной койки
Мне душу с телом измотал.
Что он несет?
Чем мысль накормит?
Куда наметит поворот?
Какие в души пустит корни?
Какие корни подорвет?
Я знаю рост его ступеней.
Я с днем идущим заодно.
Моих бессонниц страшный гений,
Кошмарней ваших сновидений,
Мне веру высветлил давно.
И мой во сне локатор тонок.
Предположенья сбились с ног.

...Во сне с ума сошел ребенок.
А я спасти его не мог.

НАД МОГИЛОЙ А. С. ПУШКИНА

В тоске земных столпотворений,
В извечной сменности систем
Живет недолго добрый гений,
Себя раздаривая всем.

И в этой беспощадной грате
Остановить его нельзя.
Он держит целый мир в охвате,
По дебрям опыта скользья.

Когда же смерть уводит в небыль
Его от мировых затей,
Возможностей слепое небо
Обозначается светлей.

Земля становится богаче
Одной вершиной в этот миг.
Вершиной гения, тем паче
Что он для нас ее достиг.

Мы знаем это иль не знаем,
Хотим того иль не хотим,
Но он никем не заменяем
И навсегда необходим.

* * *

За нами костры и походы,
Смешение света и тьмы.
Ответственность высшей свободы
Порой тяжелее тюрьмы.

Раздумий табачные ночи,
Дневной суеты карусель.
Чем жизни дорога короче,
Тем больше заветная цель.

Опять за душой ни полушки,
Суставы скрипят и кровать.
И скучно на белой подушке
В больничном бреду умирать.

И градусник скачет за сорок.
Мир меры во мраке морок.
Сменяется атомом порох, —
Ни проволоч, ни проволоч:

На сорок немислимых целей
В бреду распадается цель.

И дымом походных метелей
Казенная пахнет постель.

ПЕЙЗАЖ

(Кастилья де Моро)

За плоский горизонт туманы
От побережья отвело.
На крепостных камнях вараны
В истоме дышат тяжело.

Синеет сонно даль морская,
И на губах седеет соль.
И саднит душу боль мирская,
Незатихающая боль.

* * *

Не гладь меня по волосам
И не нокаутируй левой.
Попробуй, если сможешь, сам
То, что я делаю, проделай.

Попробуй. Только не кричи,
Чему учить меня не зная.
В бетон заковывать ключи
Живой воды — затея злая.

В них пропадает эликсир
Той тайны, бьющей из-под спуда,
Которая преобразует мир
И жизнь естественностью чуда.

ПАМЯТИ ОДНОПОЛЧАНИНА АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Страшна война, но только раны
Войны страшней самой войны.
Уходят рано ветераны
В седую вечность тишины.

Уходят медленно и немощно
За окончательный предел
От неоконченной поэмы
С черновиками добрых дел.

Им нелегко в бою сдавалась
Судьбы и времени шуга.
Им до победы оставалось
Все время только полшага.

Как это расстояние дразнит,
Когда больничная кровать
Дает возможность видеть праздник,
Где им уже не пировать.

В их преждевременном уходе,
Конечно, нет твоей вины.
Ты — в стороне. Причина вроде
В слепых последствиях войны.

Рассвета медленные блики
Бегут по выжженной стерне.
И призрак милой Эвридики
Безвучно плачет в стороне.

24 СТРОЧКИ ИРОНИИ

Год активного солнца нынче.
Раскрываясь во всей красе,
По-особому каждый взвинчен,
Против всех ополчились все.

Расшумелись на своре сварой.
Осторожнее. Неспроста
Обзавелся Иуда старой
Маской продажного Христа.

Дождь в окошке. Зудит и нудит,
И, от зависти мелкой сед,
За стеной на меня иудит
В дружбе кающийся сосед.

Мой упрек его не одернет.
Пусть, душа во злобе слепа;

Зарастет между нами дерном
Опахабленная тропа.

Счастья жизни земной во имя
Прародителей создал бог,
Но справляться всего с двоими
Чудо-первенцами не смог.

Что же сделаю я на свете
В захмелевший тревогой день?
Пусть активнее солнце светит:
Ярче солнце — виднее тень.

* * *

Разгуливают аисты по лугу.
Дымятся травы в утренней росе.
Давным-давно земля привыкла к плугу,
К серпу — пшеница, клевера — к косе.

Ждет и тебя последняя страница,
Чем ты ее заполнишь не спеша?
Но, хоть убей, не может примириться
С последним часом смертная душа!

Ты тешилась победой. Ты страдала.
Впадала в восхищенье и просчет.
А вот тебе все кажется, что мало,
Что главное не сделано еще.

УТОПИЧЕСКИЕ СТИХИ

Обращаюсь ко всем живущим
Разных стран и наречий разных —
Ради жизни веков грядущих
Объявить повсеместный праздник:
ДЕНЬ БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

Если праздник удачным будет,
Можно силы свои устроить,
Сговориться надежно людям
И на радость людей устроить
ГОД БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

Год без выстрела дней спокойных,
Год без пыток ночей острожных,
Вот тогда, позабыв о войнах,
Начинать уже будет можно
ВЕК БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

И земля зацветет отменно,
Из кровавого выйдет круга.
Мы разучимся постепенно
На земле убивать друг друга.
ЛЮДИ! ДЕЛО ТОЛЬКО ЗА ВАМИ!

УПАЛА ЯБЛОНЯ В САДУ

Памяти К. Г. Паустовского

Упала яблоня в отавы,
От сладкой тяжести устав,
Календаря осенней славы
Своей листвою не долистав.

А как она цвела весной,
Шатер раскинув навесной
Под синим небом белый-белый!
Как в завязь превращался цвет,
Как наливался соком целый
Необозримый рой планет!

Не сонмы яблок в ветках зрели —
Миры в космических полях,

Она держалась еле-еле,
Как инвалид на костылях.
И сразу рухнула.

Устало

В перемещении теней
Шла ночь, и холодно блистала
Звезда Полярная над ней.
Трава дышала влажной жаждой,
К шершавой ластилась коре,
И свет звезды в росинке каждой
На каждом яблоке горел.

СВЯТЫЕ РУКИ ТЕТИ ШУРЫ

Гляжу на руки тети Шуры
Как на лицо ее труда,
Они, как корни дуба, буры,
Они улыбчивы и хмуры,
В них вся судьба ее природы.
Отобразилась навсегда.

В них опыт жизни год за годом
Без кода ясным языком
Глубоко вписан: огородом,
Весенним паром, недородом,
Грибами, ягодами, медом,
Огнем и хлебом с молоком.

Все знали в жизни эти руки,
Все перепробовать смогли:
Печаль любви, тоску разлуки,
Тревогу материнской муки.
И отчужденье смертной скуки
Сырой кладбищенской земли.

Все в мире прочным остается,
Что руки сделали вокруг,
Что сделать в будущем придется,
И связь времен не оборвется,
Пока живая нить прядется
Святым искусством этих рук.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПАРАДЕ

По мостам войска проходят не в ногу.

Знамена цвета вишни спелой
В весеннем воздухе парят.
Блистая выправкой умелой —
«Равнение направо!левой!» —
Войска выходят на парад.

И песня с музыкой — по следу.
Земля, как колокол, гудит.
В святую веруя победу,

«Вот это да!» — кричит соседу
Весьма цивилизный эрудит.

Когда-то в солнечном мерцанье
По этой площади литой
И я ходил без порицанья,
Как ходят знаки восклицанья,
Не встретив в тексте запятой.

А мы с тобой не на параде.
Путь человеческий непрост.
По мосту жизни, в звезды глядя,
Идем не в ногу, жизни ради,
Чтобы не рухнул этот мост.

* * *

Верь! Невозможно жить без веры.
Верь в хлеб, и в соль, и в смех, и в плач.
Верь полной верою без меры,
Как смертник — в жизнь, как в смерть —
палач.

Верь сам себе, как веришь другу,
Как другу верит новый друг.
И вера верности по кругу
Пройдет, расширив жизни круг.

Верь в братство душ на свете белом,
В неограниченность души.
И, подкрепляя веру делом,
Других уверовать спешу.

Верь так, как в воздух верят птицы,
Все море мира верой мерь,
Как в совершенство, без границы
Своим возможностям поверь.

1968

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Поэма

Четверть века
    листает моя беспокойная память.
Четверть века
    гудит на душе телеграфной
  струной.

Равнодушья мороз
    и поземки забвения заметь
Четверть века обходят
    полночные сны стороной.

Мне не мнится, не снится,
    а видится снова воочью
Перемешанный с кровью,
    снарядами вздыбленный лед.
И пять тысяч стволов,
    раскаленных морозною ночью,
В одиночку и залпами
    вновь продолжают налет.

Левый берег Невы
    от разрывов гудит наковальной.
И свирепой расплаты
    уже подступает пора.
И пехота встает
    на дистанции этой недалней,
Перекатами катит
    на Марьину рощу «ура!».

А за нею метели
    косматая, рваная бурка,
Словно крылья Победы,
    к плечам прирастает навек.
И от Невской Дубровки
    до каменных стен Шлиссельбурга,
Словно воск, под ногами
    размолотый плавится снег.

От сигнальных ракет
    поднимается небо рябое,
И архангелы мести
    играют на медной трубе.
Горечь горьких обид
    в упоении смертного боя
Беспощадную душу
    огнем распалают тебе.

Спирт хорош перед боем,
    как лучшее средство согрева,
Только яростью мести
    без спирта пылает душа.
Непрерывные молнии
    хлещут и справа, и слева,
И деревья, и землю,
    бетон и накаты круша.

Что там крикнул в цепи
    впереди наступающих ротный,
Перед тем как свалиться
    в прибрежный морозный камыш,
Ты не видишь, не слышишь.
    Дорогою бесповоротной
То ли к смерти своей,
    то ли прямо в бессмертье летишь.

И тебе в этот раз
    не впервые со смертью тягаться.
Пулеметным огнем
    огрызается взорванный дот.
Вот к нему бы хватило
    и легких, и сердца добраться,
Расквитаться со всеми, —
    а дальше по маслу пойдет.

Что ты вспомнишь еще
    в круговерти колючей и зыбкой?
Что в сознание твоём
    в этот миг промелькнет на бегу?
Голубые глаза,
    осененные милой улыбкой,
На Васильевском острове
    груды развалин в снегу?

В рукопашном бою
не успеет твой штык затупиться,
И второй эшелон
закрепит только завтра успех.
И дружок за тебя
не сумеет в бою заступиться.
Боги умерли с голоду.
Ты заступился за всех.

Ты сейчас упадешь.
Ты наткнешься на острый осколок.
На отбитой земле
ты зароешься в снег головой.
Не увидишь, как наши
ворвутся в Четвертый поселок,
Не услышишь салют
над твоею державной Невой.

В общей братской могиле
тебя комендант похоронит.
И растает твой след
на одной из расколотых льдин.
И никто над тобою
горючей слезы не обронит.
Мертвым — вечный покой.
А живым — наступать на Берлин.

Ты прости нас, товарищ,
обеды и победы напарник.
Мы с тобою, ты с нами
пешком полземли обогнем.
...Над твоими костями
растет одинокий татарник
И горит по ночам
фиолетовым тусклым огнем.

Как застывшая кровь,
тот колючий цветок фиолетов,
Словно полная чаша
багровым вином до краев.
Крылья красных закатов
и крылья молочных рассветов
Белой ночью над ним
выпускают своих соловьев.

И свистят соловьи,
    замирая в истомах печали;
И врываюся громом
    в зеленое царство земли;
И земля простирает
    войной опаленные дали.
Ты хрустальному щелку,
    как голосу павших, внемли.

Ты проникнись их мыслями,
    их бесподобной судьбою;
Продолжая неконченный
    правды единственный бой,
Сила павших с тобою,
    и слава их жизни с тобою,
Мир тревоги и страсти,
    побед и обид за тобой.

Вместе с каждым из них
    я бежал, поднимаясь в атаку,
Вместе с каждым из них
    я на этой земле умирал:
Дух наследников верен
    атаки условному знаку.
Наших душ одинаков
    нетлеющий материал.

Нам досталось пройти
    по костям отступленья потопом
Очищенья земли.
    Нас о милости враг не молил.
...Четверть века спустя
    я бродил по оплывшим окопам,
Между сгнивших накатов,
    осевших солдатских могил:

Четверть века спустя
    я бродил, раздвигая кустарник,
За грядущее мира
    у вечной тревоги в кругу.
И сквозь зелень ветвей
    фиолетовым светом татарник,
Словно Вечный огонь,
    на высоком горел берегу.

Там, где били по срезу
отвесного берега пушки,
Где пять тысяч стволов
колошматили землю в упор,
Над спокойными волнами
ласточки-береговушки,
Как солдатские души,
летели из узеньких нор.

А волна намывала
песок на осколки и кости,
На тяжелую мину,
на ржавый, погнутый затвор.
И, наверно, на Ладого
с музыкой, к радости в гости,
Словно белая ласточка,
легкий летел «Метеор».

Он скользил над водой
от волны до волны без усилия,
Острой грудью дробил
на зеркальной воде облака,
Поднимали буруны
подводные красные крылья,
Семицветною радугой
в мокрые били бока.

Солнце плавилось в брызгах,
стекая по правому борту.
Голубел горизонт
чистотой откровенья сквозной.
Между смехом живых
и колючим молчанием мертвых,
Между двух поколений
я снова стоял, как связной.

Это служба моя,
это пост моей песни бессменный,
Верность Долгу и Совести,
грозный и радостный пост.
Что бы ни было в мире,
запомни: дороги вселенной
Начинаются с этих
солдатских заржавленных звезд.

Вот у этих могил
на земле золотой и угрюмой,
Где тоска и надежда
сплетаются вместе в душе.
Ты об этом подумай,
подумай, подумай
Четверть века спустя
на моем огневом рубеже.

1967

ДЕРЕВО ДЛЯ АИСТА

ТАТАРНИК

* * *

Вчера ломал деревья ураган,
И, словно танки, громыхали тучи,
И озеро бежало к берегам
И расшибалось о седые кручи.

Сегодня — неземная благодать:
Прозрачно небо, неподвижны воды.
И как-то непривычно наблюдать
Блаженное спокойствие природы.

Земля, как истина, обнажена,
И верится наперекор обману:
Великое рождает тишина,
Пришедшая на смену урагану.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ЖИЗНЬ

Я равновесья не встречал
Прекрасного и скверны,
Соотношенья двух начал
Всегда неравномерны.

Но, как защита жизни, в нас
Живет со дня творенья
Неиссякаемый запас
Любви и удивленья.

* * *

Осколки былой панорамы
Из тьмы вылезают на вид.
В душе известкуются раны
Вчерашних потерь и обид.

Душа отдыхает, как пашня,
Чтоб семя принять через год,
И песня на шпрамах вчерашних,
Как дикий татарник, растет.

**ОЛЬГЕ БЕРГГОЛЬЦ
В ДЕНЬ ЕЕ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ**

Отошла давно блокада.
Жизнь торопится, спеша.
Но жива у Ленинграда
Ленинградская душа.

Невозможное на свете
Пережившая одна,
По единственной примете
Всею открыта и видна.

Чем она прожить сумела,
Как ее судьбу понять?
Находила силы — пела
Там, где можно умирать.

Неподвластна, неподсудна
Перед светом новых дней.
И ее обидеть трудно,
Похвалить еще трудней.

Невозможное возможно
Для ее большой любви.
Мы ей скажем осторожно,
Громким шепотом: ЖИВИ!

* * *

Не может быть, чтоб жили мы напрасно.
О. Берггольц

Ты — половина памяти моей.
И жизнь моя давно с твоей согласна.

Я, повторяя, присягаю ей:
Не может быть, чтоб жили мы напрасно.

Я не напрасно ставлю этот вздох
Над нашею судьбою как эпитафия.
И возникает вновь переполох
Весны и песни в пионерских играх.

Старинных лип медовая листва
Шумит над нами бурей через годы
Всей прелестью земного естества
На празднике обманчивой природы.

Не весь еще собрали пчелы мед,
Но на листве заметней отсвет меди.
И журавлей осенний перелет
Еще не окончание трагедий.

К нам журавли вернуться по весне
И протрубят над нашей кровлей ночью.
И память сердца, словно в полусне,
Прошедший праздник повторит воочью.

И встанет вновь зеленая трава,
И соловьи опять зальются властно,
И ты забудешь горькие слова:
«Не может быть, чтоб жили мы напрасно».

Пускай их скажет кто-нибудь о нас
И «мы» на «вы» заменит благодарно.
...Скворцы галдят на липах битый час
И, видишь, разлетаются попарно.

ЧИТАЯ ДОКУЧАЕВА

Бескрайняя печаль седой полыни,
В колючих иглах высохший осот.
И знает мир от века и поныне,
Что выше Правды в мире нет высот.

Кончается действительности смета.
Возможности исчерпаны до дна.
Что гибнет там, душа или планета?
Не все ль равно — трагедия одна!

Но нет конца. Опять росток, брезгливо
Оглядываясь, лезет напоказ.
Трагедия обходится без грима —
Прекрасное прекрасно без прикрас.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЩАНИИ С КОСМОНАВТАМИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 3 ИЮЛЯ 1971 ГОДА

Слепая гроза не грозила,
Грозы не настала пора.
Над площадью Красной сквозила
Полднего солнца жара,

Жара, как свинцовое лихо,
Как обморок страха в бреду.
И падали женщины тихо,
Без крика, в переднем ряду.

А там по рядам нелюдимо
Безмолвие сторбленных плеч.
И музыка скорбная — мимо,
И мимо прощальная речь.

Я тоже, не чувствуя тела,
Стоял у кремлевской стены
И в горе не видел предела
Сознания общей вины.

Признания поздние розы,
Пронизанный солнцем кумач
И сквозь материнские слезы
Ребенка пронзительный плач.

Молчания темные реки.
И где-то под сердцем в груди:
Прощайте... Прощайте навеки,
Вы так далеко впереди!

СЛУШАЯ РАВЕЛЯ

Н. С. Агарову

На землю влажно и серо
Ложатся сумерки апреля.
Я вслушиваюсь в «Болеро»,
Живу гармонией Равеля.
Мне музыка сейчас — сестрой.
И по таинственному знаку
И страсть, и мысль за строем строй
Ведет в смертельную атаку.
И гибнут души и миры —
И возникают в новом блеске,
Как краски, волшебством игры
Проявленные в старой фреске.
Поет сиреную свирель,
И дьявол надевает схиму,
И сам божественный Равель
Наводит смерть на Хиросиму¹.
Конец чудовищной игры
Ломает старые размеры.
И душит души и миры
Потусторонний запах серы.

* * *

Тыходишь в жизнь, как в двери мастерской,
В твоём распоряжении отныне
Прекрасный мир прекрасного, людской
Трагедией построенный в пустыне.

И на тебе горит его тавро
Ответственности действия и слова.
В нём многое из нового старо,
А старое значительно и ново.

В нём близкое безмерно далеко
И самое законное подсудно.
В нём ниспровергнуть вечное легко
И продолжать обыденное трудно.

---

¹ Радиомаяки, по которым летчики прокладывали к Хиросиме курс самолета с атомной бомбой, передавали «Болеро» Равеля.

Входи в него хозяином смелей,
Он ждет тебя и требует ответа.
Согрей его трагедией своей,
Прибавь ему еще любви и света.

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

Ю. Быкову

В полгоризонта нарастая,
Из никуда в куда-нибудь
Летит, галдя, воронья стая
И переходит в Млечный Путь.
И затихает в мире этом,
Единства мира не деля.
И колосятся тихим светом
Ночные звездные поля.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ТРИФОНОВИЧА ТВАРДОВСКОГО

Он был на первом рубеже
Той полковой разведки боем,
Где нет возможности уже
Для отступления героям.

Поэзия особняком
Его прозрением дарила.
Его свободным языком
Стихия жизни говорила.

Сочувствием обременен
И в песне верный своеволью,
Он сердцем принял боль времен
И сделал собственною болью.

Пусть память, словно сон, во сне
Хранит для чести и укора
Всю глубину в голубизне
Его младенческого взора,

* * *

Движенью истина нужна,
Но если взвесить строго,
Важна не истина, важна
До истины дорога.

Кто ты? Истец или творец, —
Смотри ясней и шире.
Мир — без конца в любой конец.
И — все возможно в мире.

И проклиная, и любя
Его поток текущий,
Переступи через себя,
Вступая в день грядущий.

Без отвращения и лжи
И Правды свет неясен.
Но ты вселенной докажи,
Что сам ты — не напрасен.

* * *

Я синей песней изойду
На том далеком перекрестке,
Где ночь затеплила звезду
На подрастающей березке.

Где родниковая вода
Бежит сквозь заросль бересклета,
Где прошлогодняя беда
Забыта в нынешнее лето.

Где запоздалый василек,
Достойный брат небесной сини,
Цветет как радость, как намек
О покорении пустыни.

О жизнь! Твой голос не умолк!
Он стар, как мир, и молод внове,
Как откровение и долг
В самом биенье юной крови.

И все живущее родней.
И прошлое с грядущим схоже.
А радость? Чем она трудней,
Тем превосходней и дороже.

ТВОЕЙ СВОБОДЫ ВЫСТРАДАННЫЙ ПУТЬ

Стихи, стихи, бойцы моей души.
Моя победа и моя отрава.
Забвенья и сомненья камыши...
И под обстрелом стонет переправа.

Что ждет тебя на дальнем берегу? —
Неведомо перегорелым нервам.
Сквозь тину и болотную куту
Какое слово выберется первым?

Но ты жива, поэзия, жива!
Как тот приказ в фельдъегерском конверте,
Всегда твои нуждаются слова
Не в чем-нибудь, а в подтвержденье смертью.

Ты весь огонь берешь себе на грудь,
И свет зари перемежая тенью,
Твоей Свободы выстраданный путь
Проходит через гибель к воскресенью.

НАЕДИНЕ

Как нам подсказывает опыт
Своей судьбы и старых книг,
Порою самый тихий шепот
Слышней, чем самый громкий крик.

Есть многозначное мерцанье
Открытых глаз на глубине.
Молчи. Сейчас твое молчанье
Всех слов твоих понятней мне.

ПРАЗДНИК

А для меня из времени изъятый
Живет отдельно этот летний час,
Сам по себе, пропахший зноем, мятой
И освещенный блеском наших глаз,

Наполненных взаимным отраженьем,
Голубизною — в синеве твоих,
Возвышенным и полным отрешеньем,
Безропотным доверием двоих.

Об этом знали иволга, да ветер,
Да сосен прошлогодняя хвоя,
Да полностью раскрытая, в расцвете
Божественная женственность твоя.

В одно звено соединились звенья,
В одно кольцо спаялись два кольца.
И красоте восторга нет забвенья,
И празднику взаимности — конца.

Куда бы ты ни скрылась, залетая,
Куда бы ни отправилась в полет,
Зимой и летом черно-золотая
Мне, словно флейта, иволга поет.

ПИСЬМО В СТИХАХ О СТРАННОМ СЛУЧАЕ

Я ничего от вас не скрою,
Всю душу выложу до дна:
Живу в лесу, дружу с горою
Напротив моего окна.

Гора ко мне приходит поздно,
Наваливается в окно
И в тишине из шкуры звездной
Вычесывает волокно.

Потом мне теплый свитер вяжет
И надевает на меня.
Пока я сплю, стоит на страже
До утра завтрашнего дня.

И, освещенная рассветом,
Отходит в световую даль,
Сверяя с отторевшим летом
Свою заботу и печаль.

Родник ей за ухом щекочет,
Струной натянутой звеня.
И целый день гора хлопочет,
Ей целый день не до меня.

Но день окончится. Под вечер
Она опять придет ко мне.
Перед окном расправит плечи
И загородит свет в окне.

И, не пеняя на погоду
И на отсутствие огней,
Я буду рад ее приходу
И посумерничая с ней.

И снова будет ночь струиться
Легко, как речка через мель...
Вот что со мною здесь творится
От вас за тридевять земель.

ЭЛЕГИЯ

Отошедшее лето
С печалью пустынных полей,
Над полями с рассвета
Седая печаль журавлей.

С этой вечной печалью
Моя улетает печаль.
За прозрачную далью
Далекая видится даль.

Там под синею сенью
Холодных и ломких небес,
Словно дань повторенью,
Осенний смыкается лес.

Там лежит на траве
И на золоте сонных осин
Синевой в синеве
Осиянная синяя синь.

Эта легкая синь
Через тонкую плоскость стекла
С крыльев диких гусынь
Под ресницы твои натекла.

Натекла и стоит,
Как озера в тени камыша.
И цветет, и грустит,
И смеется, и стонет душа.

КРИК ВДОГОНКУ

Твои отходят корабли.
А я — как рыба на мели.

С последним кораблем вода
Уходит тоже навсегда.

На жабрах желтого песка
Скрипит смертельная тоска.

Спалило солнце до костей
Вместилище моих страстей.

И никогда опять прибой
Здесь не появится с тобой.

И нужно миллион веков,
Чтоб — руки вместо плавников,

Чтоб я твоих коснулся рук.
Чтобы открылся новый круг.

12 СЕНТЯБРЯ

В тумане солнечные спицы
В три нитки вяжут свет и тень.

Проснись, открой скорей ресницы,
Наполни легкой синью день.

Ведь нас ничто с тобой не разнит
На этой утренней заре,
Сегодня наш с тобою праздник,
Наш Синий день в календаре.

Он не заглядывал в тетради,
Не тасовал ночные сны.
Но стоит петь и плакать ради
Его чистой новизны.

Он как награда всем наградам
И над тобой и надо мной.
И мы с тобою рядом, рядом,
Как дети верности одной.

ОБЪЯСНЕНИЕ САМОМУ СЕБЕ

Я понял только в этот год,
Как эти годы
Тебе давил на плечи гнет
Моей свободы.

Но твой восторг путей земных,
Твой счастья гений
Оплачен каторгой моих
Разуверений.

И только страсти странный час
Меня с тобою
Равнял и вел далеко нас
Слепой тропюю.

ПЕРЕД АСТРАХАНЬЮ

Перед закатом сходит зной.
Как вечности дорога,
Течет река передо мной
Медлительно и строго.

Темней и гуще облака,
Острее пахнет тиной.
Течет передо мной река
Последнею долиной.

Все позади: и бой, и торг,
И бегство из-под власти,
И страсти бешеный восторг,
И отвращенье страсти.

Теперь судьба реки легка.
За поворотом — море.
В его судьбу втечет река
И растворится вскорее.

И все, окончен дальний путь,
Как из варягов в греки.
Но ты, душа, не позабудь,
Как умирают реки.

* * *

Условности придумываем мы,
С надменными условностями споря.
Я сам себе построил две тюрьмы,
Из радости одной — четыре сделал горя.

Что мы хотим и что потом творим —
Не сходится, и возникают стены.
Мир обновляем и неповторим.
И он не может жить без перемены.

Не даст покоя сердцу и уму
Однажды нас перехитривший Янус.
Я третью строю, кажется, тюрьму,
В которой навсегда уже останусь.

Но, может быть, сквозь сумрак этих стен,
Через туман, качающийся зыбко,
Условности придуманной взамен
Сверкнет и мне улыбкою ошибка.

ИЗ ОКНА ОСЕНЬЮ

Проходят тучи над жнивьем,
И солнце смотрит стыло.
И все, что любим, чем живем,
О чем мечтаем, — было.

Потом поэмка закружит,
Расстелет снег повсюду,
А нам минуты не прожить
Без вечной веры — в буду.

ВОСПОМИНАНИЕ О СТРАТФОРДЕ

На фоне красного заката,
Зеленокоса и бела,
Береза в Стратфорде когда-то
Мне переводчицей была.

Во глубине двора трактира
Я под березою сидел
И слушал бурю дум Шекспира,
Перехлестнувшую предел.

Шла тьмой страстей сама природа
Из глубины земных пород.
И листьев легкая порода
Заканчивала перевод.

Перемещеньем звонких пятен
Держала с будущим совет.
И мир был сложен и понятен,
Как шестьдесят шестой сонет.

* * *

Цветут цветы в долине.
Звенит в долине смех.
На голубой вершине
Безмолвие и снег.

Но утреннею ранью
Завидуют цветы

Бесплодному сиянью
Холодной высоты.

ТИХО

М. М. Пришвину

Ночной грозы угомонился гром.
Перед рассветом эхо отзвучало.
И тишина торжественна кругом,
Как изначальной музыки начало.

Сосновый лес — как золотой орган,
Пронизанный легчайшим свежим светом,
От мокрого брусничника туман
Уходит в небо, не касаясь веток.

Как мир хорош! И как я счастлив сам!
В умытом мире тайное не тайно.
Не вечность ли сейчас по волосам
Меня рукой погладила случайно?

И вновь душа, сомнений лишена,
Покоя набирается без спешки.
...И каплю обронила тишина
В фаянсовое блюдецe сыроежки.

ПРОЩАЯСЬ С ВЕНЕЦИЕЙ

В. Н. Орлову

Венеция уходит. Не тревожь
Венеции дождей и старых дождей,
Смущавшей оборванцев и вельмож
Осанкою и золотистой кожей.

Венеция уходит в глубину,
Венеция скрывается из виду,
Перечеркнув старинную вину
И позабыв последнюю обиду.

Венеция уходит навсегда.
Уходят тротуары и подмостки.

И куполом смыкается вода
Над рыжим завихрением прически.

Там в изумрудном забыты воды
Ее кольцо колышется неярко,
И медленно смываются следы
Моей любви с камней святого Марка.

Венеция! Уходит страсть и статья.
Сестра моя, а мне куда податься?
Венеции положено блистать,
Венеция устала торговаться.

Венеция уходит. На канал
От железнодорожного вокзала
Оплакивать последний карнавал
Последняя гондола опоздала.

Парада нет, и пушки не палят.
Обманутая временем жестоко,
Венеция уходит в Китеж-град,
Как женщина, легко и одиноко.

Горит ее пленительная прядь,
Прочесанная солнцем над волною.
...О чем ты призадумалась? Присядь.
Когда мы снова встретимся с тобою?

ПИСЬМО ИЗ «КРАСНОЙ СТРЕЛЫ»

Когда тебе я не помощник в горе,
Когда слова сочувствий ни к чему, —
Печальному, с самим собой в раздоре,
Я обращаюсь к твоему уму.

Еще не все испытано в мире,
Еще он свеж и не кровоточит.
Вильям Шекспир не думает о Лире,
И Лермонтов о Пушкине молчит.

Еще о Руставели грезит келья
Всей пустотой тоски в монастыре,
И пьяница в предчувствии похмелья
Еще не просыпался на заре.

Еще не подступилось, окружая,
Раскаянье к нему. И налегке,
В блаженной страсти, женщина чужая
Спит на его, как на родной, руке.

Еще меж ними не порвались звенья,
Еще плечо доверено плечу...
Я не желаю для тебя забвенья,
Я действия твоей души хочу.

На свежий воздух выйди из угара,
Где, тощие растенья беребя,
Недоумений старая отара
Ждет нынче не Кязима, а тебя.

Бери свой посох! Гор отроги строги,
Промыто небо таинством воды.
Смертельное желание дороги
И есть освобожденье от беды.

Идущие да будут вечно правы.
Попутным ветром горизонт раздут,
И на камнях прорастают травы,
Как на сомненьях истины растут.

1969—1972

ЛАСТОЧКАМ ВДОГОНКУ

* * *

Окружены изменчивым пространством,
Малейший в жизни отмечая крен,
Мы лишь в себе с упорным постоянством
Не замечаем вечных перемен.

Мы слово смыслом наполняем вещим,
Мы глиною ложимся на каркас
И создаем и изменяем вещи, —
А эти вещи изменяют нас.

Нет пустоты. И всё всегда в полете,
В движенье на пылинке и звезде,
Живая мысль меняющейся плоти
Настойчиво пульсирует везде.

Сплетаются глубинные корни
Раздробленного в мире естества.
Над мировым законом тяготенья
Царит закон всемирного родства.

* * *

Прекрасен мир противоречий,
Он высек искру из кремня.
Он дал мне мысль и чудо речи
И в ход времен включил меня.

Его познания добрый гений
Мне приоткрыл явлений суть —
Цепь бесконечных превращений
И вечной мысли вечный путь.

В неистребимой тяге к свету
Я сам в себе нашел ответ:
Что для меня покоя нету,
Что мне, как миру, смерти нет.

* * *

Душа моя, а все ли ты свершила?
Что из того, что не сбылась мечта, —
Из грязи прорастает красота,
Без пропасти немислима вершина.

Пока жива — надеждою лучись,
В отчаянном дыму столпотворенья,
Сама в себе не презирай терпенья,
А у терпенья мудрости учись.

* * *

Л. Дамиану

Молдавия! Еще поет Земфира,
Одаривая голосом гостей,
И восславляет северная лира
Восторг и слезы роковых страстей.

Идет рассвет. А мы постель не стелем.
И, возникая в зелени ветвей,
Нам тешит душу благодатным хмелем
Цыганский ветер музыки твоей.

Высокой дружбы ясная отрада
Нам очи в очи смотрит горячо.
И белый аист с гроздью винограда
Овидию садится на плечо.

Я

Все Я да Я... А что такое Я?
Трагедия земного бытия.
Сближение, рождение и тлен
И бесконечность вечных перемен,
Устроенное мудро и хитро
Вселенной беспокойное ядро,
Природы совершенство и венец,
Гармонии начало и конец,
Победы безымянные холмы,

Где Я навеки переходит в Мы,
Над грозными провалами — успех
И искупленье преступленья всех,
Объединенье множества имен,
Связь поколений и тоска времен,
Ликующая над судьбой большой
Земная плоть с космической душой?
Извечная основа бытия —
Мое неумиряющее Я!

ВДОГОНКУ ПОСЛЕДНЕЙ КУКУШКЕ

Такое лишь в мае бывает:
Кукует кукушка весь день,
Хоть тысячу лет насчитает,
Загадывай, если не лень.

Кукует кукушка на воле
И славит земную красу,
Зеленое чистое поле
И синюю речку в лесу.

И спорится трудное дело,
И в деле душа не грустит.
Оглянешься — поле поспело...
И утро капустой хрустит.

А там — подступает забота
Зимы на холодной заре.
...Но даже воробушка что-то
Не слышно в моем ноябре.

Продутая ветром опушка
Со всей подоплекой видна.
Жестка, как подошва, подушка,
И ночь, как столетье, длинна.

Давно уже откуковала
Кукушка моя не спеша.
И жалко сегодня, что мало
Весной загадала душа.

**СТИХИ В ЧЕСТЬ АЛЕКСЕЯ ФОМИЧА
И ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ АНДРЕЕВЫХ,
НАПИСАННЫЕ В ДЕНЬ ИХ СВАДЬБЫ**

Сегодня честь по чести
Положено стиху
Хвалу воздать невесте
И почесть жениху.

Сегодня знают дети,
Подруги и друзья,
Что лучше быть на свете,
Чем вы сейчас, нельзя.

Вы — на волне привета
Сочувствующих глаз.
И жизнь с вершины лета
Благословляет вас.

Звучанье и значенье
Всего, что мы творим,
И жизни продолженье
Дастся вам двоим.

Широкая гулянка
Бьет в желтый бубен дня.
И тешится тальянка —
Гармонии родня.

Разведены уместно
Цветастые меха.
Хмелен жених. Невеста
Хмельна от жениха.

По лугу эхо глухо
Пускается в полет.
И старая старуха
Про молодость поет.

Старинной песне внимлю,
Прекрасной без прикрас,
И верю в эту Землю,
Цветущую для вас.

Где соловьи, немея,
Росу по капле пьют
И «цепи Гименей»
Кузнечики куют.

СОЛОВЬИНЫЙ КУСТ

Не знаю, кто срубил и сжег от скуки
Куст ивняка на въезде к пустырю.
...Там соловей в середине ночи стучал
Стеклянной палочкой по хрусталу.

И вслед за этим начиналось диво:
Луна садилась зубру на рога,
Медоточила ягучая крапива,
Чертополох рядился в жемчуга.

Дуб вырастал из-под земли, как песня,
За ним тянулись в небо сыновья,
Земля раскачивалась в поднебесье
На тонкой нитке свиста соловья,

Звенели звезды, падая под воду,
И на себя глядели из воды,
И сказки убегали на свободу,
Освобождая повод от беды.

Ночь ликовала, вслушиваясь в дали,
Вселенная задерживала вздох.
...Срубили куст — и на Земле Печали
Крапиву задушил чертополох.

* * *

Все было — до,
Все будет — после.
Всею во всем
Своя пора.
А Человек,
Как искра, послан
Надеждой
В Завтра
Из Вчера.

СТИХИ О САМОМ ПЕРВОМ

Подснежник там еще, под настом,
Но через наста хрусткий пласт
Он знак условленный подаст нам,
Уже без кода передаст.

И выйдет — вызов зимней прозе,
И, захлебнувшись новизной,
Погибнет первым на морозе,
Так и не встретившись с весной.

ПОСЛЕ ТВОЕГО ПИСЬМА

И все, что позабуду, — ложь.
И все, что вспомню, — лживо.
И все, что было, — не вернешь,
Хотя оно и живо.

И только можно через боль
Понять выздоровление,
И на ресницах сохнет соль
И обостряет зренья.

ПОСТОЯНСТВО

Невечны крепостные стены
И рифмы этого стиха,
Нет в мире клятвы без измены,
Нет покаянья без греха.

И жизнь сама и ветер странствий
Через рождение и тлен
Нас убеждают в постоянстве
Непостоянных перемен.

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР

Холодный ветер в голой роще
Сухой листвой засыпал след.
Над тощим полем стынет тощий,
Под масть воронам, серый свет.

Лес поредел. Подлесок гибок,
В нем каждый стебель как клинок.
И я в кругу своих ошибок,
Как в голой роще, одинок.

Развенчанным деревьям проще,
Чем людям, отходить ко сну.
Холодный ветер голой роще
Сулит надежду на весну.

Моя надежда небогата.
И знает грешная душа,
Что все уходит без возврата,
Сухими листьями шурша.

* * *

Страдою лето сожжено,
И под осенним низким небом
Все на душе обнажено,
Как в чистом поле перед снегом.

И снег в сегодняшней ночи
Засыплет рытвины и ямы.
А ты, душа моя, молчи
И прикрывай улыбкой шрамы.

* * *

В лугах снегов седое лихо:
Метет последняя пурга,
И о весне вздыхают тихо
Под снегом сонные луга,

Тугие стягивая корни,
Скрипит промерзлое дерно.
И солнце мартовское кормит
Надеждой майскою зерно.

Вглядись — твоей подвластны воле
И корпус жизни и петит.
...Не снег кружится в чистом поле —
Пух одуванчиков летит.

* * *

Чем дальше цель, тем к цели путь прямой,
Равняйся на звезду, а не на свет под дверью.
И ясному, открытому доверью
Доверием отвечать умей.

Внимательно и к людям и к Земле
Прислушивайся. В них твое богатство.
Земля — корабль. Нерасторжимо братство
Разумного на этом корабле.

И на кругах истории тугих
Держи глазами горизонт в охвате.
Будь бережлив в земных сокровищ трате,
Трать сам себя для радости других.

Пойми во всем ответственность свою,
Она растет. Судажьте, не судачьте!
Гляди вперед. И на зеленой мачте
Оставь живую ветку соловью.

* * *

Перед лицом пожизненного долга
Растут мои просчеты и долги.
И насаждает бестолочь без толка,
И никому не скажешь: помоги!

Ты — одиночка. И тебе отсрочки,
Как иволги, не видеть в январе,
И намертво поставленные точки
Мгновенно превращаются в тире.

И мир земной прекрасен и распутен.
Одновременно — мелок и глубок.
И должен быть не взорван, а распутан
Гармонии запутанный клубок.

ЛЕТЯТ ГОДА...

Летят года, как междометья,
Как паутина по стерне,

Сафо двадцатого столетья
Однажды говорила мне:

— Не скроешься. Поэты голы.
Всем, чем богаты и бедны,
Их мысли, души и глаголы
До основания видны.

И вывод следовал курсивом
Без разделенья запятой:
Поэт обязан быть красивым
Нестыдной правды наготой,

Что открывается поэтам —
Нельзя не согласиться с тем,
Нас обнадеживает в этом
Идущий век стеклянных стен,

Где ничего не скроешь боле
И, словно ветошь, сбросив ложь,
Утраченную, поневоле
Святую правду обретешь.

ИВАНУ СЕРГЕЕВИЧУ СОКОЛОВУ-МИКИТОВУ

Там на заманчивой заре
Простых причин и следствий
Один кудесник в букваре
Мне повстречался в детстве.

Без помощи волшебных крыл
В общенье этом личном
Он мне на жизнь мою открыл
Волшебное в обычном.

И легкой вымыто водой,
И солнышком согрето,
Ромашкой с дикой резедой
Мне улыбнулось лето.

Потом на радость нам двоим
Внимательная сила
Его души меня своим
Прозреньем одарила.

Через него я понял толк
Открытого веленья
Своей судьбы, как ясный долг
Ее преодоления.

Душа его всегда нежна
От пережитой боли.
А боль — кому она нужна
В наш век железной воли.

И не в полдневные часы,
А лишь во сне воочью
Он видит мир земной красы
Цветущих радуг ночью.

Потом ведет о нем рассказ
И бережно и ярко,
Как суть раскрытого для нас
Бесценного подарка.

И в утешение сердец,
В два пальца, по старинке
Его печатает скворец
На пишущей машинке.

Шатер раскинув навесной,
Покрытая загаром,
Сосна смолой исходит в зной
И пахнет скипидаром.

ПЕСНЯ ПРОЩАНИЯ С ЮХАНОМ СМУУЛОМ

Он был поэтом по натуре,
С душой, влюбленной в бытие,
И шел всегда навстречу буре,
И предугадывал ее.

Он мир исследовал, как дети,
Прикосновением руки.
И крепкий стих вязал, как сети
Вязать умеют рыбаки.

Звезда в глаза, и ветер в спину,
И океан волной клубим.
Он начинал свою путину
У неизведанных глубин,

И в звонком серебре улова,
Перебирая весь улов,
Искал единственное слово
В сырой тоске случайных слов.

Любовь. Ее маршрут неведом.
Где ей тускнеть, где ей блистать!
Он уходил за нею следом
И от нее бежал, как тать.

С охрипшим горлом, полным песен,
Он первым ввязывался в бой
И был азартом боя весел
И пьян скитальческой судьбой.

Он ликовал. И что-то птичье
В его входило естество,
Когда, переступив различье,
Он обнаруживал родство

Со всем живым. И черной тучей
К земле прижало небеса,
Когда над песнею «Летучий
Голландец» поднял паруса.

Он спит в ночи пустой и вьюжной,
Недолюбив, недотужив,
На полюс Северный и Южный,
Как крылья, руки положив.

Он спит. А в мире ходят песни,
Его тревогами полны.
И торжествует буревестник
Над гребнем гибельной волны.

ОТКРЫТКА В КИЕВ

Любезный друг Микола
Платонович Бажан!

Повеяло с Подола
Весной на горожан.

Иль это снова строго,
Осмысленная впрок,
Меня берет тревога
Граненных вами строк.

Исполненная рвения,
Скрепленная родством
Слепое вдохновенья
С предельным мастерством?

И я иду за вами
Через зеленый гром
Цветущими садами
Над сабельным Днестром.

И вслушиваюсь в сушу,
И моря плеск ловлю.
И через вашу душу
Украину люблю.

Люблю всей былью боли.
И песней к песне льюсь,
И, словно вольной воле,
Поэзии дивлюсь.

Приверженному к слову,
Вам суждено беречь
Украинскую мову —
Возвышенную речь.

Чтоб был всегда полезен
И сутью века стал
Союз земных поэзий
Связующий кристалл.

И лестно мне, что в дали,
В упрямый непокой
Два облака печали
Плывут одной рекой.

**НАДПИСЬ НА КНИГЕ
ДЕСАНКИ МАКСИМОВИЧ
«ТРЕБУЮ ПОМИЛОВАНИЯ»**

Сараево с рассвета,
Наверно неспроста,
Ушло от Магомета
И не нашло Христа.

Но день не обездолен,
Он солнцем обогрет.
И с тенью колоколен
Не спорит минарет.

Играет в спину сплину
Весенняя свирель,
И зеленью в долину
Спускается апрель.

Легка его осанка.
И в сутолоке дня
Заступница Десанка
Освободит меня.

От сроков, от зарокров,
Предлогов на подлог,
От будущих пророков
Сегодняшних тревог.

И тенью в день за снами
Исчезнет не спеша
Прикрытая усами
Усмешка усташа.

И ты в свои тетради
Поэзию зови
Помилованья ради
По принципу любви.

Смотри: из обихода
Упразднена зима.
А что же есть Свобода? —
Ответственность сама!

СТИХИ ИЗ-ПОД ДЕРЕВА

Излетом птиц из лета
Не кончился июль.
Тоска в глазах Изета —
Как абсолютный нуль.

В канавах придорожных
Опавшая листва.
И одинок художник
Под деревом родства.

Из тьмы времен, из света
Идет его стезя,
И из судьбы Изета
Изъять любовь нельзя.

Под знаком Зодиака
Слепая ночь черна.
И каждая собака
Своим зубам верна.

Ломает смету лето,
И рушится уют,
И соловьи рассвета
На дереве поют.

ЗА КРУГОМ КРУГ

Мире Алечкович

Я окружил себя стеною.
Мне не найти проход в стене.
Все ниспровергнутое мною
Теперь на плечи давит мне.

Несу свой груз тоски и фальши,
И застит зренье пелена.
Иду в упор к стене. Но дальше
Отодвигается стена.

Мне надо выбраться из круга,
Переступить проклятый круг,

За гранью страха и испуга
Увидеть вольной воли луг.

И вдруг понять, что там не ново,
Что он на замкнутый похож.
В нем тот же строй и то же слово,
И так же слово точит ложь.

И так же оживает слово,
И дождик пестует траву.
А круг смыкается. И снова
Я страстью вырваться живу,

НА СМЕРТЬ МАРТИНА ЛЮТЕРА КИНГА

Предателей предательские пули
Из-за угла не знают неудач.
Над жертвою в почетном карауле
Стоит ее неузнанный палач.

ПИСЬМО КАЙСЫНУ

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли.
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.

Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре.

И во главу угла стиха
По мановенью ока
Поставим посох пастуха
Как инструмент пророка.

Стадам овец нужна трава
И в полдень тень чинары.
А нам с тобой пасти слова,
Как звездные отары.

Потом сгонять от ледников
В долины гурт овец
На перекресток всех веков
И всех противоречий.

Чтобы над пропастью пустынь.
Одна спаяла фразу
России трепетную синь
И седину Кавказа.

Чтоб мы воочию смогли
Иные видеть дали,
Как сыновья одной Земли,
Одной земной печали.

Чтоб наше слово мир, как цель,
Держало на примете,
Чтобы играло, как форель,
В Жилге при лунном свете.

ЯНУ КАРЛОВИЧУ СУДРАБКАЛНУ

Срезает с горизонта звезды
Дюраль ракетных плоскостей.
Горит живой чистейший воздух
В турбинах суперскоростей.

Я сам, в тоске ночных наитий,
Об этом думал как умел.
На грозном празднике открытий,
Как конь на ярмарке, чумел.

Все чаще уши века глушит
Безумье ядерных систем.
Но скорость выдувает души.
И может выдуть насовсем.

В век взлета разума и фальши,
В век, ускоряющий разбег,
Не отчуждается ли дальше
От человека человек?..

Ты новым громом утро будиш,
Переворачиваешь сон:
«Чем тише едешь — дальше будешь» —
Есть в этом тоже свой резон.

У новой эры на пороге,
Чтоб нас размах не укачал,
Я тоже думаю в тревоге
О соразмерности начал.

Об огороженном загоном,
Чтоб было притчею допрежь,
О том, что стать должно законом:
«Семь раз отмерь — один отрежь».

Ведь так свободно и знакомо
Строка моя поет, легка,
Пробивший плиты космодрома
Зеленый стебель василька.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ПЕРЕВОДОВ НИКОЛОЗА БАРАТАШВИЛИ

Виднеется новая вежа.
Холодная всходит заря.
Я с братом из прошлого века
Сегодня встречаюсь не зря.

Поэзии пристальным взглядом
Он в душу мою устремлен.
И судьбы становятся рядом,
И нет между нами времен.

Стоят эти судьбы навечно
У всех катастроф на краю.
Я с братом другого наречья
Ответным стихом говорю.

День новый в крови и железе
Гремит на камнях площадей.
Но светится в братстве поэзий
Прекрасное братство людей.

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ЭДИТ СЁДЕРГРАН В ПОСЕЛКЕ РОЩИНО

Здесь муза русской страсти
На шведском языке
Вам о земной напасти
Гадала по руке.

И был душе несносен,
Душой не обогрет
В колоннах финских сосен
Молочной ночи бред.

Потом зима пестрела
Костром, и между слег
На пепел артобстрела
Летел безгрешный снег.

И вот сегодня снова,
Слетая со страниц,
Печалит ваше слово
Скращенье трех границ.

На мелкие осколки
Дробится звездный мост,
И падает на елки
Хрустальный пепел звезд.

ИДУЩЕМУ В ГОРЫ

Недвижны горы и могучи.
Им страсть и время нипочем,
Гора к горе уходит в тучи,
Расталкивая их плечом.

Там лед вершинам лег на плечи,
Покой веков холодный чист,
Но он не вечен, он не вечен, —
Запомни это, альпинист.

Лишь только стоит камень сдвинуть,
В базальт скалы вбивая клин, —
И гул лавин пойдет в долину,
Захлестывая дно долины.

Он пролетит, бездумный всадник,
Пригнувши голову, с горы
Сметая цепкий виноградник,
Срывая сакли и дворы.

И словно не было в помине
Веков прекрасного труда.
Упрямец, рвущийся к вершине,
Оглядывайся иногда.

СТИХИ НА ДОРОГУ

Жизнь не разыграна по нотам,
И легких в мире нет судеб.
И навсегда насыщенный хлеб
Свежо и сладко пахнет потом.

Ты это все поймешь потом,
За быстрым временем в погоне, —
На противоположном склоне
Вершины в блеске золотом,

ЛИРИКА

Из глубины обманчивых времен,
Через ее поэзию и прозу,
Сквозь прах и пыль разрух Анакреон
В двадцатый век протягивает розу.

Живой любви бессмертный огонек,
Обожествленный благородным слогом.
И лишь одним влюбленным невдомек,
Что роза пахнет порохом и смогом.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты — неизведанная местность
И неоткрытая река,
Сегодня эта неизвестность —
Твое достоинство пока,

Ты — песни **будущего** почва
И старой **вечности** родня.
Ты — **недоста**вленная почта
В мой день **из** **завтраш**него дня.

1970—1973

НА СТАРОМ РУБЕЖЕ

* * *

В ночи беседа со мной,
Скрипит вполголоса усталость,
Что в этой радости земной
Мне лишь раскаянье осталось.

В раздумье долгом жду зарю.
И, выключая свет горящий:
— Прости, но помни! — говорю
Вдогонку ночи уходящей.

* * *

Владимиру Жукову

Это память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы.
И мне снятся всю ночь на снегу снегири,
В белом инее красные птицы.

Белый полдень стоит над Вороньей горой,
Где оглохла зима от обстрела,
Где на рваную землю, на снег голубой
Снегириная стая слетела.

От переднего края раскаты гремят.
Похоронки доходят до тыла.
Под Вороньей горою погибших солдат
Снегириная стая накрыла.

Мне все снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета.

Я слышу, я вижу своими глазами
Гремящее небо без звезд.
Мы дружно слетались, мы вместе спасали
Горящее дерево гнезд.

Открытой душою и верностью брата
Мы были друг другу верны.
И место в строю занимали орлята,
Когда погибали орлы.

О том, что я помню, о том, что я знаю,
Сказать мое сердце велит:
Что каждая птица в родимую стаю
Всегда перед бурей летит.

НАД КНИГОЙ НЕКРАСОВА

Я знал, как в поле сталь гудела,
Как стыла красная трава,
И в дали дальние глядела
Россия, женщина, вдова.

И до меня из дали дальней
Летел по выжженным полям
Кабацкой песни стон скандальный
С кандалным звоном пополам.

И над провалами бывшего,
Всеяя в душу благодать,
Меня некрасовское слово
На ноги ставило опять.

И в дни лихие, в дни благие
В родной и чуждой стороне
России очи голубые
Всегда в глаза глядели мне.

За все платил я полной мерой,
Своей судьбой держал ответ
И проникался древней верой
В ее судьбу, в ее рассвет.

В простор ее равнины ровной,
Где пыль победы улеглась.
Где стала в самом деле кровной
Родной земли и песни связь.

ОПЯТЬ ТО УТРО ВСПОМИНАЯ

На цветущей сирени роса дождалась рассвета,
Наступал на земле самый тихий и ранний рассвет,
Не успела кукушка окликнуть зеленое лето —
Голубая Россия в кровавый окрасилась цвет.

И пошло. Закружилось. Потешились варвары вволю,
И огнем и железом вошли в материнские сны.
Чем же ты заслужила такую проклятую долю,
Кто же предал тебя на пороге цветущей весны?

Мы в огне на огонь поднимались единым веленьем,
Пахло порохом небо, и кровью дымилась трава.
Ты одна по ночам над солдатским моим поколеньем,
Словно мать, причитала и плакала, словно вдова.

Мне все некогда было взглянуть на тебя с расстоянья.
Объясниться в любви, подивиться твоею судьбой.
Утро светлой победы затмила тоска расставанья.
Бой с врагами окончился старою битвой с собой.

Вышли мирные звезды, а небо осталось тревожным,
Над твоей головою пронизана тьмой бирюза.
Я, твой сын, уцелевший случайно живой подорожник,
Загляделся сегодня в твои голубые глаза.

Ах, каких ты сынов после страшной страды
нарастила —
Благородных характером, статных, широких в кости!
Ах, какая в них страсть и мечты совершенная сила!
Дай им мудрость и смелость зеленую землю спасти.

* * *

Да, я солдат. Завидуй мне. Дивись,
Я принимаю всех обид упреки.
Мне плоть и душу вымотала жизнь,
Восторги века и его пороки.

В снега времен и мой впечатан след,
Мое плечо хранит тепло соседа.
Я знал войну: взлет разума и бред —
Все, чем жила и мучилась Победа.

Да, я солдат. Все шло через меня:
Остуда века и его отрада,
Сияние рассветного огня
И пепел водородного распада.

Предательство и чести правый суд,
Страсть поцелуя и мороз измены.
От стронция эпохи не спасут
Искусства бронированные стены.

Да, я солдат. Я возводил мосты.
Душа — в рубцах, и на руках — короста.
Возвышенные истины просты,
Да только их осуществлять непросто.

Я трубачом и плакальщицей был.
Меня несли бессилие и сила.
Я женщину без памяти любил, —
Она меня еще не позабыла.

Да, я солдат. Живущее любя,
На перекрестках памяти непрочной,
Как листья клен по осени, себя
Идущим дальше раздаю построчно.

В бреду ночей и в суতোлке дней
У мысли есть одна первопричина:
Чем выше — тем сложнее и трудней,
И все-таки да здравствует вершина!

Да, я солдат. И мой угрюмый страх
Живет во мне, как жизнь в подножном

прахе.

И песня леденеет на губах,
Как свет звезды на снежном Карабахе.

Пусть упаду седой горе на грудь,
Но солнце вспыхнет огненным раструбом,
И кто-то вновь продолжит этот путь,
Цепляясь за уступы ледорубом.

И НЕТ БЕЗЫМЯННЫХ СОЛДАТ

Гремят над землею раскаты,
Идет за раскатом раскат.
Лежат под землею солдаты,
И нет безымянных солдат.

Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За горькую землю свою.

В родимую землю зарыты,
Там самые храбрые спят.
Глаза их Победой закрыты,
Их подвиг прекрасен и свят.

Зарница вечерняя меркнет.
В казарме стоит тишина.
Солдат на вечерней поверке
В лицо узнает старшина,

У каждого личное имя,
Какое с рожденья дают.
Равнясь незримо с живыми,
Погибшие рядом встают.

Одна у нас в жизни присяга,
И Родина тоже одна.
Солдатского сердца отвага
И верность любви отдана.

Летят из далекого края,
Как ласточки, письма любви.
Ты вспомни меня, дорогая,
Ты имя мое назови.

Играют горнисты тревогу.
Тревогу горнисты трубят.
Уходят солдаты в дорогу,
И нет безымянных солдат.

НА НЕВСКОМ «ПЯТАЧКЕ»

Сто батарей гремело сдуру,
Слепой тротил крушил, крошил
Земли изодранную шкуру,
И мертвых снег запорошил.

Но нет забвенья, нет забвенья
Тому, кто в этом был аду,
И памяти подразделенья
Равняются на холоду.

Седые волны бьются в мыле,
Горит зари багровый кант.
И непреклонен, как Вергилий,
На переправе комендант.

Он видит смерть. Он жизнью мерит
Свою погибель без нытья.
Дойдет туда, на левый берег,
Лишь только пятая ладья.

А остальные без возврата —
В щепу снарядом — и ко дну.
И кровь до самого Кронштадта
Окрасит невскую волну.

При штурме храбрым доставались
Всегда крутые берега.
Природы зимняя усталость
Однообразна и строга.

На месте том, пустом донине,
Трава живая не растет.
С печальной вечностью полыни
Сухой качается осот.

Да жесткий снег, клубясь, струится,
Течет, шершав и синеват.
Мои глазницы — как бойницы,
И в этом я не виноват.

А тот блиндаж, где я сложил
 Стих о друзьях моих,
 Как будто некий старожил,
 От старости затих.

Вокруг него сухой бурьян
 Белее полотна
 Стоит — ни цвета, ни семян, —
 Лишь видимость одна.

Вдавился камнем в слой земной
 Блиндаж, обросший мхом.
 И тех, кто здесь дружил со мной,
 Не разбудить стихом.

Я тоже стар, колюч и сух,
 Как выцветший бурьян,
 И только мой упрямый дух
 Воспоминадем пьян.

МОЙ ПЕГАС

В заросшем окопе сухая хвоя,
 Осока пробилась сквозь гравий.
 Стояли мы насмерть за други своя
 На этой ночной переправе.

Огонь ликовал, и ворочался гром,
 И смертная стыла отуда.
 Пегас мой, Пегас с перебитым крылом,
 Наш путь начинался отсюда.

Разбитой рокадой, болотной тропой
 Сквозь ночь и рассвет синеватый.
 И то, что мы живы сегодня с тобой, —
 Мы в этом едва ль виноваты.

Развеяна ветром сухая хвоя.
 Окоп не видать из-под пыли.
 Стояли мы насмерть за други своя,
 Себя отстоять позабыли.

Рубцы на душе и на теле горят
От памяти и от почета,
И что там сегодня о нас говорят,
Не наша с тобою забота.

Что было, то было — я благодарю
Всей жизнью до смертного часа.
И рушится время. И рвутся в зарю
Горящие крылья Пегаса.

АРТИСТ

Памяти Александра Мазура

Когда на сцене юный Гамлет
Вопрос решает роковой,
Я вижу оползень, и камни,
И ход траншеи боковой.
Там впереди горит болото,
А сзади Колпино горит,
И беззаветная пехота
Не стонет и не говорит.
Пехоты нет. В резерве чисто,
Как под метлой, к исходу дня.
Судьба солдатского артиста
Одна на линии огня.
Садится солнце, словно фара,
В сплошном чаду. И наугад
Артиста с «тигром» сводит пара
Противотанковых гранат.
Идет расплата главной ролью,
Бедою рушится беда.
И поднимается над болью
Забвенья мертвая вода.
И зарастают мохом камни
У той траншеи боковой,
Пока на сцене новый Гамлет
Вопрос решает роковой.

В ТИШИНЕ

Нет, я еще не страусом живу,
И голову от гибели не прячу,

И верую во сне и паяву
В единственно возможную удачу.

Нет, я еще пытаюсь, как ручей,
Естественное сохранить реченье,
В песках пустынь запутанных речей
Исполненное ясного значенья.

Не прибегая к помощи треног
И к стеклам многократных окуляров,
Я вглядываюсь в черный дым тревог,
Грозящих жизни мировых пожаров.

Живут, как сестры, Песня и Судьба,
Присягою означенные чисто.
И прикипела на ветру труба
К изгибам губ оглохшего торписта.

! * * *

Своею кроной выше звезд
Шумит, ликуя, жизни древо.
А как оно в годину гнева
Тряслось в дыму горящих гнезд!

Огонь — в кровц, и кровь — в железе;
Менялось времени лицо.
Но и моей судьбы кольцо
У древа жизни есть на срезе.

НА СТАРОМ РУБЕЖЕ

Сосна к сосне, загаром
Покрытые уже,
Растут на этом старом,
На смертном рубеже.

Холмов отлогих скаты
От взрывов не дрожат.
Безусые солдаты
В песчанике лежат.

Не выбрав в жизни цели,
Они вступили в бой,

Но заслонить сумели
Живущее собой.

30 ИЮНЯ 1973 ГОДА

Памяти Сергея Ивановича Кабанова

Мой командир не отступал ни разу,
В искусстве боя понимая толк,
И, следуя разумному приказу,
Его солдаты выполняли долг.

А он, обеспокоенный покоем
Своей земли, ее судьбой храним,
Смежил глаза перед последним боем,
И Время отступило перед ним.

ПАМЯТИ ЕФИМА КОПЕЛЯНА

Он нас играл. И наши боли,
Согретые его огнем,
Всем перевоплощением роли
Как бы просвечивали в нем.

Он жил за нас под стать герою
Всей глубиной духовных сил
И нас самих своей игрою
И наши души возносил.

Был мир велик, подмости — узки.
Жизнь не вмещалась в стены сцен.
И он не вынес той нагрузки.
И в мире нет ему замен.

* * *

Я прожил жизнь не одиноко.
И капля моего труда —
В кипенье бурного потока,
А не в спокойствии пруда.

Соприкосновенье легких рук,
Легкая освобожденность тела.
Двух сердец согласный перестук
В грохоте бомбежки и обстрела.

Страсти беспощадная игра
На краю погибели и мрака.
...Будь хоть к этой памяти добра,
Времени безумная атака.

ПЕСНЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

...Глагол времен.
Г. Р. Державин

...Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
А. С. Пушкин

Глагол времен, мой гений, мой язык,
Скрещенье судеб и мужества народа,
Через тебя явила миру лик
Ответственности строгая свобода.
Ты — ручейком из глубины веков,
Ты — светом путеводным из тумана,
От сердца к сердцу — музыкой. Таков
Твой трудный путь к величью океана.

Люблю тебя всей жизнью, всей судьбой,
Всем, что прошло, и всем, что должно статься.
Ты воздух мысли и мечты. С тобой
Мне до скончанья мира не расстаться.
Ты для меня раскидывал мосты
И озарял окутанное тенью,
И, вопреки всему на свете, ты
Учил меня родству и уваженью.

Горжусь тобой! Прекрасен твой союз
Объединенья наций и наречий.
Ты на вершину поднял грозный груз
Единственной надежды человечей.
Костры твоей поэзии горят,
Земного братства приближая сроки,
Через тебя друг с другом говорят
Гармонии поэты и пророки,

Ты — тверд и гибок, нежен и силен,
Ты — соловей на ветке бересклета.
Ты — сталь и пепел, колокол и лен,
Загадка тьмы и откровенье света.
Из тьмы времен ты выбился на свет,
Сквозь стены отчужденья прорастая,
И обрела в твоей судьбе привет
И почву жизни истина простая.

Безмерен мир, и бесконечен путь.
И нет границ для разума и воли.
И в равноправье равных зреет суть
И ясный смысл твоей заглавной роли.
Продли в себе моей тревоги дни,
И эту песню выведи к распутью,
И суть моей души соедини
С твоей великой и бессмертной сутью.

* * *

Упрямо, без шатания,
Чтоб избежать крушения,
Чурайтесь подражания,
Держитесь продолжения.

И в жизни и в утопии
С начала до конца
К нулю низводят копии
Открытие творца.

АПРЕЛЬ

Он среди нас всегда. Мы сами
Движение его судьбы.
Глядим на мир его глазами,
Живем судьбой его борьбы.

Он среди нас всегда. Он с нами,
Приказ и Воля, Смысл и Страсть,
В том направлении, где знамя
Сквозь ветер рвется накрепко.

Он среди нас всегда. Он взглядом
Своей мечты в полете лет.
И мысль, как молния разрядом,
В веках прокладывает след.

Он среди нас всегда. Коренья
Дерев скрывает почвы тьма.
Через его души горенье
Сквозит гармония сама.

Он среди нас всегда. Он в смеше
Событий, судеб и времен.
Он, как волна морская в пене,
Судьбой движения силен.

* * *

Ищи всему свое начало
На глубине своей души,
И что сегодня отзвучало,
Забывать назавтра не спеши.

Без отчуждения и гнева
Переживи лихие дни
И для весеннего посева
Зерно и песню сохрани.

1969—1975

ВЕТРЕННОЕ УТРО

ИЗ ОКНА

Днем и ночью скрипит у меня на виду
Одинокая липа в январском саду.

Одинокая липа в морозном окне
Днем и ночью скрипит непонятное мне.

Днем и ночью железо скребет по стволу,
И качается тень у меня на полу.

Днем и ночью, всю зиму до самой весны,
Видит голая липа зеленые сны.

Почему я спокойно глядеть не могу
На скрипучую липу в январском снегу?!

ОТТЕПЕЛЬ

И. Исакович

Все перепутал календарь
Под новогодним хмелем.
Январь забыл, что он январь,
И сделался апрелем.

Дождь за ночь белый снег с полей
Согнал без проволоочки,
На ветках старых тополей
Зашевелились почки.

Но возвратились холода
Опять в конце недели,
И листья в почках навсегда
Уже заледенели.

Под рокотанье вешних гроз
Не зеленеть побегам.

И на душе моей мороз
Напополам со снегом.

Из плена вашего огня,
Из вашей вольной воли
Что б вам порадовать меня
Хоть оттепелью, что ли!

В НАЧАЛЕ МАРТА

Исчезает последняя створка
На пути сквозняков и простуд.
И сладчайшие слезы восторга,
Словно ландыши, в горле растут.

И ликуя, звенят в подъязычье,
И на звезды дробятся, звеня,
И в своем подвенечном обличье
Обступают, танцуя, меня.

Через зимнюю скуку герани,
Опрокинув небес пиалу,
Светотени граненые грани
Растеклись на паркетном полу.

И в мелькании малых пылинок
На поверхности всех плоскостей —
Неземных полюсов поединок,
Обоюдная схватка страстей.

ПЕСНЯ ДЛЯ СЕБЯ

Твои глаза моим навстречу
Глядят, печальны и остры,
Но в их глубинах искры мечут
Цыганской вольницы костры.

Ложатся тени, как ступени
До синих звезд тоски моей.
И в доцветающей сирени
Поет последний соловей.

Ночного неба купол светел,
Промыт вчерашнею бедой,
И воздух — как хрустальный пепел
От слез, оброненных звездой.

И вся земля в просторе этом
Видна за тридевять морей.
И зацветает горчицетом
Долина осени моей.

ПИСЬМО В МИХАЙЛОВСКОЕ

С. С. Гейченко

Мела зима, и лето пело,
Пестрела жизни кутерьма.
Наверное, влюбленность в дело
И есть поэзия сама.

И подвиг жизни ежечасный,
Поверх насмешек и зевот,
Вдруг, в некий миг, вершиной ясной
Встает из будничных забот.

Перемешав событий числа
В один-единственный успех,
Судьба, исполненная смысла,
Преображается для всех.

И в одинаковость пейзажа
Привносит личный колорит,
И даже времени поклажа
Надоедать не норовит.

И снег зимы и песня лета
Переосмыслены в тиши,
На них оставлена примета
Твоей возвышенной души.

И превращается соседство
В родство с поэзией родной,
Где в самом деле цель и средство
Есть суть гармонии одной.

Где удивительное — рядом,
Для всех открыто и равно,
Где мир, твоим обласкан взглядом,
В мои глаза глядит давно.

Где мы с тобой застынем снова
В лугах, молчание храня,
Услышав пушкинское слово
Под синим колоколом дня.

* * *

Всегда у жизни на пиру
Ищи родства, а не различья.
Весною в утреннем бору
Прекрасна песенка синичья.

Прекрасны сосны в полный рост,
Отрада для души и взора,
И шелест падающих звезд
В лесные полные озера.

Прекрасен мудрый путь зерна,
И солнца вечный свет прекрасен,
Прекрасна песня, что верна
Труду, который не напрасен.

Прекрасны: чистый купол дня,
Земля полдневная и воды,
Где всё и все — твоя родня,
Твоя ответственность свободы.

Прекрасен майский соловей,
Прекрасна тень его ракиты —
Весь мир, который ждет твоей
От самого тебя защиты!

* * *

Еще полночные светила
В короне неба не горят.
Еще возвышенная сила
Любви — не источает яд.

Еще я жду весны, как блага,
Как теплой влаги семена.
Еще всей белизной бумага
В двойную рифму влюблена.

Еще не замыкала круга
Тоски скептическая цепь,
Еще в крови — гуляет вьюга
И зацветает маком степь.

* * *

Бесстрастен древний свет с Востока,
Как на Казбеке белый снег,
Но ты, пророк, не без порока —
Ты тоже грешный человек.

Твоя судьба в твоём помине,
Как лодка, бьется о причал.
И жизнь от века и поныне
Справляет праздник двух начал.

И мода сводит песню с лада.
Невинность требует греха.
За все расплачиваться надо
Отменной горечью стиха.

ПОРОЙ МНЕ КАЖЕТСЯ

Душа моя — всего игрушка
Какой-то страсти неземной.
Глаголом вечности кукушка
Перекликается со мной.

И запах земляники, сладок,
Отстаивается в лесу.
И, как разгадку всех загадок,
Я тайну сам в себе несу.

* * *

Я видел с горной высоты
Разбег дорог к рассвету

И понимал, что пустоты
На белом свете нету.

Есть неизвестность до поры
Для сердца и для взгляда
За силуэтом той горы,
Куда подняться надо.

УТРОМ

Откос татарником зарос,
И легкий звон колышет лето,
Рожденный в завитках волос
Сережками из бересклета.

И этот звон живет во мне,
Как самой первой страсти нота,
А что ты делаешь вонне
Моей судьбы — твоя забота.

Ты для меня всегда как сон,
Который я в рассвет оправил,
Останься в музыке времен,
Как исключение из правил.

ПОЛДЕНЬ

Мне стрекоза садится на ладонь,
Как лайнер на бетон аэродрома.
И незабудок голубой огонь
Слепит глаза, как молния без грома.

Ликуя, пробирается ручей
Сквозь заросли и запах медуницы,
И остается тень его речей
На белом откровении страницы.

Я отвечаю голосу дрозда
Малиновки передзакатным свистом,
И лилия, как белая звезда,
Качается на отраженьи чистом.

Мне светит небо в прорези ветвей.
Всей верностью голубизны и сини
И тешит душу, открывая ей
Закон родства, как выход из пустыни.

Он бесконечен, мир земных чудес.
И я бессмертен вместе с ним, пока
Он, перевоплощаясь, не исчез
Со мною вместе в совершенстве чуда.

ПЕРЕД СЕНОКОСОМ

Уже июль. Цветет по сторонам
Проселочной дороги медуница.
Дождь вымыл лица древним валунам,
И молодеют каменные лица.

Без усталости тачают сапоги
Кузнечики, как швейные машинки.
И, вынырнув, ложатся на круги
Восторженности желтые кувшинки.

И времени наполненный поток,
Как легкий свет, проходит через тело.
И каждый вздох как радости глоток.
Все впереди! И жизни нет предела!

СЕНОКОС

Тиха река. В ночном тумане
Молчат седые берега.
На стертом времени кургане
Туманны свежее стога.

И за стогами тихо струны
Рокочут говором глухим,
Стоят в воде и в небе луны
И пахнут донником сухим.

И в ожидании рассвета
В той неподвижности ночной
Крадется осень через лето
В кустах смородины речной.

ЛАСТОЧКА ЧЕРЕЗ ЛА-МАНШ

В тот для меня непостижимый год,
В разгоряченном месяце июле,
Под липами, в пчелином ровном гуле,
Ваш легкий голос превратился в мед.

Никто моей печали не поймет,
Никто меня не сменит в карауле,
Где вы залетной иволгой мелькнули,
Откуда вы отправились в отлет.

И не вернулись. В сторону заката
Уходит время, убыстряя ход.
И прошлое обходится без льгот.

Что из того! Я вас любил когда-то.
Я вас люблю. Но только нет возврата
В тот для меня непостижимый год.

* * *

При каждом незаметном повороте
Сияющей на солнце головы.
Глаза у вас — как ласточки в полете
Над сонным удивлением травы.

И счастлив мир увидеть отраженье
Своей любви в их черной глубине.
И к горлу подступает отрешенье
От памяти, сопутствующей мне.

ВОСПОМИНАНИЕ

Вся жизнь раздарена. И вьюга
Кольцо свивает у крыльца.
Все отдаленней голос друга,
И не видать его лица.

Белым-бело. Белеет рама.
Белеет в раме тишина.
Душа моя, как Атакама,
Пустынна и обнажена.

Но где-то там, из дальней дали,
Через железные тиски
Веков, на кактусы печали
Сползают черные пески.

Позабывать не в нашей власти
Ту жизнь, которая была.
Наверное, в Антофагасте
Гудят мои колокола.

И снова кто-то ждет и верит
В святую правду и в обман.
Ревет и стонет, в дикий берег
Вгрызаясь, Тихий океан.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЗАВЕЩАНИЮ

Я говорю себе: из кожи
Не лезь, смири строптивый дух:
И на твою могилу тоже
Скотину выгонит пастух.

И ты у будущих столетий
Бессмертной славы не проси.
Ведь память, как на всей планете,
Недолговечна на Руси.

И симментальская корова
Сжует могильную траву,
И жизни вечная основа
Преобразится наяву.

Свершится таинство коровье,
Неразрешимое пока.
И кто-то выпьет на здоровье
Большую кружку молока.

И обретет свое значение,
И перевоплотится вновь
Мое высокое мученье:
Свобода, Песня и Любовь.

* * *

Мир открывается с начала,
Как с первой буквы букваря.
И легкий парус у причала
Еще не выбрал якоря..

Но там, в морях причин и следствий,
Где нет у ценностей цены,
Нам никуда уже не деться,
Мы вместе быть обречены.

Пока последняя остуда
Не обоснуется в крови.,
Благодари случайность чуда
И тайный миг благослови.

ЗАКЛАДКА В «САТИРИКОН» ПЕТРОНИЯ

Мы знаем, как распался Рим
От жира и одышки,
Но время не благодарим
За синяки и шишки.

Мы забываем, в свой черед,
И снова копим опыт.
А время, убыстряя ход,
Грядущее торопит.

И Гений, с будущим знаком,
Живущим на потребу,
Не расстаётся с чердаком —
Оттуда ближе к небу.

* * *

На самого себя обида
Мне одному себе видна.
Моей печали Атлантида
Всплывает медленно со дна:

Там жизнь моя вся, год за годом,
В скрещенье судеб и имен

Запрограммирована ходом
И неразрывностью времен.

И если есть на свете счастье,
И если в мире есть успех,
То я давно к нему причастен
Своей тревогой ради всех.

И через трезвое терпенье
Вступает в силу, в свой черед,
Необратимое уменьье
Смотреть сквозь прошлое вперед.

В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Из мрака атмосферы,
Из полночи парной
Шел плотный запах серы
И таял за кормой.

Краснея, словно рана,
Через седой туман,
Над бездной океана
Означился вулкан.

Под самый свод небесный,
Пылая горячо,
Он поднимал над бездной
Могучее плечо.

Налево и направо
С покатости плеча
Сползала в воду лава,
Шипя и клопоча.

Глубины оглоуша
Огнем своей беды,
Как Афродита — суша
Являлась из воды.

И сонное светило
Сквозь серные пары,
Светлея, восходило
На острие горы.

А под горою кротко
У кромки двух начал
Покачивалась лодка
И терлась о причал.

И человек с мотыгой
Над каменной золой
Склонялся, как над книгой,
Прекрасной головой.

Мне часто снятся блики
Рассвета сквозь туман
И путь через Великий,
Иль Тихий, океан.

И радует, и ранит,
И веселит глаза
У двух смертей на грани
Зеленая лоза.

В ОСЕННИХ ПОЛЯХ

Истомлена осенняя земля
Таинственной усталостью свободы.
Пустынные, притихшие поля
Как бы венчают замкнутость природы.

Судьба ее забот завершена
Вчерашним фейерверком листопада.
Глубокого раздумья тишина
Торжественна, и ей мешать не надо.

Она стоит, как глиняный кувшин
Прозрачного, густеющего меда.
И на душе, на дне ее тишин,
Такой же свет и то же время года.

Свою природа обнажает суть.
Познание не знает снисхожденья.
Жизнь продолжает бесконечный путь
Извечного родства преображенья.

Пшеница убрана, и скошен
Во славу праздника ячмень.
И подступает с новой ношей
В колючей изморози день.

И в эту изморозь, как в стену,
Уходят серые столбы,
И можно сдунуть с кружки цену
И заглянуть на дно судьбы.

СТАРИЧКИ

Пошли одни потери
В календаре теперь.
Все ощутимей двери
Последней из потерь.

И старая привычка
К старинному труду
Нас греет, словно спичка,
На древнем холоду.

И дымная остуда
От воспаленных глаз
Бежит, и вера в чудо
Поддерживает нас.

ТРИ ВЗДОХА О МАРСЕЛЕ

1

Уговор и приказ — вхолостую,
Все напрасно, грози не грози,
Разгребатели грязи бастуют,
И Марсельь утопает в грязи.

Запах тленья, назойлив и плотен,
Растворяя в себе креозот,
Из утробных глубин подворотен
На туманное утро ползет.

Ржа, рыжея, бежит по железу
Желобов на вчерашний уют.
Превосходно свою «Марсельезу»
Разгребатели грязи поют.

Песне тоже непросто, по росту
Встав над горем пропойц и кликуш,
Вековую корысти коросту
Соскребать с человеческих душ.

Поднимается песня в проказе
Родником неземной чистоты,
И глядят разгребатели грязи
На Марсель со своей высоты.

2

Над Землей каруселя,
Клубятся созвездий рои.
Проститутки Марсея —
Полночные звезды мои!

Вас сорвала с орбит
Превращений земных карусель.
Но Марсель не скорбит,
А смеется и плачет Марсель.

Ночь — жестка и жестока —
Упала на плиты ничком,
Ожиданье порока
Стучит о порог каблучком.

Но любовь из постели
Уходит, моли не моли.
Проститутки Марсея,
Печальные сестры мои!

Ревность — нож под ребро,
И не требует глотка глотка.
Умирает Рембо,
И судьба продается с лотка.

В перезвоне стаканов
Идет торжество рождества,

И слетает с платанов
Последнею стаей листва.

Без любви, без укора,
Всегда и во всем холодна,
Словно глаз сутенера,
Глядит в переулок луна.

Под надежную кровлю
Лениво спешат сторожа.
Наказанье любовью
Страшнее петли и ножа.

3

Не будет ни встреч, ни обманов
У старой судьбы на краю.
Последние листья с платанов
Летят через душу мою.

И нет ни тоски, ни боязни,
Спокойствием полнится взгляд,
Последний кончается праздник,
Последние листья летят.

Летят через память о лете,
Летят через тысячи лет,
Сквозь легкий туман на рассвете
Полетом погибших планет.

Веселье кончается скукой,
И время меняет наряд,
Над самой последней разлукой
Последние листья летят.

НА БУДУЩЕМ МЕЧТОЙ СОСРЕДОТОЧАСЬ

За окнами серой волною
Холодный осенний рассвет.
В давнишнем раздумье со мною
Мой друг через тысячи лет.
Его я не видел, не слышал
На празднике жизни земной.

Но он под небесною крышей
Всегда оставался со мной.
И что б я ни думал, ни делал
Средь ночи и ясного дня,
Откуда-то из-за предела
Он тихо глядел на меня.
Он не обнаруживал речи
И красным плащом не пестрел,
Он не диктовал, не перечил,
А просто мне в душу смотрел.
И в эти минуты рассвета
Над сумраком серых полей
Он рядом находится где-то
С рождением мысли моей.
И легкими знаками разных
Каких-то случайных примет
Зовет меня в гости на праздник
В свой день через тысячи лет.
Всегда, в суете и в покое,
Любезном душе и уму,
Мне хочется что-то такое
Особое сделать ему.

СТАРЫЕ РИФМЫ

Улетела иволга за море,
Тишина в березовом лесу.
Пустоты незаполнимой горе
Как-нибудь сквозь зиму пронесу.

Растяну на стужу и на заметь
Теплоту осеннего огня,
Чтобы где-то возле сердца память
Песни зимовала у меня.

* * *

Как чист Эльбрус в ночи январской
В двойной короне вырезной
Своей осанистостью царской
И неземною белизной.

Там, меж вершин в ложбине белой,
Моей судьбы затерян след.
Там я, от счастья оробелый,
Встречал единожды рассвет.

И пел и плакал от смятенья,
Как первый гений и дикарь,
Открывший в первый день творенья
Свой бесконечный календарь.

И вот опять высокой грудью
Он закрывает смертный путь.
И я тянусь к его безлюдью
И грудью падаю на грудь.

* * *

Пусть неизвестность впереди,
Пусть мрак забвенья — сзади,
Но миг раздумья пригвозди
Гвоздями рифм к тетради.

* * *

Солнце закатилось, словно разум,
За черту горбатого хребта.
И в долину опустилось разом.
И — обосновалась темнота.

Но, как счастья завтрашнего милость,
Поднимаясь медленно со дна,
В непроглядном небе засветилась
Маленькая звездочка одна.

* * *

Там, в долине, и рельсы и рейсы,
Там — заученный жизни маршрут.
Здесь, на грани снегов, — эдельвейсы,
Как усталые звезды, цветут.

Их нездешнюю прелесть воочью
Освежает земная роса.
Здесь они отдыхают, а ночью
Улетают в свои небеса.

* * *

Под корень скошена отава.
Другой не вырастет травы.
Осенняя, седая слава
Коснулась тихо головы.

Зазимок первый щеки колет,
Былинка стынет на меже.
И чисто, как в пустынном поле,
В освободившейся душе.

Но как ушедшему в подарок
В том еще замкнутом кругу —
Куст красных роз, нелеп и ярк,
Кричит о гибели в снегу.

* * *

Б. Шмидту

А нынче — голая зима,
Как рифма без стихотворенья.
Хоть плачь или сходи с ума,
Но снега нет — и нет забвенья.

Прошедшее обнажено
В душе, как на рельефном снимке.
И перевеяно пшено
Воспоминаний по крупинке.

Какую кашу заварит
Жизнь беспощадная на завтра?
Что из восторгов и обид
Сплетет поэт — ее соавтор?

Ведь могут ижица и ять
Опять с грядущим днем лукавить?
Но ничего нельзя изъять,
И ничего нельзя исправить.

* * *

Бумеранги Равеля срывались со сцены,
Где роаль полыхал, словно черный пожар.

И сходились, как скалы, высокие стены.
И опять их отхлестывал новый удар.

Перед этим напором неистовой веры,
Перед ритмами этой вселенской игры
Океаны кипели, трещали барьеры
И в пустыни забвенья летели миры.

Наважденье росло. И к фаланге фаланга
Наступала, и грохот обрушивал гром.
Хиросима горела, и след бумеранга
У Земли под четвертым остался ребром.

* * *

Там, в нашем августе, созрели
Хлеба в полях, и звонкий зной
Густую зелень акварели
Просвечивает желтизной.

Там за науку страсти лето
Наград не требует взамен.
Там все продумано и прогрето
И каждый миг благословен.

Там на лугу пасутся кони
И шмель в татарнике жужжит.
Там грудь твоя в моей ладони,
Как вся вселенная, лежит.

* * *

На океан идет Сахара.
Неон подсвечивает мглу.
Под фламбоянами Дакара —
Две проститутки на углу.

Одна черна, как грех. Другая —
Белей прощения греха.
Цена страстей недорогая,
Жара несносна. Ночь — тиха.

Над городом, над мглою жгучей
Сиянья серого венец.

Под утро, может, добрый случай
Им улыбнется наконец.

И черный белую подцепит,
А белый — черную возьмет,
И только листьев легкий трепет
На пальмах веером вразмет.

И все! Ни вдоха, ни трагедий.
Пустыня. Тропики. Тоска.
Рассвет, откованный из меди,
Гремит, как выстрел, у виска.

* * *

Плыл самолет в небесной сини.
Плыл через миллионы лет.
Чертеж реки в песках пустыни
Лежал, как дерева скелет.

Река ушла, но след остался.
Через него наискосок
Песчаный дым пустыней стлался
И темный двигался песок.

Самой Земли нагое тело
Текло, как море в знойный штиль,
И на моих зубах хрустела
Доисторическая пыль.

Она века томилась жаждой —
И уползала от жары,
И там — внутри пылинки каждой —
Клубились малые миры.

Как бы антеннами радара,
Средь них по зову естества
Впотьмах души моей Сахара
Искала древнего родства.

* * *

Летят с Атлантики муссоны,
Сахара пышет, словно печь.

Там баобабы, как самсоны,
Стоят, не опуская плеч.

Железные — обхватов в десять,
А может, в двадцать — каждый ствол.
Их не спалить и не повесить
И не обречь на произвол.

Упорные буравят корни
Сухую плоть земной коры.
И кто кого хранит и кормит —
Не разберешься до поры.

Мир добрым мужеством украшен.
И лишь отныне и вовек
Бесплодна ненависть, и страшен
В ее пустыне человек.

* * *

Как быстро кончилось вipo
И новогоднее веселье;
Через холодное окно
Глядит туманное похмелье.

Но ведь блистали на балу
Вдвоем Поэзия и Проза,
И прорастала на полу
Тобой оброненная роза.

И ворох старых новостей
Под снегом стынет без призора.
И век железных скоростей
С тоской страстей не кончил спора.

Смолкает музыка в ночи
Под завывание метели, —
Но вместе с веком две свечи
Пока еще не догорели.

* * *

Ах, этот взгляд! Ах, этот праздник
Благословенного огня!

Он иногда и нынче дразнит,
Как в давней юности, меня.

Дразни, блистай, души посредник,
В вечернем сумраке страстей
И ослепи меня в последнем
Восторге гибели моей.

НА ОЧЕНЬ ДАЛЬНОМ БЕРЕГУ

Волна, звеня колечками,
По камушкам поет.
И девочка над речкою
По бережку идет.

Идет, проходит павою
По берегу реки
И рвет рукою правую
Ромашки лепестки.

Плывет в траве до пояса,
Гадает про меня.
И тают оба полюса
От нашего огня.

По капле время точится
И просветляет нас.
И мне до смерти хочется
К той девочке сейчас.

Взглянуть бы в очи-проруби,
Поймать бы синий взгляд...
Да не летают голуби
На сорок лет назад.

ПРИСНИВШИЕСЯ СТИХИ

Над озимью, над серой глиной пашен
Осинник оголился и продрог.
День на исходе. Две печали наши
Сошлись на перекрестке двух дорог.

Губ твоих малиновых жар
Растаял в моих губах.

И через души прошли века,
А может быть, только миг.
Потом в океан унесла река
Твой просветленный лик.

Неведомо мне, на какой волне
Время оборвалось,
Но все еще снится моей седине
Ветер твоих волос.

* * *

Зачем негодую и спорю,
Сегодня о прошлом моля?
Нужна ли осеннему морю
Старинная память моя?

Наверно, у каждого участь
Своя на земле и воде.
И незачем маяться, мучась
О той миновавшей беде.

Рожденной в самом непокое
Высокой осенней волне
Мережится что-то такое,
Еще неизвестное мне.

Нацелена буря на сушу,
И молнии точат мечи.
Запри свою память и душу
И выброси в море ключи.

ОЧЕНЬ СТАРАЯ ПЕСНЯ

А. Ч.

Мне обещали твои соловьи
Парус надежды и каплю любви.

Парус надежды порвало грозой.
Капля любви обернулась слезой.

В пену врезается нос корабля.
Звезд не видать, и далеко земля.

Но над последней волною моей
Песнею тешится твой соловей.

* * *

Тебе все мало, мало.
Ты спятила с ума.
Ты у себя украла
Саму себя сама.

От океанской пены
Осталась только соль.
И крепостные стены
Освободила боль.

Поет полночный петел.
И я за ним пою.
И сыплет время пепел
На голову мою.

Косишь черный, землю роя,
Мотает головой.
И остается Троя
На этот раз живой.

* * *

И красота твоя порочна,
Как сам кошмар.
И пред тобою все, что прочно,
Трещит по швам.

Расшатываются устои,
И лгут уста.
И все доступное — пустое.
И жизнь пуста!

И некуда душе причалить
В полете лет.
Нет утоления печали,
И счастья нет.

* * *

Одних сгубило злато.
Других сгубил елей.
Но ты не виновата
В гибели моей.

Я сам оставил сушу
И вышел в океан,
Чтобы наполнить душу
Судьбою дальних стран.

Но встала из тумана,
Сама собой горда,
Хребтом Левиафана
Курильская гряда.

Раздвинула плотину
Пространства, и — свою
Я вдруг увидел спину
У бездны на краю.

Над громом океана
Светлел седой туман.
И я шагнул с вулкана
В горящий океан.

* * *

Тот день живет во мне, как окрик
Воспоминанья о беде,
Слепит глаза и снегом мокрым
В промозглой плавится воде.

Переворачивает душу,
Тревогой серой полоня;
Там всей бездонностью наружу
Глядит в Фонтанке полынья.

А в полынье, в наплыве мрака,
В воде густеющей, как мед,
Живая плавает собака,
Стараясь выбраться на лед.

Когда и как она попала
В безвыходную западню, —
Не знаю. В городе немало,
Наверно, гибнет их на дню.

И этой — одолеть течение,
Как видно, больше силы нет.
И глаз нездешнее свеченье
Хватается за серый свет.

И прежде чем уйти под воду,
Последний взгляд, как смертный грех,
Как бы за всю свою породу
О чем-то сразу просит всех.

И происходит в жизни вычет.
И исчезает жизни след.
Молчит толпа. Мальчишка хнычет.
Клубится снег. Тускнеет свет.

И все расходятся по делу.
И я неведомо куда.
И липким холодом по телу
Сквозит преступная вода.

И жизнь под знаком Зодиака
Спешит в мельканье разных дней.
А та ничейная собака
Все тонет в памяти моей.

* * *

И так и сяк верстая фразу,
По мере опыта и сил,
Я у судьбы своей ни разу
Благополучья не просил.

Я знал, что надо полновесно
За все платить своей судьбой,
Чтобы определяла песня
День наступающий собой.

ФОРЕЛЬ ИГРАЕТ В ЛУННОМ СВЕТЕ

В ущелье Верхнего Чегема
Глядит луна, и перед ней
Жилга, цыганкой из гарема,
Бежит, танцуя меж камней.

То падает, то замирает,
То в камень брызгами пылит.
Смотри! Форель в Жилге играет
И в лунном воздухе парит.

Над валуном мелькает стая,
Законам рыбьим вопреки,
Червонным золотом блистая,
Меж звезд струятся плавники.

Как из доверия в измену,
Как из бессмысленности в цель,
Форель летит из пены в пену,
Играет горная форель.

Прислушайся. На всей планете
Замедлен времени полет.
Форель играет в лунном свете,
И вся вселенная поет.

* * *

Как совершенство неба и земли
Весенние танцуют журавли.

Блистательный балет среди болот.
Гармонии и грации полет.

Изящества и пластики турнир,
Живого чуда несравненный мир.

Тот, кто увидеть это чудо мог,
Уже не просто человек, а бог,

Случайно в руки получивший нить
Умения гармонию хранить.

ТЕБЕ НА ЗАВТРА

Когда-нибудь и ты меня поймешь,
Перед своею совестью в ответе.
И с опозданием истина сквозь ложь
Перед тобою встанет в ясном свете.

Но к моему тревожному огню
Ты не спешишь в холодный час заката.
И я тебя за это не виню:
Я сам безбожно опоздал когда-то.

Твою судьбу угадывая, сам
Твоей судьбе печалью не перечу
И призываю новым парусам
В открытом море ураган навстречу.

И в старый след ложится новый след,
И медленно смываются границы.
И счастлив я, что вижу звездный свет
В пустую ночь через твои ресницы.

1971—1975

СЕДОЕ СЕРДЦЕ

СОНЕТ С БАРВИНКАМИ

М. П. Рит

Скитальцам — позабытые дороги
И паруса удач на кораблях.
А для тебя пусть все цветы земли
В пчелином гуде — радугой под ногами.

Иди по ним и трепетом тревоги,
Моей печали и судьбы вдали,
Печаль моих раздумий утоли
У собственной печали на морюге.

Межой меж нами времени река,
И дальняя дорога далека,
И на суглинке ни одной тропинки.

Клубятся дождевые облака,
И осторожно легкая рука
Подносит к сердцу синие барвинки.

* * *

О, этот грозовой разряд
Через смычок в руке!
Трава и звезды говорят
На этом языке.

И следом волны вольных воль
Полетом легких птиц
Летят, снимая стыд и боль
Придуманых границ.

И возникает некий мост
Над пропастью разлук,
И раскрывается до звезд,
Родства старинный круг.

И, потеряв земной приют,
Подальше от свинца
Земные лебеди плывут
К созвездию Стрельца.

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Перетряхнешь, объехав свет,
Воспоминаний ворох ты,
Но ничего на свете нет
Милее речки Молохты.

Среди осок и щавеля
Дивлюсь на это диво я,
Бормочет, дудки шевеля,
Ее струя игривая.

Скользит, как тень из-под крыла,
Из мха болота древнего.
На берегу ее была
Моя деревня Клевнево.

Там мама к дому через луг
Кривой тропинкой с бережка
Плыла, раскинув крылья рук
По коромыслу бережно.

Стройна, красива и добра,
Как новый день с обновой.
И я из полного ведра
Пил воду родниковую.

Мой век — непрост и путь — немал.
И, на судьбу не сетуя,
Я пел, любил и воевал,
И странствовал по свету я.

В осуществлении затей
Понасмотрелся всякого.
Скупа надежда у людей
И горе — одинаково.

Разведены материки
Морщинами по темени.

И есть судьба моей реки
В реке судеб и времени.

И снится мне родной очаг,
Как жажда жизни сущая,
И с коромыслом на плечах
Мать, от реки идущая.

ВЯЗОВСКОЕ

Порой тоска житейской прозы
Нас держит крепче якорей.
...Грустит сирень. Пасутся козы
Над прахом матери моей.

Могила стоптана. Ограда
Растащена по кирпичу.
Что мне на этом месте надо?
Чего ищу? Чего хочу?

Я — здесь! Но я уже нездешний.
Здесь все забыло про меня,
Пока я шел сквозь ад крошечный
Двух войн, блокады и огня.

Пока среди сестер и братьев
В кровавом месиве дорог
Я душу матери растратил
И эту память не сберег.

Я выйду в рожь. В родное поле.
В седое, как мои виски.
И, рухнув, выплачу на воле
Всю горечь страха и тоски.

И, может быть, из сердца прынут
Слова, как птицы из силка,
И мне в глаза мои заглянут
Два материнских василька.

ПОД ВЕЧЕР

На берегу моей реки
У самого истока,

Как туча на одной ноге,
Сосна стояла в детстве.
И я любил играть весной
В ее тени прохладной.
И забирался на ее
Косматую вершину,
И видел лес со всех сторон,
Идущий на деревню,
И убегающую вдаль
Старинную дорогу.
Я не остался. Я ушел.
Один по той дороге,
Как все уходит от себя,
Чтобы к себе вернуться.
Я шел к закату от моей
Сосны, шумящей в небе.
И к ней обратно подхожу
Со стороны рассвета.
Со мной судьба моих надежд
И разочарований
И сердце, верное корням
Людской любви и песни.
Ну что ж! Звени, моя река,
Своей струею чистой,
Седое сердце освежи
И дай мне счастье верить,
На этом старом берегу,
Под старую сосною,
Что долгий путь моих страстей
Был не напрасен...

* * *

Я подтверждаю песней спетой,
Допив вечернее вино,
Что ничему из жизни этой
Уйти уже не суждено.

Сначала в рост идет пшеница,
Чтоб вызреть в колосе зерном.
И все, что было, повторится
На этом празднике земном.

Был праздник — весел. Труд — упорен.
Друзей — прекрасны имена.
И горсти две отборных зерен
Оставлены на семена.

Живи, причастный к вечным требам,
Дивись, как этот мир хорош.
Рифмуй пока «под небом» с «хлебом» —
Точнее рифмы не найдешь.

А в день весеннего посева
Душа, своей судьбе верна,
Без сожаления и гнева
Замкнет великий путь зерна.

* * *

Укачивала душу скука
Под цокот кованых подков.
И вот душа быстрее звука
Летит над пропастью веков.

Спиралью забираясь выше,
Где суперскорость время жжет,
Она уже себя не слышит,
Не видит и не бережет.

Ее глобальная забота
О старой песне не скорбит.
И нет обратно поворота
С ее разомкнутых орбит.

УТРО

Чуть брезжило. На плоскости стекла
В седом тумане розовели дали.
Я уходил. Как ты была светла
В непостижимом таинстве печали.

Ты как бы всматривалась сквозь меля
В одной тебе понятное виденье.
Молчала птица будущего дня,
Еще не залетев в стихотворенье.

Из глаз твоих исчезла ночи тень,
И для двоих пространства стало мало.
Я уходил. И начинался день.
И все во всем цвело и ликovalo.

Светлели облака, как острова,
Над полем чередою постепенной.
И, как в лугах весенняя трава,
Во мне всходила музыка вселенной.

* * *

Нет палестинцу в Палестине
Глотка воды и шалаша.
Своим путем к своей пустыне
Приходит каждая душа.

У времени на повороте
В тревоге завтрашнего дня,
В его надежде и заботе
Седает сердце у меня.

И лет полет и гулкий топот
Толпы на площади времен,
Как незакончившийся опыт
Познания, к ясности скренен.

В его велениях железных
Не видно четкого лица,
А только бездна бездн, и в безднах
Восторг и гибель без конца.

* * *

Вы хоть словом меня утешьте
За границей ночного сна.
Стонут горлинки в Будапеште,
По Дунаю идет весна.

Вишней, яблоней, абрикосом
В глубине голубой воды
По зеленым его откосам
Расцветают его сады.

Над прозрачным его движеньем
Лебединые облака
Вашей радости отраженьем
Наплывают издалека.

И, мне кажется, — словно чаши,
Над печалью былых времен
Тихо стукнулись души наши,
Золотой рассыпая звон.

ПЕСНЯ ЖИВОЙ ГЛИНЕ

У Маргит Ковач в мастерской,
Не ведая предела,
Единоборствуя с тоской,
Живая глина пела.

Сама хозяйка, вне систем
Порядка и рутины,
Одна искала радость всем
В душе и теле глины.

Загадкой страсти непростой
И совершенства гранью
Являла мысли четкий строй,
Сочувствуя страданью.

И горький опыт шел в раскрой,
И жизнь рождалась в прахе
Игрой самой судьбы с игрой
Погибели на плахе.

И проявлялся Будапешт,
Как будущего книга,
Преображением надежд
Достоинная обжига.

ПИСЬМО ГЕВОРКУ СТЕПАНОВИЧУ И ДИАНЕ НЕСТЕРОВНЕ ГРИГОРЯНАМ В ГОРОД ЕРЕВАН

Наедине в досужий час
Я вашим светом душу грею,

Переполняющим и вас
Самих, и вашу галерею.

Где вы пришедшему извне
Так просто и без подоплеки
В прекрасный день открыли мне
Искусства вашего истоки.

Осуществление затей,
Пока еще прикрытых тенью.
Ваш дерзкий мост из наших дней
К классическому Возрожденью.

Мне не забыть теперь уже
У гениальности на грани
Грозу в есенинской душе
И скорбь во взгляде Пиромани.

Клубок печалей и тревог
Из темного иконостаса,
Срывающийся за порог
Безумным криком Комитаса.

Эпохи трепетный отстой,
Запечатленный без изъяна
В улыбке страсти непростой
Расстрелянного Шаумяна.

Ваш подвиг ясен и велик,
Как откровенье человека,
Отображающего лик
Судьбы Армении и века.

И в час спокойного труда,
И в миг случайного досуга
Я вам желаю, как всегда,
Уметь для всех беречь друг друга.

Б. Б. ПИОТРОВСКОМУ

Янтарная осень играет палитрой Галенца.
В кольцо замыкается гор голубой караван.

Высокое небо беспечней улыбки младенца.
Дорога, как вечность, ползет из Гарни в Ереван.

Здесь в желтый песок перемолоты времени
кости.
Здесь кровь каменела. Ложились межа на межу.
Здесь варвары шли. Проходили столетья и гости.
И я по костям перетертых столетий хожу.

Иду, спотыкаясь о выступы крика и боли.
Заросших развалин времен неотступной грозы.
Иду, удивляясь дороге познания и воли,
Бессмертию песни, упорству зерна и лозы.

Здесь память земли, от людского страдания
немея,
Мне память мою откровеньем веков берedit.
А небо прозрачно, и солнце времен Птолемея
На душу мою из грядущего века глядит.

* * *

Жизнь тасует события и сроки,
И я сам для себя примечал
В этом дико летящем потоке
Бесконечность конечных начал.

В мозаичности калейдоскопа
Катастроф, у веков под ключом,
Вариант повторенья потопа
Для грядущего не исключен.

Но спасением духа от краха
Нарождается медленно в нас
В вулканическом вареве страха
Человеческой воли алмаз.

ПЕСНЯ ГОРОДУ АДЕНУ

Ю. Л. К.

Был мне гостеприимством даден
На восемь суток город Аден,

А я тогда был очень жадел
И все забрал, что видел там,
И вот теперь уже не сброшу
Его забот живую ношу
И никому не передам.

На колыбель веков похоже
Вулкана каменное ложе,
И на его гранитной коже
Застывших намертво лавин
Из камня, глины и тумана
На побережье океана
Он вырос, словно бедуин.

Он был слугой чужого блага,
Чужой судьбы, чужого флага,
Но зрели смелость и отвага
В его прожаренной душе.
Он стал хозяином и богом
И призадумался о многом
И много делает уже.

Его свободной воли дети
Во имя радости на свете
Уже у будущего в смете
Живут надеждой и трудом.
Им хлеб с учебниками даден
И даден дивный город Аден
На склоне кратера крутом.

СТИХИ НАД ПУСТЫНЕЙ

Красное море синело вверху
Бездонного неба провалом.
Горы толпились, как тучи, грозу
Грозившие сделать шквалом.

В мире голого, не вполне
Приемлемого обмана
Тянулись волны песков к волне
Застывшего океана,

Путем миража за живой водой
На половине дороги,

Как мысли мои своей чередой
Прозрения и тревоги.

Земля смотрела в мое лицо,
Звучала в душе повестью
И замыкала меня в кольцо
Родства корневой системой.

Мир сыпучих песков и льдин,
Одною судьбою мечен,
Был в разграниченности един
И в противоречье вечен.

Я понимал его непокой,
Надежды его и кошмары,
Через стекло ощущая щекой
Щеку воспаленной Сахары.

* * *

Н. С. Тихонову

Я сегодня, подвластный раздумий тревожному мигу,
Отложил от себя отрешенной премудрости хлеб.
И раскрыл осторожно прощанья последнюю книгу,
Беспощадную книгу уже отгоревших судеб.

И остался один. Неотъемлемой тихою тенью
За плечами печаль опустила седые крыла.
А крутая вершина, сияя, звала к восхождению.
Что там, вольная воля иль черная пропасть была?

Я не знал и не знаю. Но нет мне обратно возврата.
И прощания книга ложится в фундамент времен.
Из осколков и щебня Победа, легка и крылата,
Возрождается снова — и к звездам полет устремлен.

ПАМЯТИ МИХАИЛА ЛУКОНИНА

Прощайте! Уходим с порога,
Над старой судьбой не вольны.
Кончается наша дорога —
Дорога пришедших с войны.

Прощайте! Со временем вместе
Накатом последней волны
Уходим дорогою чести,
Дорогой пришедших с войны.

Уходим... Над хлебом насущным —
Великой Победы венец.
Идем, салютуя живущим
Разрывами наших сердец.

* * *

Все отошло и отзвучало.
И на душе покой и тишь...

А ты как всех начал начало
В середине августа стоишь
У той плотины, где потоком
Чуть-чуть колыхается трава.
Но память словно ненароком
Опять толкает жернова.
И вот оттуда, через годы
Вся жизнь, накатом, как волна!

...И легким призраком свободы
Душа утешится, вольна.

* * *

Прошедших лет смыкается кольцо.
На перекрестке запекает вьюга.
Но светит мне одно твое лицо
Там, в середине жизненного круга.

Так за Полярным кругом иногда
На горизонте ветреном и рваном
Горит одна Полярная звезда
Над мертвым Ледовитым океаном.

* * *

Ах, как рифмует лето
Искусною рукой
Румяного ранета
Щеку с твоей щекой.

Как, движимое кодом
Особого труда,
Спешит по переходам
От корня до плода.

И связывает звенья
И закрепляет суть.
А путь преображенья
Уходит в Млечный Путь.

* * *

В. Кочупалову

Душа загадке в унисон
Звучит над пропастью озерной.
А что такое Палех? — Сон
О невозможности узорной.

Восторга светлого испуг,
Как знак души, подвластный знаку,
Который вывел добрый друг
Огнем по аспидному лаку.

* * *

Клубок страстей,
Его живую нить
Коробкой скоростей
Не заменить.

От скоростной напасти
Береги
Любви и страсти
Вечные круги.

Отмерь семь раз,
Единожды отрежь.
Наш мир для нас
Пока и чист и свеж.

Нежнейшей жизни дерево
До звезд
Еще стремится уверенно
Свой рост.

Над страхом отчуждений
И разрух
Всеобщий гений
Закаляет дух.

* * *

Всей непривычной собранностью тела,
Высокого достоинства полна,
Беременная женщина сидела
У светлого больничного окна,

Закрыв глаза и улыбаясь свету
В блаженном сне неведенья судьбы.
Наклонные, через стекло к паркету
Струились солнца легкие столбы.

В пустынном мире растворялась милость,
Он обретал значенье и покой.
И синевою мартовской дымилось
Заснеженное поле за рекой.

* * *

Вселенной музыка нагая
На стеклах стынет, но мороз,
С себя ответственность слагая,
О ней не думает всерьез.

Растают грани лунных лунок,
И лес, и лось, и лист, и знак, —
Самой случайности рисунок
Иль непонятной мысли знак?

Все это кажется порою
Загадкой тайной до поры,
Игрой игры с другой игрою, —
Но нет бессмысленной игры.

А есть лицо стекла, и лица
Людей, и улица сама,
И эта зыбкая граница
Непостижимости ума.

НОЧЬ В АВГУСТЕ

Мерцают яблоки в ночи
Из-за ограды
Жемчужным отсветом свечи
Или лампы.

В перемещении лампад,
Свечей и пятен,
Как Млечный Путь, полночный сад
Невероятен.

Он как бы поднимает тост
Во славу лета
На празднике плодов и звезд,
Росы и света.

Где, отраженная в реке
Любви и гнева,
К Адаму с яблоком в руке
Подходит Ева.

В ИЗГОЛОВЬЕ ДРУГА

Я. С.

Что испытал он? — Дрожь по коже!
Как цел остался? — Не пойму!
Когда узнаешь — скажешь: — Боже,
За что же столько одному?

Его четырежды Иуда
Каяфе¹ выдал за гроши.
А он искал земного чуда
Любви в окрестностях души.

---

¹ К а я ф а — первосвященник в Иерусалиме около 18—36 гг.

И вслед за ней дорогой звездной
Ушел в неведомую даль.
И сожалеть об этом поздно...
Кому нужна моя печаль?..

* * *

Порой мне кажется, что я
Через твоей судьбы ресницы
Читаю в книге бытия
Иного времени страницы.

И, твой прослеживая след,
Ловлю своей судьбы истоки.
И двух судеб единый свет
Смещает времена и сроки.

НАДПИСЬ НА РУКОПИСИ

Нельзя дышать одним стихом
И заниматься голой школой.
Седлай Пегаса — и верхом,
Подогревая скорость шпорой,
Лети! Дорога далека,
И книга жизни не открыта —
Или звездой за облака,
Иль мелкой пылью под копыта!

* * *

П. Г. Антокольскому

Все было взято с бою.
И по календарю
Я всей своей судьбою
Ваш путь благодарю.

Мосты и переправы
В железе и огне,
Где отсвет Вашей славы
Светил и светит мне.

ЛЕН ЦВЕТЕТ

Земли полуденное тело
Пронизывает легкий зной.
Гряды холмов заголубела
Небесною голубизной.

Поля, луга, кусты, овраги,
Лесов березовые сны
И зеркала тишайшей влаги
Полны живой голубизны.

Промыта ливнем и прогрета,
Грозой и громом грезит даль.
Незримый жаворонок где-то
Звенит, как голубой хрусталь.

И звонкой радостью колышет
Над полем полог навесной.
А в поле лен цветет. И дышит
Весь мир его голубизной.

* * *

Певучей музыкой сонета,
Строкой от первого лица
Я говорю, что нет конца
Любви и песне нет запрета.

Есть время и судьба поэта
И преданные им сердца
Влюбленного и храбреца
На перекрестке тьмы и света.

Есть трезвый опыт прошлых лет —
Безумствам будущим основа.
И четкая строка готова

Замкнуть классический сонет,
Которым присягнул поэт
Святой естественности слова.

·1976

ДЕРЕВО ДЛЯ АИСТА

УТРЕННИЙ СОНЕТ

Сто тысяч крупных августовских звезд
Горят в росинке каждой на осоке,
И в тишине, не думая о сроке,
В лугах отава набирает рост.

Мир ночи — сложен, мир души — непрост,
Струя к струе текут в одном потоке,
И новый день, зарея на востоке,
Над ними перекидывает мост.

Рассвет струится, как загар по коже,
По желтизне окошенных борозд.
И квохчет, перепархивая, дрозд

В осиннике. И все кругом похоже
На музыку. В твоих ресницах тоже
Горят сто тысяч августовских звезд.

* * *

Пред тем как уподобиться струне,
Поэзия под струями косыми
В осенний день ходила по стерне
Людского счастья ножками босыми.

И вот, у жизни откупая роль,
Своей судьбы растратчица скупая
Заводит речь, на собственную боль
Стопою окровавленной ступая.

* * *

Что поделаю?.. Все чаще
Голос Ваш и Вапа стать
Не дают моей пропашей
Голове спокойно спать.

Но с колонны гордой выи
Что-то Ваша голова
Не глядит в мои живые
Обнаженные слова.

* * *

В глазах темно,
И сердце как кистень.
Но все равно
Светлеет новый день.

Но день в окне
Рассеивает тьму.
И все во мне
Подчинено ему.

И синь и высь
Текут через стекло.
Душа, трудись,
Пока в окне светло!

И, наклоня
К звенящему лучу,
В сиянье дня
Внеси свою свечу!

* * *

Как бы на волнах музыки журчащей,
От страсти человеческой вдали,
Мои друзья-товарищи все чаще
В последний рейс уводят корабли.

И новый день рассеивает тучи,
И затихает реактивный гром,
И зарастает донником пахучим
Надежды и Любви ракетодром.

Придет пора, и мой корабль отчалит
От пристани, и землю скроет мгла,
Где жизнь моя на празднике печали,
Быть может, не напрасною была.

Дай мне, земля, у той последней двери,
Своей судьбы заканчивая путь,
Возможность в невозможное поверить,
Что я к тебе вернусь когда-нибудь.

СТИХИ ПЕРЕД ТАТАРНИКОМ

А. А. Мыльникову

Мне старый друг привез из-под Гранады
Сухой цветок татарника, как память
О Федерико Лорке. О поэте,
Убитом темной ночью палачами
И тайно захороненном, да так,
Что и сама Испания не знает,
В своей тоске о светлой песне, где
Лежит ее расстрелянная нежность.

Вот я держу колючее растение
В руке, как память о нежнейшей песне,
Как совести и горькой правды знак.
Я думаю: и я прошел солдатом
Сквозь две войны по оскверненной смертью
И ненавистью, страждущей земле.
Я вспоминаю зимний серый день
И снег и пепел, смешанный ногами
Идущего на запад наступленья,
И женщину, с убитой жизнью в мертвом,
Проколотом штыками животе.
Я думаю и вижу, как толпа
В неистовстве орет на стадионе,
Тореадора чествуя. А он
Стоит, раскинув руки, словно крест
Испании, над тушею быка,
И белая, как справедливость, роза
У ног его краснеет на песке,
И женщина прекрасная, как роза,
Бледнея, улыбается ему.

Сухой цветок татарника колюч,
Как правда, от которой не уйти.

Ну, что ж! Терзай мое седое сердце
Бессмертными и острыми шипами,
И пусть оно кричит, кровоточа,
На целый мир: что ненависть бесплодна
И кровь рождает только кровь...

ЛЕТЕЛИ ЛЕБЕДИ...

Летели лебеди, летели,
К теплу летели от метели.

Трубили лебеди, трубили
О том, как лебедя убили.

Упало с неба, пух теряя,
В железный мир земного рая

Его изломанное тело.
И небо жизни опустело,

Закрылось, как письмо в конверте,
И превратилось в небо смерти.

Но ведь земля умрет без неба,
Как человек Земли — без хлеба

И без единожды-единой
Убитой песни лебединой.

* * *

Гроза подкрадывалась и грозила
Все кверху дном перевернуть вниз,
Но чья-то удивительная сила
Рассеяла и отвела грозу.

Вдохнув легко, прощелестели вязы,
И, тишиной внезапной удивлен,
Как дирижер, на половине фразы
Под фонарем остановился клен.

И сам к себе прислушался во власти
Доверчивости мира без границ.

И ночь сверкнула откровеньем страсти
Из-под чуть-чуть приподнятых ресниц.

ВСПОМИНАЯ ДОРОГУ ИЗ ВЕЙМАРА

Стреле ошеломляющей дороги
Мир, некогда просторный, невелик.
И ветер беспокойства и тревоги
На древе жизни листья шевелит.

Да где там шевелит! Они — в полете
И — вихрем под колеса на асфальт.
...И рядом с песней Шиллера и Гете
Сожженной песней пахнет Бухенвальд.

ЖЕЛАНИЕ

О, дай мне, жизнь, желание желать,
В желаемом желанье оживать,

И подобрать к желанью научи
Разумной бережливости ключи.

И не лишай умения иметь
Желание за друга умереть,

И награди до рокового дня
Терпением и мужеством меня.

ВСПОМИНАЯ РИМ

Своей любовью бесконечной...

Е. Чарлиц

И нищему никто не подает.
И пастыри не думают о боге.
И тайну Смерти Разум продает
Кому угодно на большой дороге.

В разгаре торг. И мир души оглох
И онемел на ярмарке порока.
И по ночам растет чертополох
Над песнею убитого пророка.

Но время начинается с двоих.
Пустыня зацветает горчицетом.
И откровенье песни глаз твоих
В моих глазах надежды светит светом.

РОЗОВАЯ ИСТОРИЯ

Петухи кричат с насеста,
Надрываются с тоски.
Роза — тихая невеста —
Раскрывает лепестки.

Хорошо на свете розе.
Рок у розы нежесток.
Соловьи в стихах и в прозе
Славят каждый лепесток.

День для розы чист и светел.
Солнце плавит синеву.
А она, тоскуя, ветер
Ждет и тянется к нему.

Лепестки дрожат и меркнут
В череде ночей и дней.
Ветер северный, как беркут,
Замирает перед ней.

А потом летит от цели
В пропасть синей высоты
С вихрем розовой метели
Утвержденной красоты.

ВЗДОХ СТАРОГО БОЛЕЛЬЩИКА

В. И. Семенову

Я всем волнением строки
Перед игрой в поклоне.
Ах, как играли старики
Вчера на стадионе!

Там шла по правилам игры
Игра самой удачи
Не ради будущей икры
И с огородом дачи.

Шла беспощадная игра
Без тренерской тетради —
Игра азарта и добра
Игры и страсти ради.

И стадион бросало в раж
Высокое волнение.
Ах, как ушедшее в тираж
Играло поколенья!

Вперед! На стену шла стена,
И спаянна и спета,
Как будто рифмой сплетена
В конструкцию сонета.

Как будто я включен в ее
Решение задачи
И сам лечу на острие
Продольной передачи.

И осторожен и горяч,
Инфарктом не караем,
Уже веду в штрафную мяч
У пропасти над краем.

И солнце славы с высоты
Глядит светло и гордо
На поединок красоты
С восторгом, без рекорда.

Ах, жизнь! Я все сильнее люблю
Твоей игры загадку.
И, может, все-таки влеплю
Свой мяч в твою девятку?!

НАДПИСЬ НА МУЗЫКАЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ

Скрипач был юн. И скрипка цела
Томительно и горячо.

Звук возникал в изгибе тела
И шел к руке через плечо.
Касался струн легко и колко,
Пренебрегая наглой мглой.
Скользил по оболочке шелка
Души невидимой иглой.
Он раскрывал свою игру нам
И перед правдой не грешил.
И не глаза и уши к струнам,
А души к вечности пришли.

В МИХАЙЛОВСКОМ

Здесь, как о будущем рассказ,
Живет Поэзия повсюду.
И Пушкин — с нами, Пушкин — в нас,
И мы уже причастны чуду
Его судьбы и языка,
Его души, по воле рока
Заброшенной издавека
И возвеличенной жестоко.

ТИХИЙ ПОЛДЕНЬ

Все выцвело на ярком солнце, кроме
Распахнутой голубизны небес,
Синеющих в тишайшем водоеме,
Перевернувшем неподвижный лес.

Ни голоса, ни шороха, ни свиста,
Ни гибели, ни страха впереди, —
Земля светла, и небо жизни чисто.
Дорога продолжается. Иди!

РАЗГОВОР ВСЛУХ

В твоей душе, как в капле океана,
Весь океан. Ты родственна всему:
Земле и небу, августовским звездам
И стынущей под звездами траве.

Ты — мать моя, жена моя и песня,
Зовущая за дальний горизонт
Познания непознанного мира.
Ты размыкаешь вечные круги
Прекрасной и непостижимой жизни.
Ты открываешь зрение и слух
Входящему на праздник продолженья
И закрываешь веки навсегда
В пустыню уходящему желанью.

Ты — светлая игра воображенья
Блуждающего в мире миража
Над встречей печали и тревоги
Прошедшего с Грядущим.

Ты живешь

В моей тоске прозренья моего.

Мне снится сон. Я сплю в осеннем поле
Под яблоней, щекою прижимаясь
К твоей груди, и яблоки, как слезы,
Стучатся в грудь мою, стекая с кроны,
Закрывшей небо... Или это сердце
Стучит мое и мается во сне?..

ДЕРЕВО ДЛЯ АИСТА

Н. И. Сладкову

Сама земля дивится урожаю.
И, перед этой щедростью в долгу,
Я маленькое деревце сажаю
У речки на покато́м берегу.

Пусть оно, вытягиваясь к небу,
Растет и зеленеет в высоте
Признательностью жизни, на потребу
Ее неповторимой красоте.

Разбуженное песней петушиной,
Пусть оно проснется поутру
И зашумит кудрявою вершиной,
Перебирая листья на ветру.

Пускай оно защитою от грома,
И молнии, и гибели самой
Когда-нибудь приглянется для дома
Двум аистам, вернувшимся домой.

* * *

Под облаками серой парусины
Заканчивает август обмолот.
Зеленый день идет на поворот,
И ночью осень подпалит осины.

И вспыхнут утром синие леса
До горизонта суриком и охрой.
На камышах и на осоке мокрой
До вечера не высохнет роса.

Пустое поле огласится лаем
Собачьих свор, поднявших кабана,
И над землею круглая луна
Покажется пшеничным караваем.

И все затихнет, словно в терему,
Где радость жизни никого не разнит.
Я выйду в поле. Вспомню тайный праздник
Своей души и улыбнусь ему...

НАДПИСЬ НА АТОМНОМ РЕАКТОРЕ

Жизнь — беззащитна.
И Любовь — нежна.
И Разум — Землю
Облагает данью.
И точная Ответственность
Должна
Сопутствовать
Великому Познанию.

СОНЕТ ПЕРЕД ЗИМОЙ

Обнажена прозрачная река.
Оголены пустынные холмы.

Лес чист и неподвижен, и зимы
Холодная судьба недалека.

Там позади минуты и века,
В единоборстве радуги и тьмы,
Запечатлела кистью Хохломы
Поэзии искусная рука.

Что из того! Пусть беспощадный лед
Само течение времени скует
И остановит музыку планет!

Зиме и Лету в мире свой черед.
Пусть жесткий снег заносит легкий след —
Душа поет, а песне смерти нет!

КОСТЕР В СНЕГУ

Н. В.

Костер в снегу, как снег, такой же белый.
Снег и костер. Горит костер в снегу.
И набегают отсвет оробелый
На белый снег. И я на свет бегу.

И лес, и лог, и луг, и поле — в белом.
И на холмах зимы — мадаполам.
И где-то, за белеющим пределом
Снегов — конец заботам и делам.

Костер в снегу. И молодость и вьюга.
Глаза и звезды. Бегство без погонь.
Раскованность с оглядкой испуга.
И вьюгой раздуваемый огонь.

Снег как постель. И свет костра —
посредник

На поединке мига и времен,
Где приговор о гибели последним
Помилованьем страсти заменен.

Морозный свет
 Сквозит голубизной
 Над смутой смет,
 Намеченных весной.

И этот свет
 В седом снегу зимы
 Как счастья след
 Воспринимаем мы.

И на припеке
 Первая капель,
 Забыв о сроке,
 Приближает цель.

Сближенья ради
 Пробивает лед.
 И в синем взгляде
 Ласточка поет.

ВСЕ ШИРЕ КРУГ...

Садятся звезды под застрехи,
Сжимаю градусникам ртуть.
 Все **шире** круг, все дальше веки
Уходят в бесконечный путь.

Как нет конца у звездной сферы,
 Как нет у вечности черты,
 Так нет для мужества и веры
 Границ дерзаний и мечты.

Душа летит, меж звезд означась,
 Сомненья якорь отрубя.
 Идет рожденье новых качеств
 В познание мира и себя.

Узорный мир в морозной рани
 Стекла от звезд не отрешен.
И Млечный Путь на тонкой грани
 Снежинкой малой отражен.

МАТЕРИНСКИЙ КРЕСТ

Ушел я из родительского дома
Мальчишкой одиннадцати лет.
Осенний дождь, как серая солома,
Прошел за мной и смысл горючий след.

Затушевал за рощею окольной
Тоску и горе изначальных мест:
Ворон над вязовскою колокольней
И над могилой материнской крест.

На берегу судьбы людского моря
Я своего не строил шалаша,
А радости преодоления горя
Училась в море грешная душа.

Когда ж кончались воля и терпенье
И гибель караулила окрест,
Передо мною, как благословенье,
Вставал над бездной материнский крест.

ДОБАВЛЕНИЕ К УКАЗАТЕЛЮ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Иди дорогою любви
По жизненному кругу
И не назло врагу живи —
Живи на радость другу!

СОНЕТ РАФАЭЛЮ АРАМЯНУ

Еще в ладонях каменного ложа
Как зеркало синее твой Севан.
И есть еще для праздника армян
Возможностей шагреневая кожа.

И на Раздан река судьбы похожа:
Над ними неизвестности туман
Судьбой произрастания семян
Кольшется, грядущее тревожа.

В судьбе вселенной и в судьбе зерна
Садовнику достойная награда.
Душа творца истоку жизни рада.

И плачет о бессмертии зурна,
Своей извечной музыкой верна
Воде и Солнцу в кисти винограда.

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Умирает озеро лесное,
Зарастая камышом и тиной.
С каждым годом все темней и уже
Смерти обреченное пространство
Аспидной бездонности воды.

Озеро уходит в глубину,
Закрываясь, словно глаз. И тайна
Времени уходит вместе с ним
В темные ночные переходы,
В кладовые памяти земной.

Что же ты увидела, Земля,
Если закрываешь Око Жизни,
Отвращая взор своей души
От вселенной и от глаз моих,
Вопрошающих твои глубины?

Ты молчишь... А может быть, об этом
Мне расскажет птичка-камышовка,
Что свила гнездо свое бесстрашно
На твоей ресничке-камышинке
Над бездонной аспидной водой?

Может быть, она поет об этом
Голоском, как паутинка, тонким
Песенку... Но я не понимаю
Языка ее души.... А жаль!

РЫЖИЙ КОНЬ НА СКОШЕННОМ ЛУГУ

Не приказа ради, не в услугу,
А своею волей, как хотел,

Рыжий конь по скошенному лугу
Без узды и всадника летел,

Влажный глаз его блестел, как слива,
Как труба, переливался хвост,
И струилась, завиваясь, грива
С бесшабашным ветром вперехлест.

И душа коня была открыта,
И закат был розов, как ранет,
И стучали легкие копыта
Деревянным стуком кастаньет.

День или жизнь готовились к уходу,
У седого времени в долгу, —
Рыжий конь скакал себе в угоду
На зеленом скошенном лугу.

ЛИСТЬЯМ ВДОГОНКУ

Ты уходишь? Ну что ж! До свиданья. Спеши.
Торопись понемногу.
А стихи? Облетевшие листья души
По дороге, в дорогу!

За тобою, за песней сомнений твоих.
До предела дороги!
Безысходностью горечи счастья двоих
Пересудам под ноги!

По колючей стерне и по голым кустам,
По сутлинку — вдогонку!
Из-под ног пешеходов — к пустым небесам!
Преисподней в воронку!

Ты уходишь? Ну что ж! До свиданья. Прости.
Не пеняя на случай,
Соберись и себя от себя отпусти
И тревогой не мучай.

Это лето нас вместе сводила с ума
Медуницей и мятой.
Только ты никогда пред собою сама
Не была виноватой.

Ты уходишь. И мир —неуютен и гол —
Без огня и ночлега.
Но ликует души обнаженный глагол
В ожидании снега.

СОНЕТ КАЙСЫНУ

Пока поет Орфей и плачет Эвридика,
И о порог копытом бьет Пегас,
И на пиру Поэзия от нас
Прекрасного не отвращает лика,

И свет ее души, ее любви над дико
Беснующимся миром не погас,
Пока течет Нева и на заре Кавказ
Цветет еще, как на снегу гвоздика, —

Мой добрый друг, мы на земле нужны,
Как зимней ночи звезды до рассвета,
Как острой стали старые ножны,

Как сдвоенные рифмы для сонета.
...Тревожны души, и сердца нежны,
И песня совершенства недопета!

1977.

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

Алексею Федоровичу Трешникову — человеку, знающему, что полюс не только географическое понятие, но и та точка в человеческой душе, где скрещиваются все меридианы тревог современного мира и где нащупается в человеке человечество,

СПОЛОХ

Ах, как играет этот Север!
Ах, как пылает надо мной
Разнообразных радуг веер
В его короне ледяной!

Ему, наверно, по натуре
Холодной страсти красота,
Усилием магнитной бури
Преображенная в цвета.

Он пестрой музыкой на лире
Самой вселенной лепит лик.
И смотрит в небо на Таймыре
Новорожденный овцебык.

Ему с пушистой шкуры стужу
Сдувают старые скоты
И брата мамонта наружу
Зовут из вечной мерзлоты.

Но в вечном мире все невечно,
Хотя он крепок, как самшит,
А мамонт по дороге млечной
К Большой Медведице спешит.

В его костях бунтует сила.
В его глазах сверкает цель.
Он крутит хоботом светила,
Как заводную карусель.

Давно в пустыне мира грозной
Он от серьезного оглох.
И пляшет в воздухе морозном
Цветных страстей переполох.

ПОЛЮС

Звезда Полярная в зените,
И сон седого льда глубок.
Здесь всех судеб нагие нити
Переплелись в один клубок.

Сошлись в одну судьбу. И зыбок
Лед лет, хранящих каждый след
Меридианов всех ошибок
Над параллелями побед.

И это есть Великий Полюс.
Как будто молния и гром,
Его обхватывает пояс
Инфарктной трещины кругом.

Здесь сконцентрировано время,
Прочищенное в глотке вьюг.
Идет на ледяное темя
Палящий атомный утюг.

Ползет, ведом рукой умелой
По глыбам вздыбленного льда.
Бежит от этой бури белый
Медведь неведомо куда.

Но тайна остается тайной.
Встает на старые круги.
Ах, жизнь! От гибели случайной
Себя и Землю сбереги.

Сведи людские души вместе
На Полюс истин букваря,
Разумным миром ясной чести
Безумство храбрых одаря.

Прибавь забот иного свойства
На Завтра поросли иной
И добрый Полюс беспокойства
Поставь на Полюс ледяной.

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ В НОРИЛЬСКЕ

Ты строил этот город, Давид,
Нелепой обидой мучась,
В душе твоей до сих пор горит
Изгоя тупая участь.

Ты знаешь на ощупь, любезный
друг,
Как здесь, по каким заслугам
Был беспощадный Полярный круг
Очерчен Дантовым кругом.

В душе твоей эта боль жива
И не уходит по дозам.
И пахнут кровью твои слова,
Прихваченные морозом.

Бежит слеза, по щеке скользя,
Ползет по открытым ранам.
И этих обид оплатить нельзя
Золотом и ураном.

И мы идем по твоей судьбе,
Как старые мулы цугом.
И новая юность смеется тебе
В лицо за Полярным кругом.

Ты строил этот город, Давид,
От прибыли не жирея.
И вот она, посмотри, парит,
Полярная оранжерея.

Тоска уходит своим путем.
И, выражаясь прозой,
Давай, Давид, помолчим вдвоем
В саду под китайской розой.

ЛЕДИН

В большом пристрастии к медведям,
К овцебыкам, судьбой храним,
Живет в Норильске некий Ледин,
Как жил святой Иероним.

Он в диком северном пространстве
Пустынь, по зову естества,
В редящем животном царстве
Задался поиском родства.

И мир смотрел открытым взглядом
На отснятый материал,
Где он своей семьею рядом
С семьей медведицы стоял.

Он с кинокамерой в берлогу
Шел, как хранитель ремесла,
И та медведица треногу
За ним под мышкою несла.

Он говорил тюленю: — Здравствуй! —
И, преодолевая лень,
С улыбкой ницшеанской ласту
Ему протягивал тюлень.

Он на друзей ножа не точит.
Живет по сердцу и уму.
Мне этот Ледин нужен очень,
Как человечеству всему.

Я мчусь к нему на самых скорых
В Норильск без лишних выражей,
А он уже на Командорах
Снимает нацию Моржей.

Лечу к нему, своей любовью
В своей признательности туп,
А он Топориков гнездовья
Ушел спасать на Дунькин пуп.

Чем он богат, и чем он беден,
Какою тайной наделен?
Не знаю я. Но этот Ледин
Велик гармонией времен.

И если мы опять заноем,
Второй потоп предвидя здесь,
Не надо посылать за Ноем,
У нас в Норильске Ледин есть.

**БАЛЛАДА, НАПИСАННАЯ С ОПОЗДАНИЕМ,
В ЗНАК БЛАГОДАРНОСТИ,
КОТОРУЮ Я НЕ МОГ СКАЗАТЬ ВОВРЕМЯ**

Не ради обманчивой славы кадил,
Но к славе успехом приписан,
Когда-то на Северный полюс ходил
Прекрасный художник Борисов.

Он был по размаху другим не чета.
Не знал ни печали, ни горя.
И скрылся Архангельск. И вышла «Мечта»
В простор Ледовитого моря.

Под ветром попутным играла волна.
И, качкой волны не укачан,
Он встал у штурвала и выпил до дна
Сладчайшую чашу удачи.

Но Север не может прожить без беды,
Отвагу бедою карая.
И вмерзла «Мечта» в окаянные льды,
В проклятье полярного края.

И каждый собою в беде дорожит.
И трусость в беде неподсудна.
И в страхе крошечном команда бежит
Домой с обреченного судна.

А он остается, растерян и зол, —
Бунтарь одиночества, раб ли?
По синим торосам ползет произвол,
А в чаше надежды — ни капли.

Но жизнь не замкнет удивительный круг,
Играющий с гибелью в прятки.
И он побредёт, спотыкаясь, на юг
В гордыне своей без оглядки.

И песни его узловатая нить
Еще оборвется не скоро.
Он выйдет на берег, готовый испить
Горчайшую чашу позора.

Но прежде, судьбы прозревая черту,
Усталым невидящим взглядом
Увидит вернейшую верных «Мечту»,
В разводе стоящую рядом.

Светлеет души благородной краса
В самом откровении цели.
...Я счастлив, что Вашей судьбы паруса
В зените моем шелестели.

ПЕСНЯ ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ И ЕГО ОБИТАТЕЛЯМ

Широкие души высоких широт.
Земли ледяная папаха.
Здесь мужество смелых в палатках живет,
Разбитых на трещинах страха.

Поземка свистит — и звезде не блеснуть.
Морозным дыханьем повитый,
Ворчит и хохочет, спокойно заснуть
Не хочет старик Ледовитый.

Лишь только плечом поведет старина,
Движением брови прикажет:
И Солнце уходит с небес, и Луна
По месяцу носа не кажет.

Его подобру невозможно просить
И знать его думы и цели.
Он дунет в усы — и пошли колесить
По всем континентам метели.

И в эту пустыню на кованный лед,
Себе выбирая стоянки,
Идет деловой молчаливый народ
Полярных палат на Фонтанке.

За каждого каждый стоит как стена,
Всей верностью жизни и смерти.
На семь километров молчит глубина,
А сверху бесчинствуют смерчи.

Но видит свое назначенье во мгле
Ответственность высшей свободы.

...Тревожное утро идет по Земле
По сводке вчерашней погоды,

СТИХИ, ПРИСНИВШИЕСЯ МНЕ НА СТАНЦИИ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-22»

Тьма ночи густа и бредова.
Ни света звезды, ни свечи.
И слышно, как сердце Седова
Стучит одиноко в ночи.

Тревожно стучит и знакомо
Из бреда ледовой коры
Настойчивостью метронома
Вчерашней блокадной поры.

Стучит, словно рубит с размаха,
Как будто его завели
На куполе старого страха
Еще не погибшей Земли.

Но времени новая сила
Меняет и скорость и вес.
И тихо светлеют светила
В пространстве Земли и небес.

Тьма ночи, пуста и бредова,
Бледнеет при виде конца.
И светлое сердце Седова
Уже просветляет сердца.

Вгляни понимающим глазом
На эту идущую явь
И свой обновляющий разум
К рассветному свету прибавь.

ТИХИЙ ВЗДОХ НАД СИБИРЬЮ

Сибирь! Сибирь! Твои богатства
Без счета, меры и цены
Для человеческого братства
На добрый век припасены.

А ты торопишься,
Раскатом
Тротила
Оглашая тьму,
Набив алмазами и золотом
Свободы нищую суму.

Грохочут скреперы и драги,
Визжит пила,
Стучит топор,
И новых поселений флаги
Шумят на склонах диких гор.

Зверь мечется.
И дохнет рыба
В гнилой воде убитых рек.
Как взрыва атомного глыба,
Смеясь, двадцатый пухнет век.

Ни сожаления,
Ни страха.
И даль — не в даль.
И ширь — не в ширь.
И каторжанкою на плаху
Склоняет голову Сибирь.

В своем решении угрюма,
В своей покорности строга.
Как скит безумца Аввакума,
Пылает пленная тайга.

Полуотравленная газом,
По нефтяным болотам — вплавь.
Куда ты рвешься?
Где твой разум?
Взгляни в себя разумным глазом,
Нельзя же все богатства разом —
Чуть-чуть грядущему оставь!

**СТИХИ ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ
НА СПЕКТАКЛЬ РЫБКИ САЙКИ
В ПАЛАТКЕ ГИДРОЛОГА**

На полюсе свои порядки,
Своя логическая связь.
Там у гидролога в палатке
Одна плясунья завелась.

Умом гидролог видит в лунке
Понятное его уму,
И тайны всех глубин, по струнке
Равняясь, тянутся к нему.

Мечте возвышенной в угоду
Он с океаном говорит.
Пред ним, опущенная в воду,
Звездою лампочка горит.

Свет под водой струится зыбко
И освещает в стенке грот,
Где Сайка — маленькая рыбка —
Стоит, выпячивая рот.

Но стоит бросить крошку сала —
И оживает мир глубин.
Я видел, как она плясала
Вальс для подводных балерин!

Движенья, свойственные рыбам,
Она решала, как поэт,
И тонкой талии изгибом
Заканчивала пируэт.

В прямой стреле электросвета
Она меняла темп и тон.
И тонко роль кордебалета
Вел перепуганный планктон.

Я тем искусством без укора
Был как свидетель поражен.
Вот жаль, у Сайки нет партнера...
А что ж! Здесь все живут без жен.

Полярной ночи тяжек полог.
И ветер сваливает с ног.
Но этот мир, и сам гидролог,
И с ними я не одинок.

**ПИСЬМО С ПОЛЮСА
ВАСИЛИЮ ФЕДОРОВИЧУ ДАВИДЕНКО,
БЫВШЕМУ КОМАНДИРУ ВЗВОДА,
В КОТОРОМ Я СЛУЖИЛ**

Василий Федорович! Полюс
Жил на войне в моей груди,
Как тайна тайн, как некий полис
Прекрасных странствий впереди.

И я — на Полюсе. И вроде,
Поскольку за собой слежу,
Живу, как будто в вашем взводе
Опять разведчиком служу.

И здесь, не знаю почему-то,
Припоминаю в сотый раз
Непобежденного Гангута
Святое мужество и Вас.

То, не скрываемое тенью,
Проявленное в первый бой,
Благословенное уменье
За друга жертвовать собой.

Здесь та же самая картина
Тревогой спаянных минут
Высокой мысли. Только льдина
Гораздо меньше, чем Гангут.

Зажатая в ледовом мире,
Она в бивак превращена.
Три километра на четыре
И сорок метров толщина.

И Долг, приравненный к Свободе,
И добрый Мужества запас,
И все как будто в нашем взводе,
И сам начальник вроде Вас.

И, притираясь без разлада,
Переплелись в полярной мгле
Гангут и доблесть Ленинграда
С защитой жизни на Земле.

Кругом торосы вроде дотов
И холод ветра вековой.
И этот повар — как Федотов
Из батареи полковой.

И эта ночь. И эта льдина.
И глубина под ней без дна.
...И Человечество едино,
И у него Земля одна!

ПЕСНЯ СВЕРЧКУ И ЕГО СЛУШАТЕЛЯМ

Г. Горбюевскому

Живут полярники, как боги,
Размеренно — и потому
Я сладко спал, устав с дороги,
Как бог, у доктора в дому.

И вдруг проснулся... В кои веки,
Наканифолив свой смычок,
На самом полюсе в аптеке
Трещал за склянками сверчок.

Нет, не искусственное чудо,
А как божественная тварь,
Он о себе кричал оттуда
И путал жизни календарь.

Потом на повороте резком
Он прозвенел и замер вдруг,
Как бы своим искусным треском
Завоевал Полярный круг.

Радист, поверивший в удачу,
Включил записанный клавиш
В очередную передачу
И замер, вслушиваясь в мир.

Сверчок дробил свои рулады
Классически; и цо сему
Сверчки Сибири и Канады
Внимали с завистью ему.

Трещал сверчок, поджав коленки,
Наград не требуя взамен.
И расцветал в горшке на стенке
Под эту песню цикламен.

ЗАКЛИНАНИЕ С ПОЛЮСА

Берегите Землю!
Берегите
Жаворонка в голубом зените,
Бабочку на стебле повилики,
На тропинке солнечные блики,
На камнях играющего краба,
Над пустыней тень от баобаба,
Ястреба, парящего над полем,
Ясный месяц над речным покоем,
Ласточку, мелькающую в жите.
Берегите Землю!

Берегите
Чудо песен
Городов и весей,
Мрак глубин и волю поднебесий,
Старости последнюю отраду —
Женщину, бегущую к детсаду,
Нежности беспомощное пенье
И любви железное терпенье.
Берегите молодые всходы
На зеленом празднике природы,
Небо в звездах, океан и сушу
И в бессмертье верящую душу —
Всех судеб связующие нити.
Берегите Землю!

Берегите
Времени крутые повороты,
Радость вдохновенья и работы,
Древнего родства живые свойства,

Дерево надежд и беспокойства,
Откровение земли и неба —
Сладость жизни, молока и хлеба.
Берегите доброту и жалость,
Чтоб она за слабого сражалась.
Берегите будущего ради
Это слово из моей тетради.

Все дарю!
И все от вас приемлю!
Только
Берегите
Эту
Землю!

1978

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ

Стихи из Португалии

1. КАБО-ДА-РОКА

Ревет в туман маяк,
И светит белый крест
Слепой судьбе бродяг
Надеждой новых мест.

Поет печаль кругом
У старых скал в кругу
О берегу другом
На этом берегу.

Открыт давным-давно
Надежды Доброй мыс.
Ушедшие на дно
Со дна не поднялись.

Ограблен белый свет.
И цепь сковала цель.
И неоткрытых нет
В морях Земли земель.

Но память о тоске
С тоской не унесло.
И сохнет на песке
Разбитое весло.

2. ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА КОНЕЦКОГО В ЛИСАБОНЕ

Плыви, пока хватает сил,
Своей любви невольник,
Пока тебя не захватил
Бермудский треугольник.

Пока, доверия полна,
Сгибаясь, словно ива,

Еще несет тебя волна
Бискайского залива.

Пока, в своем напоре груб,
Соленый ветер сносит
Измену поцелуя с губ,
Как ключья пены с весел.

Пока под парусом косым
Щемит и ноет рана, —
Будь счастлив тем, что ты есть сын
Земли и Океана.

3. АКВАРЕЛЬ

Беленый дом под красной черепицей
Над утренней туманною водой
Четвертый век в глубинах темных снится
Всем обрученным с бурей и бедой.

Их погребли награбленного груды,
Их проклял дьявол и оставил бог,
Их черепа, как алчности сосуды,
Обходит стороною осьминог.

Над океаном нестерпимо синий
Высокий мост выстраивает день.
И на песок кривые руки пиний
Беспомощно отбрасывают тень.

4. ОТКРЫТКА ИЗ ПОРТО

Окно на скате черепичной крыши
Распахнуто. Промытое белье
Колышется, как занавес небесный,
А там, за подоконником, полна
Задумчивой тревоги, одиноко
И неподвижно женщина сидит.
Воскресный день шумит внизу базаром —
Торгуется, смеется и поет.
А женщина сидит, как изваянье,
И смотрит вдаль сквозь тысячи веков,

Сидит одна. И всем ушедшим в море
Ее глаза мерещатся. И вечность
Зеленою оливой шелестит.

5. ВИД С БЕРЕГА

В океан глядят с обрыва
Освеженные грозой
Оловянная олива
С виноградною лозой.

И, полны зеленой мощи,
Закрывают небеса
Эвкалиптовые рощи
И сосновые леса.

И, ступая пашней тяжко,
Выше всякой похвалы
Тянут древнюю упряжку
Полям мудрые волю.

Только острой костью в глотке,
Заводной грозя бедой,
Перископ подводной лодки
Над седой торчит водой.

6. ГАБРИЭЛЮ ГАРСИА МАРКЕСУ

Над целью далеких походов
Пылает холодный рассвет.
Погибель веков и народов
Идет за Колумбом вослед.

И тучу греха и порока
На том берегу не видать.
И долго с родного порога
Оставленным женам рыдать.

А новых пространств постояльцы
Забудут учет и расчет.
И дождь золотой через пальцы
Быстрее воды протечет,

Но не остановится время
От этих кровавых затей.
И вырастет новое племя
Греха и Печали детей.

И там, в атлантической ночи,
Над прахом друзей и врагов
Сверкнут мне прекрасные очи
Надеждою двух берегов.

7. ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ

В теңи условной чести
Мы без пути кружим.
Вдвоем — чужие — вместе.
И все свое — чужим.

И подошла к пределу
Опасная игра.
Где взять душе и телу
Доверья и добра?

Жизнь, выбившись из круга,
Куда-то утекла.
И нету друг для друга
Взаимного тепла.

8. ВОЗВРАТА НЕТ

Все начинается с обрыва
На поединке двух начал,
Там, где волны седая грива
Летит на каменный причал.

И старый парус рвется с места,
И нет скитанию конца.
И неизвестность, как невеста,
Ждет обручального кольца.

И от тепла родного крова
Зовет в полуночной тиши
Надеждой берега другого,
Как песней сродственной души.

И мир спокойствия несносен.
И ветер скорости — поет.
Судьба снимает руки с весел
И переходит на полет.

Летит орбитой пологой
Иных галактик и планет.
И всем плененным той дорогой
Возврата нет, возврата нет!

9. ЗАКАТ НА АТЛАНТИКЕ

Медлительно входило
Сквозь розовый туман
Багровое светило
В лиловый океан.

Страданье мирозданья
Ложилось пласт на пласт.
И о тщете познания
Рыдал Эккlesiаст.

И я смотрел и видел
В пустыне райских врат
Сегодняшнего гибель
И прошлого возврат.

И новое начало
Путей из тупика
О будущем кричало
В минувшие века.

И был я в мире этом
В тот миг не удивлен
Во мне сиявшим светом
Всех жизней, всех времен.

10. ОТКРЫТКА В ЛИСАБОН

Мне вдалеке приснится черный
Платок над сумраком бровей
И взгляд тревожный и упорный,
Промытый солью всех морей.

И лик твой смуглый, как икона,
Как бы окутанный в туман.
И с европейского балкона
Открытый взгляду океан.

И в старом парке старый терем,
Седая гордость и почет.
Где всем грехам и всем потерям
Давным-давно потерян счет.

Там, где алмазы из Анголы
Из-под полы ушли в размен,
Где громко новые глаголы
Вошли под своды старых стен.

И, раздвигая мрака своды,
Запел возвышенно орган.
И древним голосом свободы
Ему ответил океан.

1978

ПОЛЫНЬ

КЛЮЧ

Пойду на луг прочистить наш родник,
я там не задержусь... Пойдем со мной.

Роберт Фрост

* * *

Среди берез в зеленом храме,
В любезном памяти краю,
Я просыпаюсь с петухами
И вместе с иволгой встаю.

И вповь душа поет и верит,
Как в измерении ином,
И время медленное мерит
Кукушки древний метроном.

И этот голос длится, длится
И веселит мои глаза,
И мне в тетрадь мою садится
На место рифмы стрекоза.

СТИХИ ПЕРЕД УПАВШИМ ДЕРЕВОМ

Со мною вместе в чистом поле
Оно росло на вольной воле.

Зеленой кроною шумело
И спорить с бурями умело.

За грозовыми облаками
Ловило молнию руками.

Мир озарив зеленым блеском,
Оно парило над подлеском.

В его ветвах, в его купели,
Встречая солнце, птицы пели.

В его тени играли дети.
...И это кончилось на свете.

* * *

Ты плачешь, молча мир кляня
За пошлый гнет житейской прозы.
И где-то в горле у меня
Горчат сочувственные слезы.

От глаз моих недалеке,
В конце невысказанной фразы,
Блестят, стекая по щеке,
Обиды круглые алмазы.

И в этой трудной тишине
Мне видится или сдается,
Как, отраженный в глубине
Твоей слезы, весь мир смеется.

* * *

Не насыщая пицей чрево,
Жует себя двадцатый век
И рубит, рубит жизни древо,
Как беспощадный дровосек.

И это древо все покорней —
Не по законам естества.
Трещит кора, слабеют корни,
И жухнет пыльная листва.

Великий разум! Запрети ты
Рубить хотя б последний сук,
Но развивают аппетиты
Все ответвления наук.

Наука действует как сводня,
А Время сводню не корит.
В борьбе за лучшее Сегодня
Вовсю Грядущее горит...

ВСПОМИНАЯ ОКЕАН

В наплыве рваного тумана
С уступа каменной гряды :

Я видел действие тарана
Океанической воды.

Я любовался этой схваткой
Меж диким камнем и водой.
И ликовало сердце сладко
Восторгом страсти молодой.

Как будто в нем гремели шквалы,
Соленый ветер рвал туман,
Валы и волны шли на скалы,
А скалы шли на океан.

А путь мой в жизни не был праздный.
И стал мне дорог с неких пор
В рассветный час многообразный
Воды и гальки разговор, —

Тот час, когда все в мире ладит,
И жизнь спокойствия полна,
И скалы каменные гладит
Наплывом ласковым волна.

* * *

Июль. Исходят липы цветом.
У лета дел невпроворот.
С утра, разбуженный рассветом,
Пчелиный трудится народ.

Спешит. И в том его заслуга,
Судьбы великая страда.
И медом пахнет вся округа,
Деревья, воздух и вода.

Земли и неба мир раздольный,
Его насущные дела.
А липы, словно колокольни,
Гудят во все колокола.

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Из чрева подбитого танка
Он выполз последним, в огне.

И треснула башня, как банка,
И снег зашипел на броне.

Потом в госпитальной постели
Он вспомнил о том рубеже.
Закрылись ожоги на теле.
Остались рубцы на душе.

Да праведной памяти ради
Остался навек и на миг
В пропахшей газойлем тетради
Прекрасной поэзии лик.

Осталась великая сила,
Подспудно пылавшая в нем,
Которая душу томила
И жгла, очищая, огнем.

Солдатская выпита фляжка,
Никто никого не корит.
Подобная солнцу ромашка
В его изголовье горит,

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Когда живущие молчат,
Тогда погибшие кричат.

И не во сне, а наяву
Опять летят через Неву,

Через Неву и на Берлин
Сквозь гром огня и скрежет льдин.

На левый берег дотам в лоб
И— кровью собственной взახлеб,

Собой к Победе мост мостят,
Они забвенья не простят,

На горькой памяти-огне
Они всегда горят во мне,

И жизни завтрашнего дня
Нет без вчерашнего огня.

Об этом мертвые кричат,
Когда живущие молчат.

ПОЛДЕНЬ

Недвижна чистая река.
В реке недвижны облака.

Зеленый лес, и пестрый луг,
И мир внутри, и мир вокруг.

Сосредоточенности миг
Блаженства высшего достиг.

Молчит земля. Молчит зенит.
И только тонко рожь звенит.

ПАМЯТИ Л. Н. МАРТЫНОВА

Ворочал он камни сомнений,
Талантам своим господин.
Собранье его сочинений
Читайте один на один.

Он к истине шел в одиночку
Сквозь дебри деревьев и книг.
Прямым попаданием в точку
Он многих открытий достиг.

В минувшем и нынешнем веке,
Во всем доходя до конца,
Прозреньем души в человеке
Он видел и славил творца.

За ним от Оби до Онеги
Волной на полярный редут
Его вдохновенья побег
С весенним разливом идут.

Его благородства основа
Осталась в его мастерской.
А песни отменное слово
Украсило праздник людской.

* * *

Я знаю все, но только не себя.
Франсуа Вийон

В мельканье жизни разпой,
В столице и в глуши,
Стихи есть дело праздной,
Отторженной души.

В попытке бесполезной
Желания суметь
Возвыситься над бездной
Классических сует.

Чем превосходней строфы,
Тем яростней навет,
Тем большей катастрофы
Достоин сам поэт.

Но он с петлей на вые
Пройдет наверняка
События роковые,
Пустыни и века.

А золотой чеканки
Шекспировский сонет
Есть способ из-за рамки
Глядеть на белый свет.

ОПТИМАЛЬНЫЕ СТИХИ

Мы — дети случая. И в нас
Живет случайности запас.

Мы увлекаемся порой
Слепого случая игрой.

В гостях у жизни на пиру
Ведем опасную игру.

И та опасная игра
Нам не сулит порой добра.

Идет игра добра со злом.
И зло кричит: «Добро на слом!»

И злу послушный реквизит
Вселенской гибелью грозит.

Но добрый случай в добрый час
И в этот раз спасает нас

И ставит мужество к рулю.
И я у случая молю:

Дай нам от мудрости ключи
И равновесью научи,

А память ненависти смой
Игрой гармонии самой.

НАДПИСЬ НА РУКОПИСИ БЕЗ ПОДПИСИ

Поэт, душой высокой ради
Великой жизни порадей, —
Не помышляя о награде,
Будь сам наградой для людей.

ОДА СВЕЧЕ

В. Н. Орлову

Рассвет его величество
Пока еще в пути.
Погасло электричество —
Давай, свеча, свети!

Ночь. Ни звезды, ни месяца.
Ни вспышки, ни луча.

Но светит, светит, светится
Старинная свеча.

Ползет тревога ложная —
Смети ее, смети!
Гори, моя надежная,
Не потухай, свети!

Свети всю ночь, неяркая,
Дневного солнца дочь.
Пусть ночь, как ворон каркая,
Летит от окон прочь.

Гори на подоконнице
До утренней зари.
Свети моей бессоннице,
С моей душой гори.

* * *

Я вновь дышу моей весной,
И мне отрадно все земное
На этой просеке лесной
В пропахшем земляничкой зное.

Сквозь листья солнечная вязь
Здесь рассыпается повсюду,
Как восстановленная связь
Моиx приверженностей чуду.

И здесь, среди зеленой мглы
Ветвей на утренней просушке,
Опять чечетки и щеглы
Не подчиняются кукушке.

Здесь, в переполненной глуши,
Я, прежний, сам себе несносен,
И дерево моей души
Поет в кругу осин и сосен.

* * *

Ты бежишь за вчерашним днем,
А его уже больше нет,

Он сгорел голубым огнем,
И от дыма растаял след.

Обаянье вчерашних рук
Не согрело усталых плеч.
Белый снег на зеленый луг
Как забвение должен лечь.

Легким выдохом растопи
На стекле ледяной обман.
Не твои ли следы в степи
Заметают седой буран?

Ах, как сладко тает в груди,
Затухая, последний зной
Над сверкающей впереди
Беспощадною белизной.

* * *

Зачем опять ломать карандаши
В пустыне отчуждения души?

Зачем бедой на выручку беды
Плыть вопреки движению воды?

Вода все выше, все плотней туман,
И всех плывущих сносит в океан.

* * *

Мы все зависим друг от друга
На этом жизненном кругу.
Что ты не сможешь — я смогу,
И в этом общая заслуга.

И ты придешь, когда мне туго,
И не позволишь гнуть в дугу.
Мы — две травинки на лугу,
Но нет без нас единства луга.

Живет победой и бедою
Зеленый луг и Млечный Путь.
Не делима бороздою

Между травинкой и звездой
Одной-единой жизни суть.
Мы были. Есть. И будем.
Будь!

* * *

Непобедимой жизни праздник
Живое в радости не разнит,
А радость к радости зовет.
Все начинают в жизни двое,
Любовью движется живое
И для грядущего живет.
И в этой вечной эстафете
Жизнь остается светом в свете,
Как след от праздника двоих.
Он еще светит нам с тобою,
В моих глазах — твоей судьбою,
Моей судьбой — в глазах твоих.

* * *

О том, что в тайной песне спето
Воспомннаньем наяву,
Я в это медленное лето
Как сладкой гибелью живу.

Еще не скошенной поляной,
Где травы ластятся к рукам,
Иду, очарованьем пьяный,
И улыбаюсь облакам.

Сам по себе иду, без цели,
В сопровождении берез,
Как будто в мире в самом деле
Нет ни погибели, ни слез.

Как будто там, за дальней далью,
В грозой распахнутом окне,
Своей прекрасною печалью
Ты улыбнулась тихо мне.

* * *

Самих познаний черствый хлеб,
Накопленный веками,
И лабиринты всех судеб
Опасны тупиками.

Там, позади, в наплыве мглы,
В надежде перемены,
Сомнений сбитые углы
И сломанные стены.

Там еще истина сплеча
Другую рубит в споре.
Горит последняя свеча
В последнем коридоре.

И свет ее, как свет тоски
Несбывшегося чуда,
Твоих ладоней лепестки
Еще хранят покуда.

* * *

Ну что ж! Дари, раздаривай
Последнее тепло,
Пока с холодным заревом
Оно не утекло.

Пока еще не грянула
Последняя гроза.
Пока пьянее пьяного
Осенние глаза.

Пока не заморозило
И не заволокло
Синеющего озера
Промытое стекло.

Пока еще не связаны
Ни руки, ни сердца,
А песне не заказаны
Дороги в два конца.

ОКНО

Сквозь годы-расстояния
Мне видится одно
На улице Восстания
Высокое окно.

Там в юности изменчивой
Меня свела сама
С моею первой женщиной
Блокадная зима.

Мне снятся гордой зрелости
И зрелой красоты,
Страдания и смелости
Прекрасные черты.

А рядом с ней незрячая
И радость, и напасть, —
Мальчишески горячая
Отчаянная страсть.

Она меня заставила
Любить весь мир земной,
Но рядом не оставила
И не пошла со мной.

Сквозь годы-расстояния
Мне видится одно
На улице Восстания
Потухшее окно.

Над ним по небу голому
Рассвет сгоняет тьму.
...Я опускаю голову
И кланяюсь ему.

* * *

На смятую постель рассвет
Взглянул случайно.
Как будто в этом тайны нет?
Должна быть тайна.

Ночь в затемнении глухом
Тому порукой
Перед соблазном и грехом
Восторга с мукой.

Где смертный страх и мнимый гнев
Без права власти
На чуть мерцающий рельеф
Притихшей страсти.

Не отвечающие за
Тот поединок,
Где жизнь и смерть глаза в глаза
И — воедино.

И лишь — из будущего след
Случайной вести.
Уходит ночь. Молчит рассвет
Со мною вместе.

* * *

Стояла сушь. Хлеба от жажды
Сгорали в поле. Старый лес
Сухой листвой и корнем каждым
Ждал чуда — дождика с небес.

Но из-за лысого кургана
Пришел не дождь, а ураган.
И авангарды урагана
Сквозь пыль метнулись, как таран.

И, как драконы из поверья,
Взлетели вихри на дыбы.
Пригнулись хвойные деревья,
И тяжело ахнули дубы.

И мрак возник, и в этом мраке
Сверкнули молнии с небес.
В последней огненной атаке
Остолбенел и рухнул лес.

Потом повеяло покоем,
Исчезли молнии в дыму.

И хлынул дождь над мертвым полем,
Уже не нужный никому.

ОЧЕНЬ ПРОСТЫЕ СТИХИ

Как яблоко на блюде,
У нас Земля одна.
Не торопитесь, люди,
Все выскрести до дна.

Немудрено добраться
До скрытых тайников,
Разграбить все богатства
У будущих веков.

Мы общей жизни зерна,
Одной судьбы родня.
Нам пировать позорно
В счет будущего дня.

Поймите это, люди,
Как собственный приказ.
Не то — Земли не будет
И каждого из нас.

МОЛОДОМУ МАСТЕРУ

Талант, отпущенный по смете,
Наполнить действием пора.
Все совершенное на свете
Изготавливают мастера.

Чтобы тебя не огорчала
Судьба несовершенных дел, —
Не вышло — начинай сначала,
Умри, но сделай, как хотел.

Проверь познания и чувства.
Отъедини от бреда явь.
И труд на уровень искусства
Рукою мастера поставь.

Смотри: выходит?! Не напрасно
За мыслью следует рука.
И все прекрасное прекрасно
Людскому братству на века.

Оно надеждой светит веку,
Над дикой страстью держит власть,
Не позволяя человеку
До грани варварства упасть.

Гляди вперед добрей и шире,
Переступи тоску и страх.
Все совершенство — в этом мире,
И мир стоит на мастерах.

**НАДПИСЬ НА КНИГЕ СЕНЕКИ
«ПИСЬМА К ЛУЦИЛИЮ»,
ПОДАРЕННОЙ ВЛАДИМИРУ ЖУКОВУ,**

Мы послужили веку
Судьбой своей. Теперь
Пора читать Сенеку,
Тупея от потерь.

И видеть все без глянца —
Победу и урон.
И ждать, пока посланца
Не подошлет Нерон.

КАИН

Не знаю, как через лавину
Времен, предательств и разлук
Первоначальную дубину
Отнять у Каина из рук.

Туда — покуда нет возврата.
Есть только путь один — вперед.
Там — брат лишает жизни брата.
Здесь — на народ идет народ.

Вот подготовлена атака.
Навстречу встали две стены.

И ждут сигналов. Но, однако,
Сам Каин бьет из-за спины.

В глазах его сверкает золото,
И пахнет смертной тоской.
И он сейчас сметет не брата,
А целиком весь род людской.

И все. Ни дьявола, ни бога,
Ни оправданья, ни вины.
И до созвездья Козерога —
Пустыня красной тишины.

* * *

Все ощутимее потери,
Все выше своды старых стен,
Все чаще хлопают те двери,
Куда уходят без замен.

Уходят времени солдаты,
Высокой чести имена,
Просчетов траурные даты,
Побед великих времена.

Уходят в сторону покоя
На голубые острова.
Уходят тихо с поля боя,
Где всходит новая трава.

Уносят свой позор и славу,
Допив последний мед и яд.
И на зеленую отаву
С усталой завистью глядят.

* * *

...Потому что нет меча.

В. Горопыгин

Мой друг умирает в постели
И как бы из жизни иной
Глядит через прошлые цели
Еще не прощенной виной.

Высо́ко тоски и печали
Плывут перед ним облака.
Но он от земли не отчалил
И к ним не причалил пока.

И здесь на пороге разлуки,
Еще непонятной дотоль,
Берет его в жесткие руки
Последняя женщина — боль.

Склоняется к белой кровати
И жизнь замыкает в кольцо.
И ставит страданья печати
Уже на чужое лицо.

Любовь, клевета и заслуга
В одном догорают огне.
И жизни на целого друга
Становится меньше во мне.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Когда тебе невыносимо тяжело,
Попробуй сделать хорошо тому,
Кого гнетет беда твоей сильнее, —
И сразу полегчает на душе
Сначала у тебя, потом у человека,
Которому ты сделал хорошо.
А дальше все пойдет своим порядком:
На две улыбки посветлеет сумрак,
На два шага приблизится рассвет,
И две звезды над хмурым океаном
Появятся, и мореход упрямый
На этот раз от гибели уйдет.

* * *

Не спеши улетать из души моей, красное лето,
Колокольчиком синим под облаком белым звеня.
Это псковские льны зацвели, и сегодня с рассвета
Голубеет земля в голубом обрамлении дня.

Этот пух одуванчиков правда похож на снежинки,
Конокрадом татарник в седом затаился овсе.

Пусть еще постоят прошлогодних раздумий
Дождясы серпа на посеянной мной полосе.
дожинки,

Отцветет медуница, и птицы натешатся вволю,
Перед тем как отправиться в самый далекий полет.
И прекрасная женщина тихо по тихому полю
В августовской печали на мой перекресток придет.

Я увижу ее на пороге последней разлуки,
Загляну в ее очи и что-то скажу невпопад.
И звезда, словно яблоко, скатится женщине
И цыганскою ночью загонит коня конокрад.
в руки,

ПЕРЕД УТРОМ

Наполненная жизнью тишина.
По листьям дождик — россыпью пшена.

На озере луна как полынья,
И на луне ленивый всплеск линия.

В прилипшей хвое круглые бока
Идущего к тропе боровика.

Из-под листа, как зрелости намек,
Румяной земляники огонек.

Хруст тонкой оболочки у яйца
И появление самого птенца.

И троекратный возглас петуха,
Как окончанье ночи и стиха.

1980

ИЗ-ПОД СНЕГА

Другого не было пути,
и я прощу, и ты прости.

К. Случевский

* * *

В какой закономерности,
Попробуй назови,
Измена учит верности,
А ненависть — любви.

Что быть должно, то станется,
И этим жизнь права.
Под снегом к солнцу тянется
Бездумная трава.

* * *

Росу в сирени солнце пьет
И стрелы в листья мечет.
А в солнце иволга поет
И ласточка щебечет.

В сверканье капель и лучей
Там, в середине лета,
Весь мир ничей, и ты ничей,
И песня недопета.

* * *

Вид из окна неприхотливый
В моем убежище глухом:
Куст бузины зарос крапивой,
Татарником и лопухом.

Стеснительно и неумело,
Как на сочувствие намека,
Горит в крапиве чистотела
Крестообразный огонек.

И это малое горенье,
Большого солнышка родня,

И крепостей старинных вроде
Снегов завалы и валы.
...А на Путиловском заводе
Еще куются кандалы.

Сибирь. Сибирь... И ветер в двери,
Как вестник бури у крыльца.
«В Россию можно только верить...»

Я тоже верю. До конца.

* * *

Весь мир туманный и неясный
И все загадки естества
Веленью разума подвластны
И совершенству мастерства.

Лишь только мастер видит всюду
Следы гармонии во мгле,
И только он умеет чуду
Помочь родиться на земле.

* * *

Есть хаос, есть порядок
И рядом с долгом честь.
И миллион загадок
В любой травинке есть.

Грядущее тревожно.
Прошедшее темно.
Возможное, возможно,
По-новому умно.

Из тьмы свинцовых копей
Прокладывает след
Заманчивых утопий
Передрабассветный свет.

Что истинно, что ложно —
Душе не все равно,
Прошедшее тревожно.
Грядущее темно.

Но над тоской и ложью,
Над всем, что не понять,
Идет по бездорожью
С грудным ребенком мать.
Идет, поет и плачет
У жизни впереди
И, прижимая, прячет
Ребенка на груди.

* * *

Освобожденное от пыла,
Вещает древнее число
О том, что в этом мире было,
Быльем и былью поросло.

И снова прошлому заслонов
Нет в мертвом шелесте страиц,
Где тьмы погибших легионов
Душ состоят из единиц.

И в каждой единице — чуду
Судьбы загадочный вопрос
И на предательство Иуду
Благословляющий Христос.

* * *

Иные пути и начала
Ушли мы искать в города.
И наша земля одичала
Без нашей любви и труда.

Мы быстро утратили корни
И песен великий запас
И стали грубей и покорней,
И радость оставила нас.

И в мире дотошном и пошлом
Опошлись наши умы,
И, не вспоминая о прошлом,
Забыли грядущее мы.

Назад мы дороги не ищем,
Живя на своем этаже.
Не ездим к родным пепелищам —
Нам некуда ехать уже.

* * *

Горят и светят сквозь ресницы
Промытой страсти янтари.
Иди. И радостью сторицей
Другую душу одари.

Мой дух тоской земли недужен.
Он мировую чует тьму.
И если я тебе не нужен —
Не нужен больше никому.

* * *

Мир бесконечен и богат,
И небо жизни звездно.
Пусть будет пахарем солдат,
Пока еще не поздно.

Пусть ярче светится во мгле
Мечта сторожевая.
Пусть жизнь ликует на земле,
Пока земля живая.

Земля — твой мир, твой отчий
дом,
Твои любовь и дети.
Храни ее своим трудом
И песней на рассвете.

Будь к совершенству устремлен,
Как колос — к солнцу в поле,
Пока бессмертие времен
И вера в нашей воле.

* * *

Все поглощающие воды
Времен усиливают бег.

Мы губим океан и земли
И прожигаем небеса.

Мы добираемся до точки,
Своих размахов не тая.
Скрипят, как обручи на бочке,
Круги земного бытия.

Чем мы еще потешим души,
Каких наделаем чудес,
Куда мы двинемся без суши,
Без океанов и небес?!

! * * *

Здравствуй, милая, здравствуй!
Еще примириться не хочет
С одиночеством дух, не насытились солнцем глаза,
Мне в моем декабре еще снятся июльские ночи,
Где раскатами грома гремит и играет гроза.

Как прекрасна гроза — очищение глубинной печали,
Возвращение вод издалёка к своим берегам.
«Здравствуй, милая, здравствуй!» —

кричу я в далекие дали
И все дальше на север иду по глубоким снегам.

Здравствуй, милая, здравствуй!
Пестрят пустыри земляничкой
Там, в июле твоём, где распахнута радости дверь.
Еще грезит душа и тобой, и тоскою великой
Предстоящей расплаты за счастье последних потерь.

Твой июль над рекою стоит, опершись о перила,
Отраженный в реке, ничего от реки не тая.
И река ему вечность на веки веков подарила.
Здравствуй, милая, здравствуй!

Да славится щедрость твоя.

Дрожь по листьям прошла. Это ветер далекого Юга
Прошумел по ополью. Конец наступает игре.
Здравствуй, милая, здравствуй!

Метет полуночная вьюга,
И забвение снега клубится в моем декабре.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НАРОВЧАТОВА

Еще один однополчанин
В дорогу вечности отчалил.
Ушел еще один солдат.
Ушел из жизни легкой тенью
К оставленному поколенью
Туда, на сорок лет назад.

Ушел к друзьям любви и чести,
Чтоб навсегда остаться вместе
На рубежах сторожевых.
Ушел связным времен и веры,
Примером мужества без меры,
Надеждой мертвых на живых.

Он был воистину поэтом.
Пусть жизнь печалится об этом.
И пусть не тронет никогда
Его судьбы и жизни дело,
Осуществленное умело,
Забвенья горькая вода.

* * *

Правда в старинной пословице есть:
Трусу — оружию, мужеству — честь!

Слава — за всех умереть одному.
Хитрость — коварству, победа — уму!

Горечь разлуки — великой любви!
Милая, мир возведен на крови.

В мир без войны мы поверить вольны —
Мир недоверия хуже войны.

* * *

Виднее в чаше жизни дно.
Короче ночи.
И все томительней одно
Из одиночеств.

А позади горит костер
У перевала,
Ликует песня, и простор,
И запевала.

И рады песне и весне
Трава и трубы.
И девочка твои во сне
Целует губы.

И сорок миллионов роз
Раскрыли веки.
И реки материнских слез
Текут, как реки.

А впереди и долг, и рок,
Томленье наше.
Последний горечи глоток
В последней чаше.

Но ты допей ее, допей,
И кости на кон.
Ты жил с людьми. И для людей
И пел, и плакал.

А что там будет впереди,
Мечтой не трогай.
И в одиночество иди
Своей дорогой.

* * *

Возникают и гибнут вместе
Слово славы и Дело чести.

Дело чести — основа Слова —
В Слове славы восходит снова.

И зовет, и ведет победу
Славой Дела судьбы по следу.

И спешит через уши в душу
Океанской волной на сушу.

Согласованность Слова с Делом —
Песня жизни на свете белом,

Песня радости и величья,
Человека привычка птичья.

И не Слово кончает с Делом —
А душа расстается с телом.

И летит за предел предела
Желтой бабочкой чистотела.

* * *

Это милое обаянье
Вашей прелести, Каринэ,
Через времени расстоянье
Нежной радостью светит мне,

И, вечерних раздумий дети,
В вашу честь, по вашей вине
Неразумные рифмы эти
Сочиняются, Каринэ.

* * *

И ты стоишь, как нищий,
И жизнь твоя пуста,
И скучны, как кладбища,
Родимые места.

У старого колодца
Корова не мычит,
И ласточка не вьется,
И кочет не кричит.

В одичалой кошки
Безумные глаза
На выбитом окошке
Горят, как два туза.

* * *

Я вам за все спасибо говорю:
За рваную вечернюю зарю,
Пронизанную ветром и печалью,

За горький дым
И за далекой далью
Пустых полей
Мелькнувший огонек.
Он для меня
Надежда и намек.

По щедрости души и своеволью
Погибелью и самой сладкой болью
Вы стали для меня в укор
календарю,

И я спасибо вам за это говорю,
За взгляд в мои глаза,
За легкую игру,
За взлет воображенья
На пиру
Охваченного страстью листопада.

Ах, если б знали вы,
Как безрассудно рада
Моя душа на вашем берегу
Опять цвести...
Я рад тому, что я еще могу
Сходить с ума...

* * *

В песках времен иссякнет наша речь.
Плоды и песни растеряет лето.
С томительного перекрестка встреч
И я уйду, и ты уйдешь. Но где-то

Проявятся незримые следы,
Которые и в нас оставил Гений,
Как тихие хрустальные цветы
В пустых полях ночных воображений.

Останется зеленая листва
На дереве познания былого
И музыка вселенского родства
В тоске еще не сказанного слова.

Железная дорога,
Далекой дали даль
От станции Тревога
До станции Печаль.

Мотаются колеса
В пыли из-под колес.
Высокий скат откоса
Мать-мачехой зарос.

И листья, как ладони,
Вдогонку машут мне
На этом перегоне
В распахнутом окне.

И машинист не хочет
Нажать на тормоза.
Гремучий гром грохочет,
И ветер бьет в глаза.

Локомотив задержан,
Как мерин молодой,
Вчерашнего восторга
Сегодняшней бедой.

Летучий поезд мимо
Летит, как заводной,
И родины родимой
И матери родной.

На дальнем перегоне
В далекой стороне
Мать-мачехи ладони
Ночами снятся мне.

Железная дорога.
Далекой дали даль.
Вчерашняя тревога.
Грядущего печаль.

* * *

Ах, женщина! Мне тоже опыт дан
Не замечать твой вековой обман.
И никогда
У бездны на краю
Я за обман тебя не укорю.
Мне вековая нравится игра
И неприметный проигрыш добра.
Е конце концов,
Мне за мое добро
Мое недостающее ребро
Вдруг стало женщиной...
И взгляд ее — закон.
Через нее я с вечностью знаком.
И там, в ночи,
На ложе всех начал,
Я перед ней о вечности молчал,
Пока для нас
Вселенная
Из звезд
К другой вселенной возводила
мост
И открывала миру, не тая,
Над бездной мрака
Солнце бытия.

* * *

Великая могучая река
Любви времен течет издалека.
И только евнух, жаждущий любить,
Теченье жизни может погубить.

* * *

Помолчи или оплакивай,
Или свой осмысли век.
На звонок в палате раковой
Нажимает человек.

А потом, собравшись с силою,
Шепчет в ватной тишине:

«Помоги, сестрица милая,
Встретить солнышко в окне».

Но не смотрится, не стонется,
Отступаются слова,
И к стене с подушки клонится
Неживая голова.

Вот и все. Судьба кончается.
Заметает время след.
За окном фонарь качается,
И в палате гаснет свет.

* * *

Увы, не представляет разум
Предела жадности своей,
Упрямо следуя приказу
Своих обманчивых затей.

Мы все доводим до предела,
Разъединяя жизни круг.
От наших действий поредела
Ее мозаика не вдруг.

Мир покорен, и мир покорен
Уму и делу, но, увы,
Мир, уничтоженный под корень,
Не восстанавливаем мы.

Посмотришь — кровь течет по жилам
стынет, —

Как это сделать мы смогли
Многоэтажные пустыни
Из нашей царственной Земли?!

* * *

Среди растений я не гений.
Я — подорожник. Я расту
По колеям твоих сражений
За жизнь, у жизни на посту.

В свою уверовав победу,
Я шел сквозь миллионы лет

По человеческому следу,
Собой означив этот след.

Я накопил упорства опыт,
Движеньем времени прибит,
Под дикий рев, под тяжкий топот
Опустошительных копыт.

Бежали люди, мчались кони.
Гремел огонь, редела мгла.
В мои зеленые ладони,
Как дождь, людская кровь текла.

И плоть мою в пылу атаки
С землею вместе на клоки
Колеса рвали, мяли траки,
Утапывали каблуки.

Но я вставал. Я — вон из кожи —
Лез на свою тропу опять.
Ты человек. Ты можешь тоже
Мое упорство перенять.

И я несу свою победу,
Свою надежду и любовь
По человеческому следу
И останавливаю кровь.

* * *

Все прочное висит на волоске.
Все совершенство держится на чуде.
Течет песок времен. И на песке
Бессмертие сооружают люди.

Спит танец легкой грации в зурне.
Спит мужество в необоримом страхе.
В зерне росток мечтает о зерне,
О вспышке — порох, и топор — о плахе.

В развалинах, на щелбе старых стен,
Уже другие вырастают стены,
В самом чередованье перемен
Глобальные клубятся перемены.

И через ночь пускается в полет
Гармонии пленительная птица.
На ветке ивы соловей поет,
В песчинке малой — хаос шевелится.

* * *

В июле по обочинам
Проселочных дорог
Иван-да-марья в очи нам
Пылает из-под ног.

Сияет синью верности
И желтизной измен
У жизни на поверхности
Двух душ единый плен.

Цветут без осторожности
Гостям для новостей
Две противоположности
Трагедии страстей.

Течение влечения
И временный причал
Взаимоисключения
Двух песен, двух начал.

Как радостно и молодо
Сейчас в твоей руке
Горят лазурь и золото
На тонком стебельке.

* * *

В пустой заброшенной избе
Покинутой деревни,
Покорная своей судьбе
Своею долей древней,
В последний раз на образа
Перекрестившись сухо,
Легла в углу, закрыв глаза,
Последняя старуха.
Сложила руки на груди,
Слезы не обронила

И обо всем, что позади
И впереди, забыла.
Всех, кто о ней забыл вдали
И ничего не знает:
Как умирает мать Земли,
Мать жизни умирает.

* * *

Пока душа твоя нежна
Восторгом вольной воли,
Тебе не боль моя нужна —
Преодоление боли.

Любовь и совесть — у ворот
Сторожевые башни,
Там в тень от завтрашних забот
Уходит день вчерашний.

Твой день в пути.
Мой вечер тих.
И ночь за нас в ответе.
А песни ласточек моих
Там, на твоём рассвете.

* * *

И душе сомневаться не ново,
И душа сомневаться права,
Делу слова поверив на слово
И растратив себя на слова,

Чтоб другая могла подивиться
Откровению истинных книг,
Где в бессмертии времени длится
Навсегда остановленный миг.

1981

ПОСЛЕ СВИДАНИЯ

Все во мне, и я во всем.
Ф. Тютчев

* * *

Виктору Астафьеву

И мне признаться впору
На склоне быстрых дней:
Был труден путь на гору,
А вниз — еще трудней.

Мерцала по ущелью
Таинственная мгла.
Гора высокой целью
К себе наверх звала.

Не все душа свершила.
Не все свершить могла.
Там, позади, — вершина,
На дне ущелья — мгла.

И память жизни строже
Беседует со мной.
И с каждым днем дороже
На склоне мир земной.

НОЧЬ

Стремительно, на всех наречьях споря,
Со всей земли, на радиоволне,
Все птицы человеческого горя
В полночный час слетаются ко мне.

И к прошлому, и к будущему жалость
Томит мой дух и требует помочь.
И незаметно вырастает малость
В глобальный крах — и раздвигает ночь.

Обожествляется тупая сила,
И гений перед силой лебезит,
И вырытая трусостью могила
Земле и людям гибелью грозит.

Последний крест ложится на страницы
Последней Книги Бытия. И чад,
Колебясь, растекается. И птицы
Погибели над гибелью кричат.

И я кричу, и радуюсь, и плачу,
Проклятие погибели кляня,
И начинаю веровать в удачу
Из гибели родившегося дня.

ОБРАЩЕНИЕ К ФАУСТУ

Времена и звезды меркнут,
Поворачивая вспять.
Заключает Фауст сделку
С Мефистофелем опять.

Не свою, а наши души
Предает и продает.
Оглушивая уши,
Гром гремит, и ливень льет.

Тяжкий мрак смертельной тенью
Накрывает все и всех —
За «прекрасное мгновенье»,
За сомнительный успех.

За гордыню страсти ветхой,
За ее последний пир.
Догорает мертвой веткой
Распадающийся мир.

Адской серою дымится
Беспредельный оком.
...Доктор Фауст, что вам снится
С Мефистофелем вдвоем?..

* * *

Ты предал смерти все живое,
Но этим сам себя не спас.
И, как расплата за бывшее,
Стал вечным твой последний час.

СЛОВО О СЛОВАХ

И я хочу на свете белом,
Чтоб слово снова стало делом.
Чтоб для послов
И для ослов,
Между вождей,
В кругу пророков
Прекрасный смысл
Прекрасных слов
Освободился от пороков.
Чтобы святое слово
«Честь» —
Не вызывало слова
«Мечь».
Чтоб утвердительное
«Да»
Произносилось
Навсегда.
Чтоб перед будущим ответ
Всегда держало слово «нет»!
Чтоб мир светлее стал и шире
И не пускался в распри вновь.
Чтоб вечно царствовали в мире
Надежда,
Вера
И Любовь!

СЕМЕНУ СТЕПАНОВИЧУ ГЕЙЧЕНКО

...Остапись, тайный страж,
в наследственной сени.

А. С. Пушкин

Мой друг пока еще в бою.
Давно намеченную смело,
Несет сквозь жизнь мечту свою,
Преображаемую в дело.

Мой друг, как истинный поэт,
Не разбазаривая, копит
В пустыне с бою взятых лет
Обид и бед прекрасный опыт.

Мой друг судьбой сторожевой
И понимаем жизни сущим
Из пепла сделал мир живой
На грани прошлого с грядущим.

Мой друг седою головой
Не может мыслить по-иному,
Приписанный, как домовый,
Навечно к пушкинскому дому.

Россия. Родина. Народ..
По городам земли и весям
Он вместе с Пушкиным идет,
Душою — прям и верой — весел.

НАДПИСЬ НА ПРОГРАММЕ КОНЦЕРТА ВЛАДИМИРА СЕЛИВОХИНА

Как голос музыки глубок
И как прекрасны эти руки,
Разматывающие клубок
Восторга и смертельной муки.

Какая власть дана струне
Звучать на полную отдачу!
...И все миры поют во мне,
И я во всех — пою и плачу...

ПОДНИМАЮЩЕМУСЯ НА ЭВЕРЕСТ

Мне тоже снился Эверест.
И в душу мне смотрели, дики,
Базальта ломаные лики,
Нагроможденные окрест.

Наплывы фирнового льда,
Сползающего по карнизу,
И затушеванная снизу
Провала темная беда.

Заносы снежные по грудь
И обнажение породы,

Где по велению природы
Обрезан дальше в небо путь,

И я дивился в мире том
Нас возвышающей гордыне.
...Но побывавший на вершине
Себе в долине строит дом.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА «КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО»

Один в тоске своих усилий
Не отлежишься на печи.
...А от чиновников в России
Темнеет, как от саранчи.

Раздумье учит средоточью,
И ужас душу холодит,
И — ночь не в ночь!
Чиновник
Ночью
Еще чиновников плодит.

* * *

*Директору конного завода № 97
Ивану Афанасьевичу Финько*

А конь был в самом деле золотой,
Как некий знак возможного предела,
На удивленье мира, налитой
Стремительной законченностью тела.

И он летел и золотил простор
Гармонии вселенской на потребу
По малахиту поднебесных гор,
По синему эмалевому небу.

Он тек подобьем золотой реки,
Заглавной буквой будущей страницы.
И хлопали глазами сосунки,
И прыдали ушами кобылицы.

Он был в мою седую душу влит.
Он сделал мир прекраснее и шире.
И я забыл тоску и боль обид
И многое, что помнил в этом мире.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СО СВИДАНИЯ

В одиночку идет от клуба,
Может, Маша, а может, Люба.
Возвращается со свиданья,
И счастливее нет созданья.
И смеется она, и плачет,
И улыбки и слез не прячет.
В платье праздничное одета
Голубого, как лето, цвета.
Ненадеванное, из шелка,
На груди с медальоном шелка.
И горят ее губы-маки,
Нерастроченной страсти знаки.
Плавно хлопают, словно птицы,
Золотые ее ресницы.
Голубея и золотея,
Со свиданья идет затея.
Подорожники по дороге
Ей бросаются прямо в ноги.
И клубятся кусты сирени
Сбоку волнами в белой пене.
Вот идет она, словно праздник,
Старых — тешит, а юных — дразнит.
Возвращается со свиданья.
И прекраснее нет созданья,
На вершине любви и лета,
На земле голубого цвета.

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Даль в неоглядной тает дали,
Покорная вечерней мгле...
Ах, как мы быстро растеряли
Свою приверженность земле.

Какая цель, какая сила,
Какой свободы мотовство
В нас, опарашив, погасило
С землею древнее родство.

Здесь розовело поле гречки,
Звенел шатиловский овес,
И клевера сбегали к речке,
Късром лиловым под откос.

Теперь здесь, к прошлому глухая,
Свободно царствует ольха.
И — ни мычания, ни лая,
Ни петуха, ни пастуха.

Ах, поле жизни, жизни поле,
Твоя судьба в моей крови,
Она подвластна горькой воле
Восстановления любви.

И это слово, этот клич мой
Диктует старый непокой:
Любовь была и будет личной —
И только! Больше никакой!

* * *

Опять не убраны хлеба
И не покошены покосы.
И пресловутая судьба
Не отвечает на вопросы.

Вороньи стаи гомонят,
Опять накликавая лихо,
И полосатых кабанят
Ведет на поле кабаниха.

ОДНОПОЛЧАНИНУ АЛЕКСЕЮ БРОВКИНУ И САМОМУ СЕБЕ

Противно пахнут пенсией
И сединой года.
Забудь, душа, претензии
И просьбы навсегда.

Ты отслужила времени
И вышла из огня, —
Соскакивай со стремени,
Расседывай коня.

Твоею славой громкою
Натешилась земля.
Бегут дорожной кромкою
К закату тополя.

Над тополями гибкими
Густеет легкий дым.
Мир удивлять ошибками
Настало молодым.

ПАМЯТИ НИНЫ АЛЬТОВСКОЙ

Есть самый тяжкий в мире крест —
Уйти из мира самовольно
От горькой боли этих мест
В места иные, где не больно.

А может, там еще больней
Душе, задумавшей такое
Освобождение от корней
В жестоком поиске покоя?..

Я в этом не осведомлен
И не допытываюсь цели.
Но мне глаза ее, как лен,
Цветущий в поле, голубели.

Да и сейчас порой они
Вдруг возникают где-то рядом
Живой голубизной, в тени,
Перед моим усталым взглядом.

* * *

Я всей жизнью своей виноват
И останусь всегда виноватым
В том, что стал неизвестный солдат
Навсегда неизвестным солдатом.

И в сознании этой вины
Собирая последние силы,
Я стою у старинной стены,
У его беспощадной могилы.

И гудят надо мной времена
Дикой страсти войны и разрухи.
И погибших солдат имена
Пропзносят святые старухи.

Чудо жизни хранят на земле
Смертным подвигом честные люди.
Но грядущее мира — во мгле.
Но печальная память — в остуде.

И тоска мою душу гнетет,
И осенние никнут растенья,
И по мрамору листья метет
Оскорбительный ветер забвенья.

СТИХИ СОЧУВСТВИЯ

Мой друг Борис Укачин
Душою чист и щедр.
Он в самом деле плачет,
Когда срубают кедр.

Когда, закончив дело,
Злодеи водку пьют,
А срубленное тело
Кому-то продают.

И Горного Алтая
Святая красота,
От этих действий тая,
Становится не та.

В Алтае Горном голо
От вырубок и сеч.
И действием глагола
Пора разбой пресечь.

О том кричит и плачет,
Один на белый свет,

Мой друг Борис Укачин,
Действительный поэт,

Помочь такому горю
Я рад и потому
Стихотвореньем вторю,
Сочувствуя, ему.

НЕ ВЕРНУВШЕМУСЯ ИЗ ТАЙГИ

Памяти Анатолия Клещенко

Под мерцаньем холодных светил
Во владеньях самой Немезиды
Он гордыней своей победил
Беспощадную хватку обиды.

Он простил обманувшую страсть
И предательство первого друга
И отдал свою душу во власть
Откровенья Полярного круга.

Колыма. Воркута. Уренгой.
Необъятная воля и сила.
Он прошел испытанье тайгой,
И тайга его усыновила.

НЕОТОСЛАННЫЕ СТИХИ

Памяти Е. С.

Смотрите: у заката на пиру
Смежило солнце золотые веки.
...Не с Вами ли опасную игру
Затеяли давно когда-то греки?
И Вам везет. Любая карта в масть.
А выигрыш — еще сто тысяч весен.
...Вы созданы затем, чтоб Вас украсть,
А у меня ни парусов, ни весел.

УТРЕННЕЕ ОБРАЩЕНИЕ

Нет солдата без генерала.
Генералу — солдата мало.

Разворачивается работа:
Появляется взвод и рота,
Образуется штаб. У штаба —
Аппетит растет без масштаба.
И глаголет в приказе строчка:
«Весь народ под ружье» — и точка.
И — «Пора обрушить удар свой
На соседнее государство».
С адъютантом летит в конверте
Предписание победной смерти.
И она над стихом и прозой
Пухнет атомною угрозой,
Без пощады и снисхожденья
К каждой радости в миг рожденья,
К пестрой бабочке в чистом поле,
К тихой песне на вольной воле.

Кто теперь остановит это
Добывание тьмы из света?..

* * *

Два окна, да кровать, да четыре стены,
Да свечение полночи ватной,
Да шуршание старой пустой тишины
И печаль о любви невозвратной.

О погибшей любви. Ни семьи, ни подруг.
И печали не будет отсрочки.
В изголовье смыкается медленный круг
Пенсионных ночей одиночки.

Воздух летнего города зноен и сух,
Лепетанье будильника глухо.
...Я дивлюсь на молчанье блокадных старух
И учусь у них мужеству духа.

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Мне обидно, когда молодое горячее племя,
Продолжая комедию ярмарки прошлых веков,
Всю вину за просчет, тормозящий летящее время,
Громоздит беспощадно на спины седых стариков.

Мне противно смотреть, как кичится болтливая
старость

И дороги твои закрывает тебе, молодежь,
И по старой привычке за каждую держится малость,
И трагедией пахнет в слова заключенная ложь.

От тревоги за жизнь никогда не стоял в стороне я
И сейчас говорю, откровеньем любви удивлен:
Пусть поэзия служит, от горьких обид не циняя,
Неподкупною правдой классической связи времен.

* * *

Молчанье откровенью не претит,
Но долго не показывает лика.
Звучание молчания летит
Через барьеры болтовни и крика.

Оно твою уже проходит дверь.
Прислушайся к звучанию молчанья
И, если сможешь, попытайся, сверь
С молчанием своей души звучанье.

* * *

На сирень и на флоксы смету
Израсходовали куртины.
Запылали вдогонку лету,
Словно факелы, георгины.

Беспокойной любви печали
И печали иного свойства
Мне приносит из дальней дали
Песня дальнего беспокойства.

В щели осени ветер свищет.
И сомнение ждет ответа,
И душа моя снова ищет
Через зиму: дорогу в лето.

СТАРЫЙ БОР

В бору сквозь ветки тихо
Сияет синий свет.

И ощущение лиха
На белом свете нет.

Деревья, словно боги,
Спокойны и просты,
От страха и тревоги
Не прячутся в кусты.

Под стать небесной крыше
Сосновые стволы
Стоят, красуясь, выше
Предельной похвалы.

В величии покоя
Умеет эта рать,
Стеной на месте стоя,
И жить, и умирать.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ЛЕБЕДЕВА

Жизнь твоя как прыжок с трамплина
В невозвратную глубину.
Мать умрет, не дождавшись сына,
У печали своей в плену.

Станет каменным у причала
Юной женщины силуэт.
Песне верности нет начала,
Окончания тоже нет.

Ветер времени снова ожил
И забвенья туман сорвал.
Космонавт, на тебя похожий,
Поворачивает штурвал.

И, глаза его окружая,
Открывается мир иной.
И томится душа живая
Невозвратною глубиной.

* * *

Плыви! Топи в глубинах моря
Все, что твоей душе не жаль.
С ехидной памятью не споря,
К другому берегу причаль.

Плыви туда, к далекой дали.
А я податься не могу,
Смоковница моей печали
Растет на этом берегу.

* * *

Пока мне все не все равно
И до всего есть дело,
Пока душа устала, но
Еще не опустела,
И я пока еще хочу
Идти навстречу встрече,
Догадываюсь, но молчу
О том, о чем нет речи,
Пока мне все не все равно,
Пока наш праздник с нами, —
Я постучу в твоё окно
Вчерашними стихами.

* * *

Как черновик в карандаше,
Мой рай необитаем.
Но он поет в моей душе
У пропасти над краем.

* * *

Живи, себя не мучая,
Прощенья не моля.
Все в жизни дело случая,
Союзнница моя.

У времени на совести
Печаль очей твоих,
А радость нашей повести
На совести двоих.

* * *

И. Г.

Что Вам виделось, я не знаю,
В светлый час на своей горе,
Но «весна без конца и без краю»
Начинается в январе.

И за верность весне и песне
И метельному январю
В этом мире, от горя тесном,
Я Вас тихо благодарю.

РОМАШКА

Ромашка, излучая свет,
На солнышко похожая,
Спешит везде за нами вслед,
Своя, не переходящая.

До поздней осени на нас
Бросает взгляды смелые
Ее веселый желтый глаз
Через ресницы белые.

Она в лугу, она в лесу
И рядом — на обочине.
По всей земле ее красу
Ветра рассредоточили.

По всем полянам и полям
Ромашка с мая месяца
На счастье вам, на радость нам
Растет, цветет и светится,

* * *

То, что в душу вошло, то, что душу задело, —
Непременно в дорогу тебя позовет.
Птица Феникс, что утром сегодня запела, —
Родилась из тревоги вчерашних забот.

И сегодня она через песню, быть может,
Чью-то душу сочувствия тронет огнем, —
А печалью сегодняшней души тревожить
Пусть летит на свидание с завтрашним днем.

1952

ЗАМЕТЫ ПАМЯТИ

И я, как все, возмездья не избег.

Данте

* * *

Опять снега в полях и долах
Снимает медленный туман
И роем призраков веселых
Весна пускается в обман.

И заставляет снова верить
В круговорот побед и бед,
И списывает все потери
С души, не требуя ответ.

Весна приходит без заминки,
Опять всему живому в дар,
И лезут малые травинки,
Как шпаги, через тротуар.

СОНЕТ ПАМЯТИ ПАВЛА ЯКОВЛЕВИЧА ГОЛОДРИГИ

...и пить в радости сердца вино свое.

Екклесиаст

В час отдыха от суеты сует
Дарует нам искусство винодела
Веселье духа и блаженство тела,
Преобразуя в песню белый свет.

Душа поет над пеплом прошлых лет,
Над тем, что было, что она хотела,
Что жизнь смелá и что она не смéла
Смести с души, уничтожая след.

О, время удивительных затей.
Там на заре разведанных путей
Ты светишься, надеждой золотея,

И на глазах вселенной и людей
Ты воскресаешь от глотка «Антея»
И набираешь силу, как Антей.

* * *

Он с богом говорил о многом,
Об этой жизни и иной, —
Но оказался бог не богом
Его судьбы — а сатаной.

* * *

Кричат гудки и стонут
Со всех концов земли.
И эти стоны тонут
В космической дали.

И эти стоны время
Мотает, как мотки.
Раскалывают темя
Ревущие гудки.

Ревут гудки в тумане,
Кричат гудки в туман
О будущем обмане
Сквозь нынешний обман.

Гудят в крови и пещле
Во весь раскат тоски,
Где жизнь в пустыне теплит
Случайные ростки.

Где тешит бесполезной
Надеждою удач
Ликующий над бездной
Ребенка первый плач.

* * *

Смотрю в окно на белый свет,
Ищу родные лица я.
Но лиц родных не вижу, нет, —
Кругом одна полиция.

Жизнь без начала, без конца,
Пустая и богатая,
Где есть у каждого лица
Четыре соглядатая.

Для важных служб, не из калек,
Те молодцы снаряжены.
Двадцатый век кончает век
Под взгляд замочной скважины.

*Каракас,
Отель «Хилтон»*

* * *

Нам душат души прошлого обноски,
Стартуют в вечность наши корабли,
А мы еще, товарищ Маяковский,
В конюшне века грязь не разгребли.

И захламлен поэзии колодец
Возвышенной ремесленной тоской.
И «человечьей силы полководец»
Пошел в размен на ярмарке мирской.

Что из того! Живет еще призыв
Надежды человеческого братства,
«Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся».

* * *

Андрей Платонов был Платоном
В моем неведенья лесу.
Я и сейчас к нему с поклоном
Свои сомнения несу.

И на путях причин и следствий,
В сосредоточенной тиши
Ищу надежных соответствий
С его душой моей души.

Его любви и мысли волны
Я по сей час благодарю.

И «без меня народ неполный» —
Себе и миру говорю.

БЕССМЕРТИЕ

Памяти Галактиона Табидзе

Разлад пророчеств и сомнений
Не в измерении пном,
А в этом заливают гений
Освобождения вином.

Потом, распахивая ставни,
Все связи времени круша,
Летит в бессмертие на камни
Без крыл с шестого этажа.

* * *

Амо Сагиану

Поэт, воспевший Зангезур,
Мне по душе твоя натура
И взгляд бездонный, как прищур
Пещер в ущелье Зангезура.

Мне по сердцу твоя любовь
К судьбой раздробленным камням
Веков познания и вновь
Из пепла вставшим поколениям,

Чья кровь в истории, в крови
Твоих стихов, стоящих прочно
На тихой верности любви,
Растрачиваемой построчно.

* * *

Нелепая отрада —
Как пистолет к виску —
Безумьем винограда
Глушить свою тоску,

Но ведь не много чести
И мудрости — уметь
Прожить со всеми вместе —
И вместе умереть.

Иль, вопреки тревогам,
Обиды не тая,
Впустую спорить с богом
О смысле бытия.

А лучше, все приемля,
Перепахав дерно,
В родную сеять землю
Пшеничное зерно.

И под открытым небом
На праздничном столе
Своим делиться хлебом
Со всеми наравне.

* * *

Ревазу Маргиани

В прекрасной ясности и в смуте,
Через сомнение и боль,
Твоей живой извечной сути
Коснуться, Грузия, позволь.

Пусть слово славы с делом слито,
Горит и светится во мгле.
Язык твой — есть твоя защита
Истоков братства на земле.

В самом полете жизни скорой,
Во весь тугой размах крыла,
Всегда твоей судьбы опорой
Твоя поэзия была.

Союз ее открытой выси
Навечно с вечностью скреплен,
Как гордость Грузии — Тбилиси
С моей Россией и с Кремлем.

Нам верность праздновать не впопе.
Она пребудет без греха
И впредь в биенье нашей крови
И в откровении стиха.

Пример единства слова с делом,
Достойный мудрого ума,
Возьмет в расчет на свете белом
Жизнь и история сама.

Тот жить в грядущем недостоин,
Кто опыт прошлого забыл.
Мне люб грузин — поэт и воин,
И мне его по нраву пыл.

Я братством равных время мерю
И не хочу судьбы иной.
Я жизнью в праздник жизни верю
Над бездной гибели самой.

* * *

Уолтер Мэй, я вас благодарю
За вашу службу нашей общей цели,
Которую у бездны на краю
Мы как спасенье разглядеть успели.

Где вечное движение вперед
Познания не терпит святотатства.
Где перевод не просто перевод —
А мост для человеческого братства.

Поэзия! Горит ее костер
На том мосту над отчужденья бездной,
Все голоса соединяя в хор
Своей необходимостью железной.

* * *

Дорога дальняя. Довесок
Луны. Крутом белым-бело.
Мой лес давно сгорел. Подлесок
Сыпучим снегом замело.

А жизнь летит. Кричу: «Куда ты?» —
Вдогонку ей, сбиваясь с ног.
Вокруг меня одни утраты:
В боях погибшие солдаты,
Победы траурные даты.
Я в зимнем поле одинок.

Все дальше тихий голос друга.
Дорога движется к концу.
И воет в поле юлчья вьюга,
И хлещет снегом по лицу.

ВДОГОНКУ ВЧЕРАШНЕМУ ДНЮ

Вчерашний день,
Вчерашний день,
Как далеко ты бросил тень
На день грядущий,
На века
Из своего недалека.
Я не клян
Твою вину,
Твою победу
И войну,
Кровавый пот
Твоих работ
В песках пустынь,
В тисках болот.
Твое усилие
И лень.
Я стал твоим,
Вчерашний день.
Ты — мой почет
И мой просчет.
Моя судьба
В твоей течет.
И мне
Со всеми наравне
Пришлось гореть
В твоём огне.
А без вчерашнего огня
Нет жизни завтрашнего дня.

18 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА

*Художникам Николаю Кутузову,
Борису Котлику,
Константину Молчанову,
Владимиру Селезеву*

У памяти старой в плену,
Не зная к себе снисхождения,
Художники пишут войну,
Живую картину сраженья.

И видят опять наяву
Разбитых траншей повороты,
Через ледяную Неву
Бросок беззаветной пехоты.

Гудит на ветру полотно
От жаркого грохота стали.
Погибшие в битве давно
Живыми из мертвых восстали.

Покорные кисти, пошли
В атаку по старому следу,
Уже различая вдаль
Добытую дважды победу.

* * *

А Ярославна все-таки тоскует...
К. Случевский

Устало море биться о ступени,
Померкло солнце, и отхлынул зной.
Былых времен разбуженные тени
В вечерний час беседуют со мной.

А кто сказал, что прошлое неявно?
Времен и судеб неразрывна связь.
Не перестанет плакать Ярославна,
Пока из мертвых не воскреснет князь.

Сегодня я проснулся на рассвете
 И вышел на балкон. Густой туман
 Едва светлел. Невидимое море
 Вздыхало тихо. И мое дыханье
 В чередованье выдоха и вдоха
 Не то чтоб повторяло ритм волны,
 А как бы продолжало песню жизни
 Светлеющего моря. И когда
 Я это понял — радостью родства
 Наполнилась душа моя, как в детстве.
 Мне показалось, что рассвет внутри
 Меня светлел и делал тело легким,
 Как музыка. Я, растворяясь, мог
 Уйти в туман туманом, каплей — в море,
 Дыханьем — в небо.

И заплакал я
 От счастья сопричастности всему,
 Что хочет жить и радоваться жизни.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПОСЛЕ КОНЦЕРТА ВЛАДИМИРА ФЕДОТОВА

Грустный мастер во ффраке с чужого плеча,
 Открывая любви очарованный берег,
 Разгораясь, колеблется словно свеча
 Над кончиною века истощных истерик.

И поет его флейта над чашей души,
 Переполненной истинной радости медом.
 И в природе, в ее глубочайшей тиши,
 Открываются выходы тайным свободам.

Растворись в этой музыке и воспарь
 Возрождения верой, рожденной в Адаме,
 И почувствуй, как жизни твоей пустыри
 В час рассвета уже зеленеют садами.

НА ПОРОГЕ СТАРОГО ТЕАТРА

Здесь легкий жест и чистый голос
 Сверкали мне, как счастья весть.

Моя душа росла, боролась,
Цвела и ликовала здесь.

И жест, и голос были правы,
Был нескончаем их полет.
В моей душе восторгом славы
Два века музыка поет.

Ей нет границ и нет замены,
Она у времени в крови.
Она входящих в эти стены
Венчает мужеством любви.

ИЗ ПИСЬМА И. А. ХАЛИФМАНУ, АВТОРУ КНИГИ «ПЧЕЛЫ»

Над прошлым — мрак.
Над будущим — туман.
Погрязло человечество в обмане.
Для жизни ищет мудрый Халифман
Закон родства, затерянный в тумане.

Идет, не ожидая похвалы,
За тем, что рядом, но от нас сокрыто, —
Таинственной дорожкой пчелы,
Путем неистребимого термита.

Идет по следу стершихся примет,
Через мосты, раскинутые шатко,
Чтоб в толще лет
Увидеть четкий след
Гармонии разумного порядка.

КОЛЬЦО

Честное слово
И доброе дело
Дух поднимают
И радуют тело.

Доброе дело
И честное слово —

Жизни и песни
Душа и основа.

Жизни надежду
Берут на поруки
Чистые души,
Умелые руки,

Чтобы душа
И земля молодеда
Честного слова
И доброго дела.

* * *

Кричит о верности измена.
Клянется правдой клевета.
А жизнь опять встает из тлена,
Все тем же солнцем залита.

И этой юной жизни снится,
Как нам когда-то, — новый путь.
...И наша радость повторится
Когда-нибудь и в ком-нибудь.

* * *

От праздников и буден
С тобой в конце пути
Туда, где нас не будет,
Хотел бы я уйти.

За грань любви и горя
Земного бытия,
О будущем не споря,
Былого не тая.

Где вечность дует в уши
Мелодией иной
И примиряет души
Нездешней тишиной.

Где вьюга гасит очи
И замечает след
В слепой пустыне ночи,
Рождающей рассвет.

1983

СТИХИ ПРОШЛОГО ЛЕТА

Мы взор вперяем в даль
и верим в час прилива.

В. Гюго

* * *

Песня иволги спета, и сны пересмотрены все,
И от горького счастья, проснувшись, заплакать
не стыдно.

Ты уходишь туманом в туман по туманной росе.
Ты уже не вернешься. Следов за тобою не видно.

Что там будет с тобою на дальнем твоём берегу
И кому по какому придется гулять водополюю —
Я не знаю об этом, и ведать о том не могу,
Как я буду справляться с последнею сладкою болью.

Песня иволги спета, и скошены травы уже.
Пахнет утренний ветер заботливым запахом сена.
На туманном рассвете пустынно в пустынной душе.
Что ушло — то ушло, и ему невозможна замена.

Но когда-нибудь, слышишь, измене измен изменя,
Из своей невозвратной, оглохшей от времени дали
Ты оклихни меня на исходе туманного дня
И согрей мою душу туманом последней печали.

* * *

За сутками новые сутки
В вечерней скрываются мгле.
И тихо мои незабудки
Цветут на вечерней земле.

Где я удивлялся и плакал
И там, где любили меня,
Цветут эти легкие знаки,
Как вспышки живого огня.

И вновь лебединое лето
В моем зеленеет окне.
И кто-то, откуда-то, где-то
Опять улыбается мне.

И машет и машет рукою,
За мною идет не спеша.
И снова, на склоне к покою,
Моя голубеет душа.

ПАМЯТИ ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКИ

Жил Лорка в мире против правил,
Как должен в мире жить поэт,
Он жил и цел и в песне славил
Любовь, которой в мире нет.

За это Лорку расстреляли
На пустыре в рассветной мгле.
И песню в землю закопали,
И стало мерзко на земле.

Стреляя в Лорку, сатанели
От ненависти палачи.
Но песню Лорки люди пели
И тихо плакали в ночи.

И в песне — будущего вестник —
Вставал расстрелянный поэт,
И оживала с песней вместе
Любовь, которой в мире нет.

* * *

Отторженность моей души — вина
Моей души, мои просчеты множит.
Не радуйся чужой беде — она
Назавтра быть твоей бедою может.

Корысть — тупа, а скаредность — бедна.
Обман и злость — не прибавляют чести.
Земля — едина, жизнь у всех — одна.
И правдник жизни всем дарован вместе.

* * *

Чиста, светла и глубока
Река небесной сини.

Классические облака
Плывут в ее пустыне.

Плывут неведомо куда,
Неведомо откуда,
Выстраиваясь в города
Несбыточного чуда.

Метаморфозы облаков
Таят в себе угрозы
Затмить поэзию веков,
Прошедших веком прозы.

Как будто прошлые века
И будущего мысли
Сгруппировались в облака
И над землей зависли.

И ждет земля своей судьбой
Последнего ответа,
Чем кончится небесный бой
Стихии тьмы и света.

ХУДОЖНИКУ ВАСИЛИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЗВОНЦОВУ

Вода застывшая и тина,
Осоки синие усы,
На камышинке паутина
В рассветных капельках росы.

И лягушонок на зеленой
Ладони лилии речной,
Как принц, увенчанный короной,
Сидит над пропастью ночной.

Мир оживает. Сказка длится
У вечной юности в плену,
И вечность юная глядится
В загадочную глубину.

И погружается в картину,
В ее осмысленную суть.

...Художник разгибает спину
И улыбается чуть-чуть.

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЛЕВОНУ МКРТЧЯНУ

Сны наши вне закона
В сознании парят.
И я сквозь сон Левона
Гляжу на Арарат.

Я вижу: мыслью смелой
И страстью обуян,
К его вершине белой
Уходит Абовян.

Идет по диким тропам
Вслепую, наугад
Ущельем, меж потопом
Разбросанных громад.

По вековому снегу,
Закованному в лед,
К туманному ковчегу
Спасения идет.

За ним из тьмы столетий
На каменный редут
Трагические дети
Армении идут.

Они свое свершили,
Оставив в жизни след,
Но им без той вершины
Успокоенья нет.

Сквозь бури и бураны
На справедливый суд
Они к вершине раны
Армении несут.

Ни жалобы, ни стопа —
Идут за рядом ряд.
....Сквозь сон во сне Левона
Я вижу Арарат.

ПЕЧАЛЬ ПО ЖАВОРОНКУ

В. Т. Христенко

В своем паренье после взлета
Прекрасна жаворонка песнь.
В ее святой свободе что-то
Нас возвышающее есть.

С заботой о насущном хлебе,
Неповторимо хороша,
Парила с жаворонком в небе
И пела пахаря душа.

Высокой радовались доле
Земля-кормилица и мать.
...Но песни жаворонка в поле
Сегодня что-то не слышать.

Куда ты скрылся, гость любезный?
Куда, грядущее губя,
Своею музыкой железной
Двадцатый век загнал тебя?

Ужель ты не вернешься боле
На праздник радостных забот?
Ведь нет без жаворонка поля,
И неба нет, и хлеб не тот.

ПОСЛЕ СМЕРЧА 9 ИЮНЯ 1984 ГОДА

Шел смерч. Гремел палач летучий
В сверканье молний ножевых,
Соединяя землю с тучей,
Мешая мертвых и живых.

Ломал столетние деревья
И разносил в щепу дома,
Как наважденье недоверья
Слепой стихии и ума.

Шел смерч. И — смерть не знала меры.
Шел смерч. И — смерть гуляла здесь,

Как возмущенья атмосферы
Заадресованная месть.

Потом на поле дикой мести
Разъятый болью мир молчал
И ждал с моей душою вместе
Соединяющих начал.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ТРУДНЫ СЫЧУАНЬСКИЕ ТРОПЫ»

Нужно все перевернуть,
Что стояло вверх ногами.
Ай Цын

Сложен мир. Идеи гибки
И двулики в свой черед.
Осмысление ошибки —
Есть движение вперед.

Делу мира служит лира
Музыкой своих глубин.
В совершенстве жизни мира
Человечий род един.

Он тебя с собой не разнит.
Он роднит тебя, любя,
С жизни праздником. И праздник
Начинается с тебя.

ВСПОМИНАЯ БОСХА

Запевают золотые трубы,
Жаворонки вторят им, ликуя,
Розы раскрываются, как губы
Раскрываются для поцелуя.

И, сметая наважденье страсти,
Поднимаясь в грохоте и гаме,
Небо разрывается на части,
И земля вскипает под ногами.

* * *

Они играют и поют
За то, что им дают.
Они поют и говорят
Лишь то, что им велят.
Они без ложного стыда
Меняют «нет» на «да».
Они на «против» и на «за»
Глядят, закрыв глаза.
Они для всех дают пример
С «низов» до «высших сфер»,
У них в распоряженье есть
Одно лишь свойство — лесть.
А почему?
Да потому,
Что их искусному уму
Дает возможность эта лесть
В любую щель пролезть.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ ПАМЯТНИКА НА МЕСТЕ ГИБЕЛИ ЮРИЯ ГАГАРИНА

Без ангела и Люцифера¹
С космического корабля
Его глазам открылась сфера
Вселенной и сама Земля.

Быть может, он и в смерти нечто
Непостижимое постиг,
Что вечность Вечности не вечна,
Когда ей равен малый миг.

* * *

Вся боль и горечь мира —
Здесь, на моей груди.
Утешь надежду, лира!
Грядущий день — гряди!

---

¹ В драматической поэме Байрона «Каин» Каин идет с Люцифером в «бездне пространства» и оттуда видит землю (действие II, первая сцена).

Над пропастью печали
Осатанелых дней
Явись из дальней дали
Для радости людей.

Позволь мои тетради
Далеким дням узреть.
И дай мне, жизни ради,
Спокойно умереть.

СЕБЕ САМОМУ НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Все, что осталось там, за гранью
Воспоминаний, — не тревожь.
Не позволяй очарованью
Плести несбыточную ложь.

И то, что не было и было
За долгий век, за трудный путь,
Что отошло, что отзнобило,
Отволновало, — позабуди.

Закрой глаза на эту повесть
Клятв и обид, на ад и рай.
И не суди вторично совесть,
И приговор не повторяй.

Но эта радость, что дается,
Как благо высшее, двоим,
Пусть тайно в тайне остается
Очарованием твоим.

* * *

Завывает по-волчьи пронзительный ветер в трубе,
Шпарит дождь обложной по дырявой соломенной
крыше.

Я растратил себя на прекрасной дороге к тебе,
Как мне было, наверно, судьбою положено свыше.

Доцветают дрова. Догорает подобно огню
Память песни. Сгущаются сумерки в чаще.
Я и в мыслях печали едва ли уже догоню
Свет от музыки счастья, всегда за тобою летящий.

Этот свет открывается одновременно двоим,
Как глубинная тайна, как жизни высокая почесть.
Пахнут губы мои в эту дикую полночь твоим
Медом с тихого праздника пасеки двух одиночеств.

* * *

Я лишь с тобою быть могу
У страсти в огненном кругу
На той вершине бытия,
Где больше я уже не я,
Где исчезают долг и честь,
Где только будущее есть.

БЫВАЕТ

Заволокло и скрыло
Туманом день с утра.
И холодно и сыро
До самого нутра.

Промозглая погода
Стоит уже дней пять.
Какое время года,
Без водки не понять.

Не лето и не осень,
Не скука, не печаль.
Лишь только дождик косит
И застилает даль.

И знает, что не надо,
А все-таки идет.
И прошлого — надсада,
И будущего — гнет.

И дождь дыру на крыше
Иголкой не зашьет.
...Письма никто не пишет.
И телеграмм не шлет,

СОНЕТ ИЗ АЛЛЕИ АННЫ КЕРН

Зачем вы мне прислали розы?
Мне было б лучше увидеть
Улыбку Вашу, взгляд и стать
В тени моей житейской прозы.

Но у судьбы свои прогнозы:
Вам — Вашей прелестью блистать,
Мне — любоваться и листать
Моей судьбы метаморфозы

И между старых лип порой
Воображения игрой
Услышать отголоски речи

В аллее этой бывшей встречи,
Явившей миру целый рой
Легенд о доблестях предтечи.

ЛЕГКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Как было все красиво
И молодо кругом.
Серебряная ива
Над бархатным прудом.

И дом, горбатый мостик
Через ручей, и круг
Старинных лип, и госте-
Приимный лес, и луг,

И на поляне дико-
Растущая меж пней
Пылала земляника
Созревшей страстью в ней.

И где-то за холмами
Спешила к нам не за-
Мечаемая нами
Июльская гроза.

* * *

В душе раздумьем остуди
Огонь тоски глубоких ссадин.
Допрежь других себя суди
И будь предельно беспощаден.

Заговорил, так говори
Души святую правду, то есть
То, что до утренней зари
Тебе сказать успела совесть.

Доверься собственным глазам,
Осмысли все свои потери.
Потом уже кричи: «Сезам,
Откройся!» — у закрытой двери.

* * *

Верить хочу
Солнца лучу,
Слову,
Которое делом доказано,
Делу,
Достойному чести и разума.
Жизни
Рожденных
Мира строителей
Без побежденных
И без победителей.

1984

ВПЕРВЫЕ В АМЕРИКЕ

* * *

Иль нам до братства не добраться,
Не проторить к вершине след,
Иль человеческое братство
Безумцев праздных дикий бред,

Иль эти ненависть и спешка
Жизнь опрокинуть волей злой—
Не что иное, как насмешка
Седого неба над землей?!

ЕЩЕ ОДНО НАПОМИНАНИЕ

Мир от тревоги сир и сер,
Тяжел, как плаха.
И держит в мире мир барьер
Слепого страха.

Будь жизни часовым! Замри
На том барьере.
Война — проклятие земли —
Стоит у двери.

АПЛОДИСМЕНТАМ, ПЕРЕХОДЯЩИМ В ОВАЦИЮ

Ответственности строгие слова
Теряют смысл и ощущение ноши,
И думать забывает голова,
Когда усердно хлопают ладоши.

ГОРЬКИЕ СЛОВА ПЕРЕД БЕЛЫМ ДОМОМ

Жизни вечная основа,
Растеряв свои права,

Потеряла силу слова, —
Стали мертвыми слова.

Человечество калечат
Радзациа и яд.
Референты пишут речи,
Президенты — говорят.

Окружен поганой ложью
Вечной истины редут.
И впотьмах по бездорожью
Ссвесть с правдою бредут.

ЧИТАЯ КНИГУ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА «БУНТ РАЗУМА»

В наши дни, на исходе двадцатого века,
Власть насилья над жизнью, сильна и груба,
Душит личную сущность души человека,
Превратив самого человека в раба.

И страшит меня вечным покоем разлуки
С тайной жизни над пеплом и прахом разрух
На себя самого поднимающий руки
Безысходностью загнанный творческий дух.

* * *

Утроба моя возненавидела меня.
Савонарола

Не в силах помнить и забыть
Восторга и соблазна,
На грани быть или не быть
Душа во лжи погрязла.

Не веря больше чудесам,
Из собственного тела
Душа взлетела к небесам
И там оледенела.

И, чувствуя свою вину,
Безрадостнее пепла,

Душа спустилась в глубину
И навсегда ослепла.

У ПАМЯТНИКА АЛЬБЕРТУ ЭЙНШТЕЙНУ В ВАШИНГТОНЕ

Глядит в раздумии великом
Альберт Эйнштейн, оцепенев,
Напоминая скорбным ликом
Недоумение и гнев.

Как бы отравленный дурманом
Перед ударом наповал,
Как лез, которого обманом
Обезобразил коновал.

Глядит — живущему наука, —
Как Прометей, лишенный сил.
В его глазах тоска и скука
И грех грядущих Хиросим.

* * *

Есть в человеческих затеях
Незавершенность и просчет.
Двадцатый век живет в Помпеях,
Его отчаянье печет.

Он от потерь не образумел,
Он, в расточительности щедр,
Построил сам себе Везувий
И вызвал дьявола из недр.

Дымится кратер тучей пепла,
И над землей клубится страх.
Надежда робкая ослепла,
И гений прячется в кустах.

* * *

Нажиться хочешь?! Начинай! Спеши
Ограбить ближних на дороге лживой.
Но полное отсутствие души,
Увы, не восполняется наживой.

* * *

Над Гулливером меч
Заносит лилипут.
И не предостеречь
Предательских минут.

Нет ни надежд, ни вер,
В душе Земли — зима.
Спит Гулливер,
А Свифт — сошел с ума.

* * *

Двадцатый век. Кровавый век.
Что ты наделал, человек?!
Твоя жена рожать не хочет.
Твоя жена дрожать не хочет
Над тихим ужасом калек.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ДЖЕЙМСА ДЖОНСА «ТОЛЬКО ПОЗОВИ»

Джеймс Джонс — прекрасный американский писатель, боевой офицер второй мировой войны, хорошо понимающий солдатское братство. Его книга «Только позови» — это гимн солдатской верности, преданной воротилами войны, наживающими на солдатском подвиге миллионы,

Победы. Просчеты. Провалы.
Салюты торжественных дат.
Живут на земле генералы
И в бой посылают солдат.

Легенды о подвигах бают
И память, как жвачку, жуют.
Солдаты в боях погибают.
В веках — полководцы живут.

На кровь разгораются вкусы,
И дьявол плодит дьяволят.

И красноречивые трусы
Вину на погибших ваяют.

И Правда в обители тесной
Не спорит уже с клеветой.
И только солдат неизвестный
Под мраморной стонет плитой.

* * *

Безумен мир или спокоен —
В миру, как в собственном доме,
Ты жить по вольной воле волен,
Не подчиняясь никому.

Ты волен в горький миг соблазна
Не отличить от меда яд,
Идти по миру сообразно
Туда, куда глаза глядят.

Ты волен песни вольной волей
Весь мир на смертный вызвать бой
И защитить его от болей
Своею собственной судьбой.

1984

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ДНЕВНИКА ГАМЛЕТА

* * *

Безумие сегодня правит миром,
А совести всевышний не дает
Кормилом править. И летит,
Возлюбленная Дания, корабль
Твоей судьбы на скалы или в бездну.
И душу мне предчувствия томят,
Жестокие и страшные. Я знаю,
Что кровь рождает только кровь. И кровью
Пропитана земная глубина,
И небеса закатные кровавы,
И не отмыть ни рук и ни души
От крови, захлестнувшей этот мир.
Я выхода не вижу. Только знаю:
Тень духа моего закроет
От Солнца Землю... Быть или не быть...

* * *

Я — человек, и я ищу родства
С живой душой живого естества.
С глаголом птиц и с музыкой планет —
Со всем, чему определенья нет.
Я оставляю плен моих страстей,
Безумие безумных скоростей,
Тоску рабов, величие господ,
Тщеславия сомнительный испод,
Коварство правды и наветы лжи
И хитрости змеиные ножи.
Сомненья душу истерзали мне.
Душа горит на медленном огне.
И в этом нет виновного. Я сам
Ее доверил ложным парусам.
Уста мои в запекшейся крови
Пустыню мира молят о любви.

* * *

Святая правда есть,
Но что с нее возьмешь?..
Власть любит лесть,
А лесть рождает ложь.

И нас с тобой
Опутало вранье.
И над земной судьбой
Кружится воронье.

* * *

Надежда ушла и пропала.
Движенью времен вопреки,
У страшного власти штурвала
Остались одни старики.
Скрипят корабельные снасти,
И старые кости скрипят.
И жаден у старческой власти
Живое пугающий взгляд.
Никто не дает суесловью
Доверья души напрокат.
И братоубийственной кровью
Горит королевский закат.

* * *

Коварней в жизни нет напасти
Неутоленной жажды власти.

Не может получивший власть
Навластвовать ею всласть.

Становятся от этой власти
Земля и небо черной масти.

И вот у бездны на краю
Я у всевышнего молю:

Не дай мне, господи, попасть
Неутолимой власти в пасть.

* * *

Страсть не подвластна разуму. Но страсти
Подвластен разум. Он у ней в плену,
Где отклонений вечные напасти
Тумана разрывают пелену.

И солнце зацветает на известке,
И постник забывает о посте,
И человек опять на перекрестке,
И мысли человека — на кресте.

* * *

Я все ищу сестру и брата
На огненном закате дня.
И смотрит солнце виновато
И безнадежно на меня.

Плотней туман. И пропасть — шире.
Темно. Потух огонь в костре.
Мне не найти в полночном мире
Дороги к брату и сестре.

Не жить мне без сестры и брата.
Сестре и брату — без меня.
Стена и ночь. И нет возврата
В пустыню завтрашнего дня.

* * *

Не гремит, подобен грому,
Зов архангельской трубы,
И сегодня по-другому
Называются рабы.

Реки бьют из-под развалин,
Красной кровью клокоча.
И сегодня шею Каин
Рубит Авелю сплеча.

Радость для души и тела
Прекратила бытие.
Может, совесть отлетела,
Или не было ее?

* * *

О, господи, я попросту скоморох.

Гамлет

Офелия, вельнем той свободы,
Той памяти, которых не избыть, —
Пока земные не иссякнут воды,
Мне за тобой по всем теченьям плыть.

До райских врат или до адской бездны
Я приговора рока не корю.
Я только знаю: слезы бесполезны
У райских врат и бездны на краю.

Нам выпала одной судьбы страница,
Одних восторгов общая беда.
И нам с тобою не разъединиться
И не соединиться никогда.

Об этом я с тобою вместе плачу,
Пытаясь склеить раздроблённый мир,
С тобою вместе верую в удачу,
Которую придумает Шекспир.

* * *

Великих истин в мире есть немного,
Но их хватило для того, чтоб в мире
Жил человек свободно и достойно
Великих истин. Но не так-то просто
Устроен разум человека. Он
В извечном недовольстве вечно ищет
Из тупика познания новый выход
В другой тупик над бездной бытия.
Как бесконечна в бесконечном мире
Дорога превращений естества
На трудной и опасной для природы
Дороге совершенства человека.
В который раз я вновь читаю мудрость,
Что «трусами нас делает раздумье»,
И сам себе внушаю: на сомненьях
Раздумий наших истины растут.

1984

ДЕСЯТЬ СОНЕТОВ ИЗ МИХАЙЛОВСКОГО

СОНЕТ АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ ПУШКИНУ

Пока на земле существует насильственная
смерть, поэт должен погибать первым.
Поль Элюар

В чем пушкинского гения основа
И чем его прозренья хороши?..
В свободном изъяснении души
Естественной раскованности слова,

И если воспринять его готова
Твоя душа, не опоздай, спеши
Поймать его и в творческой тиши
Своей судьбой его наполнить снова,

Что из того, что лжепророки лживы?
Извечная поэзия с тобой
За жизнь и честь ведет смертельный бой.

И мир живет, пока в том мире живы
Твоей души прекрасные порывы,
Оплаченные пушкинской судьбой.

СОНЕТ ВОСПОМИНАНИЯ О ХАТЫНИ

День отликает золотом и синью.
Синеет небо — вечности река.
Белеют в синем небе облака.
Прекрасен мир! И нет причин унынию.

Но колокол печали над Хатынью
Трагедией своей издалика
Предупреждает новые века.
И вечность пахнет горькою полынью.

И жизнь у смерти требует ответ,
Историей положенный по смете.
И человек один за все в ответе.

И новый след ложится в старый след.
Нет без любви гармонии. И нет
Без человека вечности на свете,

СОНЕТ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОМУ МУЗЕЮ

М. П. Мигуричу

А. А. Дувидову

Я динозавра глажу кожу,
Наростов бурые бугры.
Но он не чувствует игры,
Которой я его тревожу.

Я век на век делю и множу,
Свожу эпохи и миры.
И той, и нынешней поры
Родство своей судьбой итожу.

Я бесконечен в этой пуще
Природы и ее затей,
Моих врагов, моих друзей.

Мне открывает жизни сущей
Прошедший мир и мир грядущий
Палеонтологический музей.

СОНЕТ СПУТНИЦЕ

Они прожили долгую жизнь
и умерли в один день.

А. Грин

Всю жизнь крыло в крыло вдвоем
В немыслимую даль
О счастье призрачном печаль
Несем своим путем.

А что мы в будущем найдем,
Что нам в прошедшем жаль?
Какой судьбы какая сталь
Не рухнет под огнем?

Какой сигнал сыграет медь,
Каким громам в грозу греметь
Не по календарю?

Не ведаю, но говорю:
Есть счастье вместе улететь
В последнюю зарю.

СОНЕТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Не взрыв — а Времени обрыв!..
Раскрепощеньем силы в силе
Мы суть материи взбесили,
О тайне жизни позабыв.

Распадом дьявольским накрыв
Весенний праздник доброй были,
Прорвались болью в Чернобыле
Все наши беды, как нарыв.

И мир застыл и смотрит грозно
В твои глаза, двадцатый век,
Тоскою будущих калек.

Земля в цвету, и небо звездно.
Остановись, пока не поздно,
Над бездной мрака, человек!

СОНЕТ ВЧЕРАШНЕМУ ДНЮ

...Но то, что было истинно великим, —
Останется великим навсегда.

Н. С. Тихонов

Моей судьбы кончается река.
Я вглядываюсь медленно и строго
В то, как меняется моя дорога,
И — выхожу на финиш старика.

Печаль моих ошибок глубока.
Открытий мало, а просчетов — много.
И над тоской последнего порога
Надежд последних тают облака.

Грядущий день меня еще тревожит,
Прошедшее — под ложечкой сосет,
Раскаяние — как мороз по коже,

Судьбы и долга предъявляет счет.
Ложь никому на свете не поможет
И никого на свете не спасет.

СОНЕТ НЕ ПОДВЕРЖЕННОМУ ДЕЛЕНИЮ

От казни одиночеством спаси
Мою судьбу на берегу печали.
Она в такие залетела дали,
Где трудно удержаться на оси.

И ты внимательно порасспроси
У собственного опыта вначале:
Ведь те же волны и тебя качали,
Что и меня. И — глазом не коси.

Плутали мы в одних страстей лесу.
И я тебя в своей судьбе несу,
Твою печаль своей снимая мукой.

Наш мир неразделим. Тому порукой
Вся наша жизнь. И я тебя спасу
От казни одиночеством и скукой.

СОНЕТ ВЕЧЕРНЕМУ РАЗДУМЬЮ

Черти не мелом, а любовью
того, что будет, чертежи.

В. В. Хлебников

Земля плывет одна в рассветной мгле.
Вокруг нее и холодно и пусто.
И, заклиная, просит Зоратустра
Людей остаться верными земле.

Земля — корабль. На этом корабле
Раздора — много, а любви — не густо.
И спорит пресловутое искусство
С погибелью, запрятанной в стволе.

У совершенства мира нет конца,
И у раздора тоже нет границы,
И разуму не просветить глушца,

Глушцу — понять бессмертные страницы
Немыслимо... И маются сердца.
И с древа жизни улетают птицы.

СОНЕТ АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

А. А. Блок

Пророчества кончаются Голгофой.
Кошмарны ночи. Суетливы дни.
И прошлый опыт прячется в тени.
И будущее пахнет катастрофой.

Классически — эпоха за эпохой
Сменяются, одна другой сродни.
А ты, Сизиф, опять свой груз тяни
На голую вершину и — не охай,

Дорога совершенства далека.
И в размышленья мало утешенья.
Волчок вселенной крутится. Века

Отшвыривая в сторону крушенья.
И ты крутись, душа моя, пока
Не кончилась инерция движенья.

СОНЕТ ВСЕОБЩЕМУ ПРАЗДНИКУ

...когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

А. С. Пушкин

Проявленная прихотью ума,
Прекрасная душа в прекрасном теле
И — золотое рук искусство в деле, —
Не в этом ли гармония сама?!

Есть в каждом человеке закрома
Для достижения благородной цели,
Нетронутых возможностей доселе
И хитрого познания тома.

Все то, что было до тебя, по кругу
Пришло к тебе. Возьми и подивись
Своим истокам. Северу и Югу,

И Западу с Востоком поклонись.
И сей зерно! Живи на радость другу,
И хлебом с ним и песней поделись.

1986

СЕГОДНЯ

...ибо нет ничего тайного, что не будет явным¹.

Евангелие от Фомы

НЕ ТОРОПИСЬ

Не торопись. Не накликай беду.
Бедя всегда бежит на поводу
Бессмысленной поспешности. За ней
Азарт торопит табуны коней
Безумия. И рушится сама
Гармония пытливого ума
В сомнениях растерянной души.
На празднике природы не спеши
За птицей нетерпения. Не сглазь
Времен соединяющую связь
Надежного родства. Не прогляди
Пустыню отчужденья впереди.
Там, где единство гибель сторожит,
В бессмертье человечества лежит
Бессмертье человека. Береги
Познания извечные круги,
Его начала и его концы.
Пусть в сыновьях воскресшие отцы
Почувствуют, что беспокойства дух
В дороге совершенства не потух.

ЗАБВЕНЬЯ НЕТ В НОЧИ

Кому-то, для кого-то
Я нужен, может быть,
И мне моя забота —
Об этом не забыть.

И мне с моей заботой
Забвенья нет в ночи.
Трудись, душа, работай,
Звучи в ночи, звучи.

---

¹ «Античность и современность», «Наука», 1972, с. 371.

Тревог волшебный ящик,
Не умолкай в груди,
Всех спящих, и пропащих,
И дремлющих буди.

Уж солнце проколосось
Через туман греха.
Пусть не смолкает голос
Стиха и петуха.

ПОСЛЕ ВЕСЕННЕЙ ВОДЫ

Все было, было, было.
И снова, как тогда,
Всю дрянь земную смыла
Весенняя вода.

Весна на вольной воле
Меняет все вокруг —
И зеленеет поле
И побережный луг.

Весна полна отваги,
И под ее пятой
Уже кипят овраги
Куриной слепотой.

Лякует, как бывало,
Весенний синий день. .
И заблагоухала
Под окнами сирень.

И солнце в окоеме
Льет золотую дрожь.
И на нечерноземе
Не ложь растет, а рожь.

И НЕТ КОНЦА У ПРЕВРАЩЕНИЙ

Где тайна тайн у жизни скрыта,
Не скажут корпус и петит.
Мир бесконечен, и защита
У всех реакторов летит.

И нет конца у превращений
Загадочного естества.
И без успеха ищет гений
Закон всеобщего родства.
И мука творческого духа
За все ответственность берет.
И время, огрызаясь глухо,
Сквозь гибель движется вперед.

ПЛЫВЕТ ПО НЕБУ ОБЛАКО

Плывет по небу облако
Неведомо куда.
Под ним земля зеленая
И синяя вода.

Проходит тень от облака
Над сушей и водой,
Всему, чего касается,
Оно грозит бедой.

Ложится тень от облака
На синюю волну.
Дельфин, увидев облако,
Уходит в глубину.

И дикий зверь от облака
Как бешеный бежит,
Пшеница пригибается
И яблоня дрожит.

Дождем исходит облако
Над степью золотой.
И плачут в поле чибисы
Над мертвою водой.

ОТ ВЗРЫВА АТОМНОГО ТЕНЬ

В весеннем мире стало кисло,
И радость жизни уплыла.
Над человечеством нависла
Тень Люциферова крыла.

Все, что нам дорого и мило —
Прошедший век, и новый день,
И солнце ясное, — затмила
От взрыва атомного тень.

Она ползет над вешней пашней
Через границы древних рек,
Она стирает век вчерашний,
Она уходит в новый век.

Земля и небо пахнут адом,
Разгулом мирового зла.
Она прошла над детским садом
И мысль мою переползла.

Она весь мир перекалечит,
Нигде не ведая помех.
И мне от этой тени нечем
Прикрыть беспечный детский смех.

ИУДА

Я ради самой ясной ясности
Свой долг и честь не уроню.
...Иуда ищет безопасности,
Иуда прячется в броню.

Он по своей закономерности
Для пущего отвода глаз
Направо и налево в верности
На дню клянется десять раз.

Он ни одной не мечен раною.
Он чист, как божий херувим.
Надежно личною охраною
Во сне и бдении храним.

Он сединой беды не выбелен,
От треволнений вдалеке.
Но кнопка всей земной погибели
В его зажата кулаке.

Земная ось скрипит. Меняется
Мир, к неизвестности спеша.
И вместе с ним летит и мается
Изверившаяся душа.

И ТЕМ, И ЭТИМ

Или человечество похоронит войну,
Или война похоронит человечество.

Автор

Вы из одной кровавой банды,
К живому злобою полны,
Архимандриты пропаганды
И академики войны.

Погибель богом сделать хочет
Всех ваших действий реквизит.
И атом гибелью грохочет,
И слово гибелью грозит.

Каких вы ищете доходов?
Куда свою пошлете рать?..
Но на могиле всех народов
Вам не придется пировать.

ПО СОВЕСТИ И ЧЕСТИ

По совести и чести
Всем, что судьба дала,
Для мира, с миром вместе
Соразмеряй дела.

Пиши для мира повесть
Всех дел своих как есть.
И возродится совесть,
И станет честью честь.

И вновь на свете белом
Войдут в свои права
И снова станут делом
Забывшие слова.

Весенней правды воды
Сотрут тоску беды
И атомной свободы
Безумные следы.

СОН БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Во сне по какой-то причине
Случайно привиделся мне
Белеющий парус в пучине,
Скользкий по синей волне.

Из бездны к седому карнизу
Причудливо гибкой воды
Взлетал он и медленно книзу
Сползал, в основанье беды.

За парусом легкою прошвой
Струился отчетливый след.
И не было гибели в прошлом.
И в будущем гибели нет.

И не было парусу больно.
И не было больно волне.
И что-то прекрасно и вольно
Играло и пело во мне.

СКВОЗЬ ЗРАЧКИ ТВОЕГО ОТКРОВЕНЬЯ

Не жена, не сестра и не мать —
Ты была со мной редко и мало,
Но ты душу мою понимала,
Как никто не умел понимать.

Чем за это с тобой расплачусь —
Нищетою растратчика, что ли,
Иль оскоминой будущей боли
Столбняка восхищения чувств?

Все равно я останусь в долгу
На осколках разбитого долга.
А дышать этой тайною долго
Я, наверно, уже не смогу.

И еще доведется едва ль
Мне на узком пороге сомненья
Сквозь зрачки твоего откровенья
Заглянуть в непомерную даль.

НАД МОРЕМ

У скал, нависающих низко,
Над морем, венчая карниз,
На грани восторга и риска
Растет и цветет тамариск.

И там, под защитною сенью
Сплетенья цветущих ветвей,
Молчать своему вдохновенью
Всю ночь не дает соловей.

И в песне его молодеет
Вселенной живая душа.
И сонное море немеет.
И скалы стоят не дыша.

И небо, светлея, глядится
В колышущийся водоем.
И жизни и смерти граница
Смыкается в сердце моем.

ПАДПИСЬ НА КНИГЕ А. А. АХМАТОВОЙ

Голос ее благороден.
Облик ее прекрасен.
Подвиг ее народен.
Смысл ее песен ясен.

Писсведью откровений,
Каждой своей строкою
Правда ее творений
Встала над клеветою

И над стихом и прозой
Праздником в беге буден
Сней печальной розой
Тихо сияет людям.

И на своем примере
Выстраданного права
Учит любви и вере
Горького слова слава.

ПАМЯТИ В. П. СОЛОВЬЕВА-СЕДОГО

Он слушать голос времени умел.
Сводил с концами новые начала.
И, перехлестывая за предел,
Его живая музыка звучала.

И мертвые вставали. И в крови
Захлебывалась новая атака.
И песней исходили соловьи
Над хаосом погибели и мрака.

И все-таки гармония жива
В бессмертии сочувствия и муки.
Течет Нева. И слезы льет вдова.
Трубит труба. И маршируют внуки.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЕЗДКЕ В ВОРКУТУ

А. Каплеру

...И Русь не та, и мы — не те...

Я был недавно в Воркуте.
Я за решеткой не сидел,
В глубоких шахтах не седел.
Я перенес другой удел.

Пять лет мне домом был окоп,
Колючка в три кола,
Огонь с боков и снайпер — в лоб,
Россия — за спиной была.

Я видел впереди Берлин
Через блокадный хлеб.
Как многие, — не я один, —
Был на затылок слеп.

Пока я воевал под Мгой,
В Клооге слышал плач,
Там, за моей спиной, другой
Орудовал палач.

Там шло смещение времен
На торжестве доверия:
Малюта лютый и Бирон
Перерождались в Берия.

Он тяжкий грех и правоту,
Умы и неумы
Гнал по этапам в Воркуту
И в дебри Колымы.

...Я был недавно в Воркуте.
Там нынче правила не те.
Там больше проволоки нет,
Равны для всех тепло и свет.
Там люди разные живут,
В труде — не праздный хлеб жуют.

Я видел их за общим делом,
Всех, кто в живых остался цел, —
И тех, что были под прицелом,
И тех — кто брали на прицел.

И я дивился, как они
В весьма торжественные дни
В одном президиуме в ряд
С одним усердием сидят
В сиянье люстр и кумача.

Постой... Нельзя рубить сплеча
Историю. Ее понять
Не так легко...

1967

ОДНОПОЛЧАНИНУ СТЕПАНУ ЗОЛЬНИКОВУ

В легкой дымке синий берег,
Моря чистое стекло.
Сердце искреннее верит.
Сердцу тихо и светло.

В солнце с края и до края,
Море золотом горит.
Тайну тайне доверяя,
Сердце с сердцем говорит.

В белой пене волны катят,
Как кувалды в берег бьют...
За любовь любовью платят,
Сердце сердцу отдают.

После бури глуше, тише
Волны на берег бегут.
Сердце сердцем люди слышат,
Сердце сердцем берегут.

ВМЕСТО ЗАВЕЩАНИЯ

В селе Вязовское на старом погосте
Землею становятся мысли и кости.

На старых могилах как дивное диво
Растут лопухи и бушует крапива.

И в переплетении света и тени
Кольшутся заросли белой сирени.

И церковь, окутанная сиренью,
Привыкла давно к своему запустению.

Здесь память о предках моих небогата.
Здесь родина жизни моей. И когда-то

Окончится дней моих длинная повесть.
Умолкнут стихи. Успокоится совесть.

Друзья разойдутся. Разъедутся гости.
Найдите мне место на этом погосте.

Пусть все, что в душе моей жизни звучало,
Обратно вернется в родное начало.

ПЕРЕД НОВЫМ ВЕКОМ

Заканчивается двадцатый век.
И новый век, как на голову снег
Из темной тучи атомной зимы,
Готов свалиться. Гордые умы
Безмолвствуют в раздумье. Мир разъят.
Распад урана и души разлад
Со временем. Безумие страстей
И дьявольская жажда скоростей.
Земля на непонятные дела
Неистребимой жадности дала
Сама себя разграбить, утая
Таинственную радость бытия
От человека. Человек погряз
В звучании пустопорожних фраз
И в суетности неразумных дел.
Он собственную душу проглядел.
И вот тоскует-смертная душа,
Куда — сама не ведая — спеша.
И беспокойный человеческий ум
Иных миров тревожный слышит шум...

СОН БЕЗ ОКОНЧАНИЯ

Мне снился страшный современный сон:
Какой-то дикой силой унесен,
Я плыл, людьми и богом позабыт,
Через тоску бумажных волокон.
И мой корабль, решимости полна,
Легко несла бумажная волна.
Клубилась даль писчебумажных вод,
И набужал чернильный небосвод
Непроницаемую темнотой,
До грани горизонта залитой.
Саму бумагу растлевала тля,
И крысы убегали с корабля.
А я один напополам с грехом
Еще пытался крикнуть петухом.
Но голос мой беззвучно шелестел
В бумажном горле...

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Мне в этот день горька скупая почесть
И память кровью истекавших дней.
На двадцать миллионов одиночеств
Моей душе твоей души больней.

А может быть, и больше. Не считали
Живущие погибших в той войне.
Им было не до этого. Едва ли
Есть утешенье в этой скорби мне.

Пришли на смену молодые силы
Победы павших из последних сил.
Перепахали братские могилы.
Но мертвые не встали из могил.

И все еще исполненная рвения,
Осмыслить уходящее спеша,
В страстях раздора ищет примиренья,
Как под прицелом времени, душа.

Моя душа. И в ней как на экране,
Сомнения и страха не тая,
Качается у вечности на грани
Глобальный дух земного бытия.

ТОВАРИЩАМ 1941 ГОДА

На закате горят города,
Задыхаются с детскими снами.
Эшелоны уходят туда,
Эшелоны, набитые нами.

Там трещит за редутом редутом.
Там сломался рубеж обороны.
На закат эшелоны идут,
Днем и ночью идут эшелоны.

На закате горят города.
Не гляди, не надейся на чудо.

Эшелоны уходят туда.
Но они не вернуться оттуда.

Провожала нас Родина-мать.
И шинель и винтовку вручила.
Не просила в бою погибать
И в бою отступать не учила.

Нам судьбою узнать не дано
Все о нас сочиненные были.
Мы погибли без спроса давно,
А о том, как погибли, забыли.

Пролетели над нами года,
И салют отгремел многократно.
Эшелоны ушли в никуда.
И никто не вернулся обратно.

ВСПОМИНАЯ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ШИПКУ

Памяти Н. Свяцкого

1

Вершина смерти и долина роз.
Великая победа и ошибка.
Дождями скорби материнских слез
Издалека оплаканная Шипка.

Истории надежда и укор.
Любви и веры память и прогнозы.
Там кровь стекла с крутых уступов гор
И превратилась в пламенные розы.

2

Седое сердце памятью болит,
И горе в горькой прячется улыбке.
Мне неотступно снится инвалид
Без рук, без ног, оставленных на Шипке.

Его глаза глядят в мои грехи,
И этот взгляд пронзителен и долгов.

Он пишет оптимальные стихи,
Зажав в зубах карандаша осколок.

Что в глубине промытых болью глаз —
Не разглядишь, рассматривая близко,
...Его на Невский в две недели раз
Вывозит прогуляться гимназистка.

Она сияет страстью молодой,
Поэзию отыскивая в прозе.
И, умываясь розовой водой,
Благоухает розой на морозе.

3

А я молчу. Я к этому привык,
Охваченный предчувствий смутным гулом,
Как будто празднословный мой язык
Осколком оторвало под Кабулом.

ПОЛЮ ЭЛЮАРУ

Я свободен, как крики и вздохи
Тех далеко ушедших вперед,
Всех погибших героев эпохи
Испытания вечных свобод.

Их следы у веков на примете,
На золе отпылавших костров,
Неоткрытых дорог и по смете
Намечаемых вновь катастроф.

Их бесстрашные души в народе
Продолжают неконченный бой
На крутых перевалах к свободе,
Зарастающих мертвой травой.

Я свободен, как утренний ветер.
Мне свобода моя по плечу.
Я за все отвечаю на свете
И за все своей жизнью плачу.

На губах моих старые песни
Тех далеко ушедших вперед.
Я погибну и снова воскресну
На туманной вершине свобод.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ Д. ФРЭЗЕРА «ФОЛЬКЛОР В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ»

Среди легенд о мировом потопе
У каждого народа свой рассказ.
Одним ученым собранные в скопе,
Легенды эти я читал не раз.
И замечал, что каждое сказанье,
Рассматривая этот страшный суд,
Пространно толковало наказание
Как приговор за алчность и за блуд.
...А что теперь, в космические будни,
К великим тайнам подобрал ключи,
Что мы творим, своей свободы судьи
И собственной победы палачи?!
В какие дали нас ведет дорога?
Мы мир земной разграбили, губя,
Вломились в небо, отстранили бога
И скинули ответственность с себя.
И заблудились. Вывози, кривая!
Срывается история с ума.
И кровь рождает кровь. И вместо рая
Всемирного безмолвия зима
На горизонте собирает тучи.
Отравой снег ложится на траву...
Я — человек. Меня надежда мучит.
Я все еще надеждою живу,

КУДА ВЕДЕТ ТЕБЯ ТВОЯ СВОБОДА?

Все глубже и чувствительнее раны
Своей земле наносит человек.
Седые баламутит океаны,
Ломает русла животворных рек.

Богатствами наполненные щедро
Опустошает горы и леса,
Земные выворачивает недра
И перемешивает небеса.

Куда ведет тебя твоя свобода,
Вооруженный дикой силой тать?
Поосторожней! Грозная природа
Все чаще начинает бунтовать.

И на земле, поэтами воспетой,
Где силы мира в равенстве вольны,
Идет война. И нет страшнее этой
Позорной и бессмысленной войны.

Уходит радость, и смолкает песня,
И волны подступают к берегам.
И музыку родства и равновесья
Смывает и уносит ураган.

РАЗДУМЬЯ ХЛЕБ...

Раздумья хлеб о прошлом горек,
Беду на прошлое велят.
Рисует прошлое историк
Так, как диктаторы велят.

Хлеб размышлений о грядущем
Куда приятней. Он ведет
Наш разум, закрепленный в сущем,
Сквозь опыт сущего вперед.

Сквозь лагеря и крематорий,
Сквозь униженья и просчет,
Через зигзаги всех историй
Нас к правде истинной влечет.

Я в середине, а не с краю
Движения не напоказ.
Кого-то в чем-то повторяю,
Чтоб повториться много раз.

И ликующий, и настоящий
Откровенностью радости сущей.

В этой свежести, душу щемящей,
В этой музыке вещей и вящей,
Из глубин сокровенных идущей,

Над рекою печали текущей,
Я всей жизнью своей уходящей
Слышу песню свободы грядущей.

Я ПОВТОРЯЮ ВНОВЬ И ВНОВЬ

И все — как от стены горох
Во времена Гороха.
И превозносит пустобрех
Другого пустобреха.

Все первородные слова
Блистательной поковки,
Теряя добрые права,
Уходят по дешевке.

И мир молчит. Не говорит.
И нет хотенья пеня.
Клеймо молчания горит
На истине терпенья.

Смотреть и видеть невтерпеж,
Как глупость разум учит.
И ложь рождает только ложь
И правду жизни мучит.

ЕЩЕ У ВРЕМЕНИ В СТРОЮ

Опасен в памяти излишек
Страстей, просчетов и побед,
Науки синяков и шишек,
Пскрытых сединою лет.

Я говорю об этом прямо,
Как и всегда, на этот раз:

У голой правды нету срама,
Она прекрасна без прикрас.

И жизнь моя, подобна чуду,
Несет меня в потоке дней.
Я верю всем, во всем, повсюду
И сомневаюсь вместе с ней.

И может быть, довольно сухо,
Еще у времени в строю,
Я опыт совести и духа
В грядущее передаю.

Как будто выход из былого,
Как будто сами по себе
Погибель века морового
И праздник братства мирового
В моей присутствуют судьбе.

И ВСЕ УВИДЯТ НАЯВУ

От предстоящих катастроф
И полыхающих костров
Дошедшие до точки,
Друг друга ищут среди людей
На старой ярмарке идей
Слепые одиночки.

Там ищет первого второй
И оба — третьего. Порой
Им это удается.
Ищи и ты мою беду.
А я — с твоей — тебя найду.
А третий сам найдется.

И каждый будет жить для всех
И свой единственный успех
Разделит честь по чести.
И все увидят наяву
Деревья, небо, и траву,
И праздник жизни — вместе.

ПРОЗРЕЛ СЛЕПОЙ...

Прозрел слепой на нашей улице,
Весь мир улыбкой одаря.
Вот он идет и не сутулится,
Без палки, без поводыря.

Идет один, самостоятельно,
Переступив пустую тьму.
И мир легко и притягательно
Подлаживается к нему.

Идет, в неведенье не кается,
Надежным виденьем храним.
И вся вселенная старается
В его зрачках остаться с ним.

Прозрел слепой на нашей улице.
Сам по себе прозрел. И вот
Идет один. На солнце щурится
И знает сам, куда идет.

СОДЕРЖАНИЕ

Песня иволге, которая меня будила в селе Михайловском . . .	7
Песня моему другу Борису Лихареву, которую он не услы- шит : :	9
Песня вечному оптимизму	11
Песня Вороньей горе. <i>Поэма</i>	13
Песни Лебязьей канавке	27
Песня незнакомой девочке	29
Песня неназванному другу, изменившему мне	31
Лермонтов. 1841	33
Песня моим комиссарам. <i>Поэма</i>	37
«Знать, глубина заоблачной вселенной...»	41
Надпись на книге Кайсына Кулиева «Раненый камень» . . .	42
Изету Сарайличу	44
«Душа — навыворот! Рубаху...»	46
Песня последнему жаворонку	47
Стихи, прочитанные на вечере памяти Мусы Джалиля . . .	49
Наши песни спеты на войне	50
Песня дальней дороге. <i>Поэма</i>	52
На краю света	
«Граница снежных Анд и океана...»	66
«Что такое Чили? Шпага...»	66
«Крутые обрывы...»	67
Стихи, написанные в доме Пабло Неруды в Исла-	
Негра	67
«Базар гудел. Базар потел...»	68
«Ах, Лота! Каторжная Лота!...»	69
«У входа в угольную яму...»	69
Тальнауан !	70
Песня восхищения Давиду Сикейросу	71
Вальпараисо ночью...	72
Астроном Зверев играет в обсерватории Саптьяго	
Скрябина	73
Песенка, которую пел человек с острова Пасхи	74
Чистильщик сапог у отеля «Санта-Люсия»	75
«Человек кривляется с эстрады...»	75

Неотправленное письмо из Чили личного характера	76
Летим над Андами на север	76
«Нет, ты не вымысел фантаста...»	77
Альгарробо в Атакаме	78
Утки в лагуне	79
«Тревога — ощутимей бога...»	80
«Пророк рифмуется с пороком...»	80
«Перекрестка прокрустово ложе...»	81
«Пророкам гибели легко...»	81
«Самолет драконом, а не зябликом...»	82
«Не живешь ты, сердце, взаперти...»	82
«Сантьяго, Генуя и Вена...»	83
«Скошена горошина...»	83
«С недоумением иль приветом...»	84
Дорога жизни	
1. Размышления о ящерице	85
2. Разговор с водителем М. Твердохлебом	86
3. Глаза Л. Белоусова	87
4. Подводный свет	89
5. Вдогонку уплывающей по Неве льдине	90
6. Разговор с немецким писателем	92
7. У костра на берегу Ладоги	93
8. Слушая последние известия	95
9. В последний раз	96
Окно в горы	
Благополучное письмо	97
Эвкалипт	97
Восемь строф на могилу Георгия Лсопидзе	98
Горы из окна ночью	99
После прогулки по Цхалтубо	100
Сон	102
Памяти Симона Чиковани	102
Холодное утро Цхалтубо	103
Почти заклинание	104
Воспоминание о добром пире	105
Ночной платан	106
Очень хорошее утро	107
Зерна	108
Святогорское лето	
Стихи к вечеру	123
Песня корням	123
Письмо Ярославу Смелякову из Михайловского после прочтения его книги «День России»	125
Себе на память	126

Прощание с линкором	127
Песня разбитому колоколу	129
Красное утро	131
Стихи, сочиненные во время собирания грибов	132
«Искры гибнут на лету...»	132
Ночью, вспоминая ночь	133
О чем мне думалось во ржи	134
7 июля	134
Туман	135
«Держала жизнь сама...»	135
Признание чудака	136
Встречая рассвет	136
Похвала доннику	137
«Что делать! Я — традиционен...»	138
Очень грустные стихи	153
Поздним вечером на Маленце	140
Вопрос самому себе	140
В больницу Константину Ивановичу Коничеву	141
После грозы	141
Перед памятником партизанке Клавье Назаровой в Острове	142
Женщине, шьющей распахонку	143
О чем не забывается	144
Небольшой девочке Еленке	144
После концерта	144
Маленькое раздумье вслух	145
Знакомому китобою	145
В лесу	146
В дороге	146
Мой полк уходит на учење	147
Предчувствие осени	148
Камыш	149
Сей зерно!	149

Случайный календарь

«Поэзия, поэт выручай...»	151
Форель идет против течения	151
Давиду Кугультинову	152
Песня в честь и добрую славу Берды Кербабаява	153
Тоскующему другу	155
«Сквозь туман горят неярко...»	156
«Зачем ты на меля совой...»	156
«От аргонавта и до космопавта...»	157
Сонет на память Николаю Рыленкову	157
Песня в честь Евгении Николаевны Тарсановой	158

Памяти Александра Гитовича	159
Ночные стихи Мустаю Кариму	160
Весна не за горами	
«У пограничной полосы я...»	161
«Гляди и удивляйся в оба...»	161
«Хвойный лес в оконной раме...»	162
«На прошлое не доверяй оглядке...»	162
Синий свет	163
«Ну что ж! В беспутности поэта...»	164
Топор	164
Тебе на память	165
«О чем загадываю в марте...»	165
«Прорвется пухом прозелень...»	166
Старый журавль	166
На пути под деревом	
Другу	168
Дуб :	168
«Ты — человек, живешь среди людей...»	169
Признание	169
Валяясь в траве	170
«На всю вселенную в ночи одна звезда видна...»	171
Ода футболу	171
«Разменяются тучи на ливни...»	171
На прощание	172
«Сама природа отпустила...»	173
Вдова	174
Гроза ночью	174
Вспоминаю одно окно в Гамбурге	175
«Во сне с ума сошел ребенок...»	176
Над могилой А. С. Пушкина	176
«За нами костры и походы...»	177
Пейзаж	178
«Не гладь меня по волосам...»	178
Памяти однополчанина Александра Яшина	178
24 строчки иронии	179
«Разгуливают аисты по лугу...»	180
Утопические стихи	180
Упала яблоня в саду	181
Святые руки тети Шуры	182
Воспоминание о параде	182
«Верь! Невозможно жить без веры...»	183
Четверть века спустя. Поэма	184

ДЕРЕВО ДЛЯ АИСТА

Татарник

«Вчера ломал деревья ураган...»	190
Оглядываюсь на жизнь	190
«Осколки былой панорамы...»	190
Ольге Берггольд в день ее шестидесятилетия	191
«Ты — половина памяти моей...»	191
Читая Докучаева	192
Воспоминания о прощании с космонавтами на Красной площади 3 июля 1971 года	193
Слушая Равеля	194
«Тыходишь в жизнь, как в двери мастерской...»	194
Поздним вечером	195
Памяти Александра Трифоновича Твардовского	195
«Движенью истина вужпа...»	196
«Я синей песней изойду...»	196
Твоей свободы. выстраданный путь	197
Наедине	197
Праздник	198
Письмо в стихах о страшном случае	198
Элегия	199
Крик вдогонку	200
12 сентября	200
Объяснение самому себе	201
Перед Астраханью	201
«Условности придумываем мы...»	202
Из окна осенью	203
Воспоминание о Стратфорде	203
«Цветут цветы в долине...»	203
Тихо	204
Прощаясь с Венецией	204
Письмо из «Красной стрелы»	205
Ласточкам вдогонку	
«Окружены изменчивым пространством...»	207
«Прекрасен мир противоречий...»	207
«Душа моя, а все ли ты свершила?..»	208
«Молдавия! Еще поет Земфира...»	208
Я	208
Вдогонку последней кукушке	209
Стихи в честь Алексея Фомича и Людмилы Алексеевны Андреевых, написанные в день их свадьбы	210
Соловьиный куст	211
«Все было — до...»	211

Стихи о самом первом	212
После твоего письма	212
Постоянство	212
Холодный ветер	212
«Страдою лето сожжено...»	213
«В лугах снегов седое лихо...»	213
«Чем дальше цель, тем к цели путь прямей...»	214
«Перед лицом пожизненного долга...»	214
Летят года	214
Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову	215
Песня прощания с Юханом Смуулом	216
Открытка в Киев	217
Надпись на книге Десапки Максимович «Требую помилования»	219
Стихи из-под дерева	220
За кругом круг	220
На смерть Мартина Лютера Кинга	221
Письмо Кайсыну	221
Яну Карловичу Судрабкалну	222
Надпись на книге переводов Николоза Бараташвили	223
Перед памятником Эдит Сёдергран в поселке Роццано	224
Идущему в горы	224
Стихи на дорогу	225
Лирика	225
Посвящение	225
На старом рубеже	
«В ночи беседуя со мной...»	227
«Это память опять от зари до зари...»	227
«Я слышу, я вижу своими глазами...»	228
Над книгой Некрасова	228
Опять то утро вспоминая	229
«Да, я солдат. Завидуй мне. Дивись...»	229
И нет безымянных солдат	231
На Невском «пяточке»	232
«А тот блиндаж, где я сложил...»	233
Мой Пегас	233
Артист	234
В тишине	234
«Своею кроной выше звезд...»	235
На старом рубеже	235
30 июня 1973 года	236
Памяти Ефима Копеляца	236
«Я прожил жизнь не одиноко...»	236
«Не знаю что — судьба или подкова...»	237

Позднее признание	237
Песня русскому языку	238
«Упрямо, без шатания...»	239
Апрель	239
«Ищи всему свое начало...»	240
Ветреное утро	
Из окна	241
Оттепель	241
В начале марта	242
Песня для себя	242
Письмо в Михайловское	243
«Всегда у жизни на пиру...»	244
«Еще полночные светила...»	244
«Бесстрастен древний свет с Востока...»	245
Порой мне кажется	245
«Я видел с горной высоты...»	245
Утром	246
Полдень :	246
Перед сенокосом	247
Сенокос :	247
Ласточка через Ла-Манш	248
«При каждом незаметном повороте...»	248
Воспоминание	248
Предисловие к завещанию	249
«Мир отрывается с начала...»	250
Закладка в «Сатириконе» Петрошья	250
«На самого себя обида...»	250
В Тихом океане	251
В осенних полях	252
«Пшеница убрана, и скошена...»	253
Старички	253
Три вдоха о Марселе	253
На будущем мечтой сосредоточась	255
Старые рифмы	256
«Как чист Эльбрус в ночи январской...»	256
«Пусть неизвестность впереди...»	257
«Солнце закатилось, словно разум...»	257
«Там, в долине, и рельсы и рейсы...»	257
«Под корень скошена отава...»	258
«А ныне — голая зима...»	258
«Бумеранги Равеля срываются со щепы...»	258
«Там, в нашем августе, созрели...»	259
«На океан идет Сахара...»	259
«Плыл самолет в небесной сини...»	260

«Летят с Атлантики муссоны...»	260
«Как быстро кончилось вино...»	261
«Ах, этот взгляд! Ах, этот праздник...»	261
На очень дальнем берегу	262
Приснившиеся стихи	262
«Как бы разбросанный потопом...»	263
С ветром в лицо	263
«Зачем негодую и спорю...»	264
Очень старая песня	264
«Тебе все мало, мало...»	265
«И красота твоя порочна...»	265
«Одних сгубило золото...»	266
«Тот день живет во мне, как окрик...»	266
«И так и сяк верстая фразу...»	267
Форель играет в лунном свете	268
«Как совершенство неба и земли...»	268
Тебе на завтра	269

Сяде сердце

Сонет в барвинками	270
«О, этот грозовой разряд...»	270
После возвращения	271
Вязовское	272
Под вечер	272
«Я подтверждаю песней спетой...»	273
«Укачивала душу скука...»	274
Утро	274
«Нет палестинцу в Палестине...»	275
«Вы хоть словом меня утешьте...»	275
Песня живой глине	276
Письмо Геворку Степановичу и Диане Нестеровне Григорьянам в город Ереван	276
Б. Б. Пиотровскому	277
«Жизнь тасует события и сроки...»	278
Песня городу Адепу	278
Стихи над пустыней	279
«Я сегодня, подвластный раздумий тревожному мигу...»	280
Памяти Михаила Луконина	280
«Все отошло и отзвучало...»	281
«Прошедших лет смыкается кольцо...»	281
«Ах, как рифмует лето...»	281
«Душа загадке в унисон...»	282
«Клубок страстей...»	282
«Всей непривычной собранностью тела...»	283
«Вселенной музыка нагая...»	283

Ночь в августе	284
В изголовье друга	284
«Порой мне кажется, что я...»	285
Надпись на рукописи	285
«Все было взято с бою...»	285
Лен цветет	286
«Певучей музыкой сонета...»	286
Дерево для аиста	
Утренний сонет	287
«Пред тем как уподобиться струне...»	287
«Что поделаю?.. Все чаще...»	287
«В глазах темно...»	288
«Как бы на волнах музыки журчащей...»	288
Стихи перед татарником	289
Летели лебеди...	290
«Гроза подкрадывалась и грозила...»	290
Вспоминая дорогу из Веймара	291
Желание	291
Вспоминая Рим	291
Розовая история	292
Вздых старого болельщика	292
Надпись на музыкальной программе	293
В Михайловском	294
Тихий полдень	294
Разговор вслух	294
Дерево для аиста	295
«Под облаками серой парусины...»	296
Надпись на атомном реакторе	296
Сонет перед зимой	296
Костер в снегу	297
«Морозный свет...»	298
Все шире круг...	298
Материнский крест	299
Добавление к указателю на перекрестке	299
Сонет Рафаэлю Арамяну	299
На берегу озера	300
Рыжий конь на скошенном лугу	300
Листьям вдогонку	301
Сонет Кайсыну	302
Полярный круг	
Сполох	303
Полюс	304
Давид Кугультинов в Норильске	305
Ледник	305

Баллада, написанная с опозданием, в знак благодарности, которую я не мог сказать вовремя	307
Песня Ледовитому океану и его обитателям	308
Стихи, приснившиеся мне на станции «Северный полюс-22»	309
Тихий вздох над Сибирью	310
Стихи вместо рецензии на спектакль рыбки Сайки в палатке гидролога	311
Письмо с полюса Василию Федоровичу Давиденко, бывшему командиру взвода, в котором я служил	312
Песня сверчку и его слушателям	313
Заклинашке с полюса	314
Западный берег. Стихи из Португалии	
1. Кабо-да-Рока	316
2. Вспоминая Виктора Конецкого в Лисабоне	316
3. Акварель	317
4. Открытка из Порто	317
5. Вид с берега	318
6. Габриэлю Гарсиа Маркесу	318
7. Попытка объяснения	319
8. Возврата нет	319
9. Закат на Атлантике	320
10. Открытка в Лисабон	320

ПОЛЫНЬ

Ключ

«Среди берез в зеленом храме...»	322
Стихи перед упавшим деревом	322
«Ты плачешь, молча мир кляня...»	323
«Не насыщая пищей чрево...»	323
Вспоминая океан	323
«Июль. Исходят липы цветом...»	324
Сергей Орлов	324
Минута молчания	325
Полдень	326
Памяти Л. Н. Мартынова	326
«В мельканье жизни разной...»	327
Оптимальные стихи	327
Надпись на рукописи без подписи	328
Ода свече	328
«Я вновь дышу моей весной...»	329
«Ты бежишь за вчерашним днем...»	329
«Зачем опять ломать карандаши...»	330

«Мы все зависим друг от друга...»	330
«Непобедимой жизни праздник...»	331
«О том, что в тайной песне спето...»	331
«Самих познаний черствый хлеб...»	332
«Ну что ж! Дари, раздаривай...»	332
Окно	333
«На смятую постель рассвет...»	333
«Стояла сушь. Хлеба от жажды...»	334
Очень простые стихи	335
Молодому мастеру	335
Надпись на книге Сенеки «Письма к Луцилию», подаренной Владимиру Жукову	336
Каин	336
«Все ощутимее потери...»	337
«Мой друг умирает в постели...»	337
Цепная реакция	338
«Не спеши улетать из души моей, красное лето...»	338
Перед утром	339

Из-под снега

«В какой закономерности...»	340
«Росу в сирени солнце пьет...»	340
«Вид из окна неприхотливый...»	340
«Что-то страшное в мире творится...»	341
«Свечи мерцающий огарок...»	341
«Весь мир туманный и неясный...»	342
«Есть хаос, есть порядок...»	342
«Освобожденное от дыла...»	343
«Иные пути и начала...»	343
«Горят и светят сквозь ресницы...»	344
«Мир бесконечен и богат...»	344
«Все поглощающие воды...»	344
«Из недр глубинных брызги...»	345
«Все словно должное приемля...»	345
«Здравствуй, милая, здравствуй! Еще примириться не хочет...»	346
Памяти Сергея Наровчатова	347
«Правда в старинной поговорке есть...»	347
«Виднее в чаше жизни дно...»	347
«Возникают и гибнут вместе...»	348
«Это милое обаянье...»	349
«И ты стоишь, как нищий...»	349
«Я вам за все спасибо говорю...»	349
«В песках времен иссякнет наша речь...»	350
«Железная дорога...»	351

«Ах, женщина! Мне тоже опыт дан...»	352
«Великая могучая река...»	352
«Помолчи или оплакивай...»	352
«Увы, не представляет разум...»	353
«Среди растений я не гений...»	353
«Все прочное висит на волоске...»	354
«В июле по обочинам...»	355
«В пустой заброшенной избе...»	355
«Пока душа твоя нежна...»	356
«И душе сомневаться не ново...»	356

После свидания

«И мне признаться впору...»	357
Ночь	357
Обращение к Фаусту	358
«Ты предал смерти все живое...»	358
Слово о словах	359
Семену Степановичу Гейченко	359
Надпись на программе концерта Владимира Селиво- хина	360
Поднимающемуся на Эверест	360
Надпись на книге А. В. Сухова-Кобылина «Картины прошедшего»	361
«А конь был в самом деле золотой...»	361
Возвращение со свидания	362
Поле жизни	362
«Опять не убраны хлеба...»	363
Однополчанину Алексею Бровкину и самому себе	363
Памяти Нины Альтовской	364
«Я всей жизнью своей виноват...»	364
Стихи сочувствия	365
Не вернувшемуся из тайги	366
Неотосланные стихи	366
Утреннее обращение	366
«Два окна, да кровать, да четыре стены...»	367
Молодому поэту	367
«Молчанье откровенно не претит...»	368
«На сирень и на флоксы смету...»	368
Старый бор	368
Памяти Алексея Лебедева	369
«Шливы! Топи в глубинах моря...»	370
«Пока мне все не все равно...»	370
«Как черновик в карандаше...»	370
«Живи, себя не мучая...»	370
«Что Вам <u>виделось</u> , я не знаю...»	371

Ромашка	371
«То, что в душу вошло, то, что душу задело...»	371
Заметы памяти	
«Опять снега в полях и долах...»	373
Совет в честь Павла Яковлевича Голодриги	373
«Он с богом говорил о многом...»	374
«Кричат гудки и стонут...»	374
«Смотрю в окно на белый свет...»	374
«Нам душат души прошлого обноски...»	375
«Андрей Платонов был Платоном...»	375
Бессмертие	376
«Поэт, воспевший Зангезур...»	376
«Нелепая отрада...»	376
«В прекрасной ясности и в смуте...»	377
«Уолтер Мэй, я вас благодарю...»	378
«Дорога дальняя. Довесок...»	378
Вдогонку вчерашнему дню	379
18 января 1943 года	380
«Устало море биться о ступени...»	380
«Сегодня я проснулся на рассвете...»	381
Стихи, написанные после концерта Владимира Федотова :	381
На пороге старого театра	381
Из письма И. А. Халифману, автору книги «Пчелы»	382
Кольцо : : :	382
«Кричит о верности измена...»	383
«От праздников и буден...»	383
Стихи прошлого лета	
«Песня иволги спета, и сны пересмотрены все...»	385
«За сутками новые сутки...»	385
Памяти Федерико Гарсиа Лорки	386
«Отторженность моей души — вина...»	386
«Чиста, светла и глубока...»	386
Художнику Василию Михайловичу Звонцову	387
Стихи, посвященные Левону Мкртчяну	388
Печаль по жаворонку	389
После смерча 9 июня 1984 года	389
Надпись на книге «Трудны сычуаньские тропы»	390
Вспоминая Босха	390
«Они играют и поют...»	391
Стихи, написанные после посещения памятника на месте гибели Юрия Гагарина	391
«Вся боль и горечь мира...»	391
Себе самому на всякий случай	392

«Завывает по-волчьи пронзительный ветер в трубе...»	392
«Я лишь с тобою быть могу...»	393
Бывает : : : :	393
Сонет из аллеи Анны Керн	394
Легкое воспоминание	394
«В душе раздумьем остуди...»	395
«Верить хочу...» :	395

Впервые в Америке

«Иль нам до братства не добраться...»	396
Еще одно напоминание	396
Аплодисментам, переходящим в овацию	396
Горькие слова перед Белым домом	396
Читая книгу Давида Кугультинова «Бунт разума»	397
«Не в силах помнить и забыть...»	397
У памятника Альберту Эйнштейну в Вашингтоне	398
«Есть в человеческих затеях...»	398
«Нажиться хочешь?! Начинай! Спешим...»	398
«Над Гулливером меч заносит лилипут...»	399
«Двадцатый век. Кровавый век...»	399
Надпись на книге Джеймса Джонса «Только позови»	399
«Безумен мир или спокоен...»	400

Стихотворения из дневника Гамлета

«Безумие сегодня правит миром...»	401
«Я человек, и я ищу родства...»	401
«Святая правда есть...»	402
«Надежда ушла и пропала...»	402
«Коварней в жизни нет напасти...»	402
«Страсть не подвластна разуму. Но страсти...»	403
«Я все ищу сестру и брата...»	403
«Не гремит подобен грому...»	403
«Офелия, велением той свободы...»	404
«Великих истин в мире есть немного...»	404

Десять сонетов из Михайловского

Сонет Александру Сергеевичу Пушкину	405
Сонет воспоминания о Хатыни	405
Сонет Палеонтологическому музею	406
Сонет спутнице	406
Сонет предупреждения	407
Сонет вчерашнему дню	407
Сонет не подверженному делению	408
Сонет вечернему раздумью	408
Сонет Александру Блоку	409
Сонет всеобщему празднику	409

Сегодня

Не торопись : : :	411
Забвенья нет в ночи	411
После весенней воды	412
И нет конца у превращений	412
Плывет по небу облако	413
От взрыва атомного тень	413
Иуда : :	414
И тем, и этим	415
По совести и чести	415
Сон без продолжения	416
Сквозь грани твоего откровенья	416
Над морем	417
Надпись на книге А. А. Ахматовой	417
Памяти В. П. Соловьева-Седого	418
Воспоминание о поездке в Воркуту	418
Однополчанину Степану Зольникову	419
Вместо завещания	420
Перед новым веком	421
Сон без окончания	421
В День Победы . . . . . : :	422
Товарищам 1941 года	422
Вспоминая путешествие на Шипку	423
Полю Элюару	424
Надпись на книге Д. Фрэзера «Фольклор в Ветхом за- вете» : :	425
Куда ведет тебя твоя свобода?	425
Раздумья хлеб... . . . . . : : : :	426
Обладающий силой	427
Сонет старого предчувствия	427
Я повторю вновь и вновь	428
Еще у времени в строю	428
И все увидят наяву	429
Презрел слепой...	430

Михаил Александрович Дудин
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 4-Х Т.

Т. 2. ВРЕМЯ.

Стихотворения и поэмы. 1963—1986

Редактор **Б. Романов**

Художник **Н. Пескова**

Художественный редактор **А. Никулин**

Технический редактор **Н. Ганина**

Корректоры **Г. Черепенникова, В. Дробышева**

ИБ № 4552

Сдано в набор 27.02.87. Подписано и печати
3.06.87. А07599. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура
об. нов. Печать высокая. Бумага тип. № 1.
Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд.
л. 20,24. Тираж 50 000 экз. Заказ 12. Цена
2 р. 40 к.

Издательство «Современник» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли и Союза писателей
РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Типография № 2 Росглавополиграфпрома,
152901, Андропов, Чкалова, 8

Дудин М. А.

Д81 Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 2. Время. Стихотворения и поэмы. 1963—1986/Сост. Н. Б. Банк. — М.: Современник, 1987. 445 с.

Второй том собрания сочинений М. А. Дудина составили избранные стихотворения и поэмы, написанные в 1963—1986 годы.

Д 4702010200—217
М106(03)—87 подписное

ББК84Р7
Р2

